ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ТЭЙЛОР АДАМС



СМЕРТЬ НА МОСТУ

Смерть на мосту
Тэйлор Адамс

Аннотация
Тэйлор Адамс. Смерть на мосту. Роман
Часть 1. Четыре маленьких костра
  Глава 1. Лена
  Глава 2. История Кэмбри
  Глава 3. Лена
  Глава 4. История Кэмбри
  Глава 5. Лена
  Глава 6. История Кэмбри
Часть 2. Пластикмен
  Глава 7
  Глава 8. Лена
  Глава 9. История Кэмбри
  Глава 10. Лена
  Глава 11
  Глава 12. История Кэмбри
  Глава 13. Лена
  Глава 14. История Кэмбри
  Глава 15. Лена
  Глава 16. История Кэмбри
  Глава 17. Лена
  Глава 18

Глава 19. История Кэмбри
Глава 20. Лена
Глава 21
Глава 22. История Кэмбри
Часть 3. Последнее слово
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Эпилог
Благодарности

Аннотация

Три месяца назад Кэмбри Нгуен приехала на машине на отдаленный мост в штате Монтана и прыгнула с высоты двухсот футов, разбившись насмерть. По крайней мере, такова официальная версия полиции.

Но ее сестра-близнец Лена не верит в это.

Она приехала на тот самый мост на машине своей погибшей близняшки, вооружившись кассетным магнитофоном, чтобы выяснить, что же произошло на самом деле, допросив дорожного патрульного, который обнаружил тело ее сестры.

Капрал Раймонд Райсевик согласился встретиться с Леной на месте происшествия, но в его рассказе не все сходится.

Почему Кэмбри незадолго до своей смерти сделала шестнадцать попыток позвонить в 911? Почему прислала загадочное сообщение сестре?

Лена готова на все, чтобы узнать правду.

Тэйлор Адамс
Смерть на мосту
Роман

Посвящается моим родителям

Taylor Adams
Hairpin Bridge

* * *

Печатается с разрешения Lorella Belli Literary Agency Ltd. и Synopsis Literary Agency.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Taylor Adams, 2014
© Перевод. М. Жукова, 2021
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

Эта книга — всего лишь выдумка. Имена, фамилии, действующие лица, описываемые места и события являются плодом авторского воображения или используются как часть авторского вымысла и не должны восприниматься как

реально существующие. Любое сходство с реальными событиями, местами, организациями или лицами, как ныне живущими, так и усопшими, является случайным.

Часть 1
Четыре маленьких костра

Глава 1
Лена

— Вы выглядите… как она. Точная копия!

Лена Нгуен многократно слышала это в прошлом и всегда расстраивалась. И с годами она не стала огорчаться меньше оттого, что является ходячей и говорящей тенью своей сестры.

— Вы близнецы?

Она кивнула.

— Однояйцевые, да?

Она снова кивнула.

Что-то изменилось в глазах сотрудника полиции штата, он будто сожалел о сказанном. Словно оскорбил ее, начав разговор не с того.

— Мне… Мне следовало сказать: я очень вам сочувствую. Такая потеря.

Еще один. Лена, придав лицу вежливое выражение, встретилась с полицейским взглядом.

— Я даже представить себе не могу, каково это — потерять сестру.

Этого не мог представить никто.

— Нужно жить дальше.

Старая песня.

— Понимаю, эта боль никогда не пройдет. Но со временем она стихнет.

«Так, что-то новенькое», — подумала Лена. Надо будет добавить в список того, что она уже слышала.

Капрал Раймонд Райсевик согласился встретиться с ней на посыпанной гравием парковке, которой пользовались посетители небольшого кафе «Магма-Спрингс» в одноименном городишке и автозаправочной станции «Шелл», примерно в шестидесяти милях от города Мизула. Мимо проходил поток машин — массовое бегство от лесного пожара. Рядом было два поворота с плохой обзорностью и ни одного светофора, поэтому перекресток считался опасным.

Капрал Райсевик внешне напоминал гориллу, втиснутую в песочно-коричневую форму дорожно-патрульной полиции, которая плотно обтягивала его мощное тело. Огромные плечи, бицепсы и милая улыбка. Под глазами — мешки, по цвету напоминавшие уже проходящие синяки. Он пожал руку Лены, явно пытаясь сделать это осторожно — такой-то лапищей!

— Спасибо, что согласились.

— Не за что.

— Я на самом деле это ценю… То, что вы прие-

хали вовремя и все остальное…

У него на губах мелькнула легкая улыбка.

— Моя смена закончилась.

Он долго ее рассматривал, так и не сходя с места. А Лена уже испытывала знакомое раздражение. Она всегда его чувствовала, обсуждая сестру с незнакомыми людьми. Лена давно усвоила этот урок, все прекрасно помнила и выбрала свой путь. Она точно знала, что в эту минуту думал Райсевик, даже до того, как он произнес это вслух. Слова прозвучали словно по сценарию:

— Простите. Мне… Прямо не верится — вы *совсем как она*.

«Тебе не понять, — угрюмо подумала Лена. — *Как это ужасно — оплакивать человека, лицо которого каждое утро видишь в зеркале».*

— Должно быть, ужасно каждое утро смотреть на ее лицо в зеркале. Каждый день видеть ее в любой отражающей поверхности, даже в зеркале заднего вида. И каждый раз терять дар речи…

Лена молча смотрела на него.

— Мои соболезнования, Лена.

«Да? Может, я тебя недооценила, Рай».

Вдруг она дернулась — ее испугал визг тормозов, сопровождаемый каким-то шипением. Она повернулась — фура вписалась в поворот

на слишком большой скорости. На мгновение показалось, что, тормозя, десятитонный грузовик сейчас понесется прямо на них, и внутри у Лены все сжалось. Но водителю удалось справиться с управлением, и огромный грузовик вернулся на свою полосу. Капрал Райсевик смотрел в тонированные стекла проезжающей машины, словно ожидая от водителя извинений.

Но тот извиняться не стал. Снова взревел двигатель, и грузовик погрохотал дальше. Их обоих окатило воздушной волной. Лена смахнула челку с лица, перед глазами, словно пленка в проекторе, пронеслась надпись на боку прицепа: «УКУС ЗМЕИ». Еще мгновение — и грузовик исчез, оставив лишь звон в ушах, песок и пыль во рту.

— Идиот, — буркнул себе под нос полицейский.

«Я и вправду тут, — подумала Лена. — *Я и вправду стою прямо тут».*

Пыль на зубах — это реальность. После нескольких месяцев ожидания двадцатичетырехлетняя Лена наконец оказалась в Монтане. За много миль от дома. Она продвигается вперед. У нее что-то получается. Прозвучал еще один голос — тихий шепот у нее в сознании: *«Не расслабляйся. Не теряй бдительности. Ни на секунду».*

Лена поймала себя на том, что опять накручивает на указательный палец прядь волос и тянет — эта привычка появилась у нее еще в начальной школе. Она опустила руку. По этому жесту можно было понять, что она нервничает.

Райсевик не обратил на это внимания. Он, прищурившись, смотрел вдаль.

— Отсюда до моста Хэйрпин недалеко, но там ни тени. Солнце палит жутко. Может, вам нужно что-то купить в кафе перед тем, как поедем? Воды?

— Да, сейчас куплю.

— Хорошо, — он кивнул и показал на свою машину. — Я тогда завожу двигатель.

Лена поспешила назад в «Магма-Спрингс», где работал кондиционер. Сегодня она уже сидела там несколько часов, попивая черный кофе маленькими глотками и слушая, как группы пожарных, заходивших перекусить яичницей, обсуждали рабочие проблемы. Она притворилась, что выбирает что-то у холодильника, в котором стояли энергетические напитки и вода в бутылках, а удостоверившись, что капрал Райсевик пошел к своей патрульной машине и за ней не наблюдает, вернулась к столику, где сидела.

Там стоял ее ноутбук. Она трижды проверила,

подключен ли кабель питания, а также подсоединение к ресторанному роутеру. Все работало отлично.

— Еще раз спасибо, — поблагодарила она женщину за стойкой. — Я скоро вернусь.

— Скачиваете что-то для курсовой работы? В колледже задали?

— Что-то вроде того.

Она поехала за полицейским на восток по автостраде МТ-200. Пятнадцать минут они мчались по дороге со свежеуложенным асфальтом и смотрели на затянутый дымом горизонт. Затем Райсевик неожиданно повернул направо, через две полосы, словно появившийся поворот удивил его самого. Лене пришлось резко нажать на тормоза, аж шины заскрипели.

Райсевик махнул из окна рукой, словно хотел извиниться.

Дорогой, на которую они свернули, похоже, никто не занимался уже несколько десятилетий. Опаленный солнцем бетон потрескался, и сквозь трещины проросли сорняки. Разметка потускнела. Над запертыми металлическими воротами висела выцветшая табличка: «ВЪЕЗД

ЗАПРЕЩЕН». Капрал Райсевик знал код наизусть. Заперев ворота, он поехал на скорости семьдесят пять миль в час, на пятнадцать миль превышая допустимую. Лена задумалась, не проверяет ли он ее. Может, хочет выписать ей штраф? Это был бы идиотский поступок.

Она последовала за ним на той же скорости, тоже устроит ему проверку.

Лена ехала в полной тишине. С самого утра, как она выехала из Сиэтла, никакой музыки и подкастов — для подсоединения к динамикам у нее не было нужного провода. Она боялась даже прикасаться к CD-плееру или настройкам радио, потому что это была не ее машина.

Это была машина Кэмбри.

Раньше была машиной Кэмбри.

Ехать в машине умершей сестры-близняшки невыносимо. Отец с заплаканными глазами убедил Лену забрать эту машину — «Тойоту Короллу» 2007 года выпуска, в которой ее сестра фактически жила. Она оказалась одной из немногих вещей, оставшихся от Кэмбри, и было бы неправильно ее продавать. Может и так. Но сегодняшнее путешествие в сухие предгорья округа Хауард в Монтане стало самым длинным для Лены.

Она ничего не меняла. Все осталось на своем

месте. Пустая бутылка из-под газировки объемом тридцать две унции в держателе для чашек. На бутылке изображен супергерой, который уже сошел с экранов. Красный автомобильный холодильник, забитый сгнившей едой. Запасной аккумулятор, воздушный компрессор, грязный ящик с инструментами. На заднем сиденье все самое необходимое для жизни в машине: вещевой мешок со сложенной одеждой, которая все еще пахла Кэмбри, пакеты с замком зип-лок, в каждом отдельно хранились дезодорант, зубная паста и жидкость для полоскания рта. В багажнике — двухместная палатка, электрогриль и идеально уложенный спальный мешок. Так плотно скатать спальный мешок у Лены никогда не получалось. Никогда.

«Я не просто сижу за рулем ее машины, — поняла она где-то между Споканом и Кер-д'Аленом, почувствовав в душе одновременно боль и пустоту. — *Я еду в ее доме»*.

Лена была городской девушкой и не могла не восхищаться спартанским образом жизни сестры-близняшки. Клейкая лента на руле. Торчащие провода, свидетельствующие о том, что Кэмбри ремонтировала автомобильный прикуриватель сама. Разбросанные по всему салону аромати-

ческие салфетки (как Лена догадалась — чтобы избавиться от неприятных запахов). Что-то переставить или выбросить из этого сокровенного места, где сестра прожила больше девяти месяцев, значит серьезно оскорбить память о ней.

Поэтому все осталось, как и было.

Даже заплесневевшая еда в автомобильном холодильнике. Даже бутылка из-под газировки рядом с ее сиденьем, от которой после нагревания на солнце стало сладко попахивать. Три месяца назад к ней прикасались губы Кэмбри. Может, на ней все еще остались следы ДНК.

«Вы выглядите совсем как она».

Лена удивилась, что капрал Райсевик не узнал машину сестры. Он же нашел ее в тот вечер, когда и труп Кэмбри. Разве он не запомнил машину?

Его патрульная машина продолжала нестись вперед — теперь скорость приближалась уже к восьмидесяти милям в час. Лена вдавила педаль газа и тоже увеличила скорость. Дорога шла вверх в предгорья. На неровном бетоне машину потряхивало. В некоторых местах справа виднелись глубокие ужасающие обрывы. Лена подумала: на большинстве дорог смерть поджидает совсем близко. Тут и дорожные ограждения не помогут. Встречная полоса и ущелье совсем рядом. Чуть

отклонишься, свернешь в сторону и… Она попыталась об этом не думать.

Здесь сосны были выше — достигали шестидесяти, семидесяти футов. Выжженные солнцем ветки казались ломкими, а земля под ними была усыпана коричневыми иголками и сухим можжевельником. Миллиону акров леса было достаточно всего лишь одной искры. Рельеф менялся и вдали возвышался…

Она почувствовала ком в горле.

Вот он. Он уже показался над пологими холмами, неровный и неприветливый, полностью сделанный человеком. Ископаемые останки, поднявшиеся из земли.

«Господи, вот он».

Лена увидела это строение. Внутри все сжалось. Коричневые от ржавчины, его подпорки, заклепки, перекладины освещались ярким солнечным светом. Приближаясь к нему по разбитой дороге ближе, она его видела все отчетливее. Лена знала, что теперь ей никуда не деться, а ее судьба и судьба капрала Райсевика сплелись на этом мосту. Назад пути не было.

На мгновение мост скрылся за еще одним бугром, поросшим сухими соснами. Лена постаралась успокоиться, привести нервы в порядок.

После первой встречи с врагом план сражения всегда корректируется, так?

Звучит ободряюще, но все же…

«На фотографиях он казался меньше».

ДО МОЕГО ОТЪЕЗДА

Пост от 20 сентября 2019 года Лены Нгуен

Все начинается с моста.

Опасного стального монстра с крутым поворотом на южном съезде, длиной шестьсот футов, протянувшегося над мрачной долиной на окраине обанкротившегося шахтерского городка. После строительства автострады федерального значения он стал абсолютно не нужен. Возвышается в семидесяти милях от Мизулы. Если говорить о мостах, то этот можно назвать полным провалом, и он сам это прекрасно знает.

Именно здесь умерла моя сестра.

Предположительно.

Дорогие читатели, простите за столь невеселую тему. Знаю, этот пост отличается от того, что я обычно пишу для «Огней и звуков», кого-то из вас это расстроит. И я очень ценю ваши добрые слова

и пожелания в «Фейсбуке» и «Инстаграме»[1] на протяжении последних месяцев, когда я, так сказать, находилась в самовольной отлучке (по очевидным причинам). Да, я вернулась в блогерское дело, но не совсем так, как вы, возможно, ожидали. Я приготовила сногсшибательный пост, поэтому, как говорится, пристегните ремни.

Но до того, как вы начнете его читать, предупреждаю.

Это не мой обычный пост. Это не обзор книги, фильма или видеоигры. Это не монолог на политическую тему (хотя год для этого выдался подходящий). Это не поэзия, не юмористическая зарисовка, не фотография, не долгожданная одиннадцатая часть коротких видеороликов на тему «Товары в розницу». Именно этот пост мне нужно опубликовать здесь, в «Огнях и звуках», для моих нетребовательных, но увлеченных читателей (для вас), и скоро станет понятно почему. К тому времени, как вы закончите это читать, в зависимости от вашего часового пояса, меня, возможно, покажут во всех новостях страны. Заранее простите, если это испортит ваш день.

---

[1] Примечания: 1

Социальные сети «Фейсбук» и «Инстаграм» принадлежат компании Meta, которая признана экстремистской, и ее деятельность на территории России запрещена.

Хорошо? Договорились.

Итак, поехали.

Я провожу эту субботу на мосту Хэйрпин, также известном благодаря своей форме как Шпилька. Завтра утром на рассвете я сяду в машину Кэмбри и проведу за рулем семь часов — поеду на восток, в маленький городок под названием Магма-Спрингс, чтобы встретиться с местным полицейским, патрулирующим дороги, по имени Раймонд Р. Райсевик. Да, это его настоящие имя и фамилия (очевидно, в то время, когда родители подбирали имя, Р была самой популярной буквой). В письме, отправленном по электронной почте, он любезно согласился показать мне, горюющей сестре, точное место, где три месяца назад он нашел труп Кэмбри.

Что касается моста Хэйрпин… Дорогие читатели, ничего не вспоминаете? Вы вполне могли слышать про эту Шпильку. Это архитектурная аномалия. Его странная форма объясняется окружающими долину каменными стенами. На южном съезде потребовалось своеобразным образом его закрутить и получилась петля, по которой словно едешь назад — по виду мост напоминает гигантскую металлическую шпильку. У моста есть еще одно название, но я не стану его

тут упоминать. Если честно, мне не нравится, что мост ассоциируется с Кэмбри. И еще мне не нравится, что ее имя теперь навсегда связано с этим названием в поисковике. Поэтому я не собираюсь его использовать.

Говорят, на мосту Хэйрпин живут призраки.

Предположительно (привыкайте к этому слову).

Здесь наблюдаются паранормальные явления. Говорят, что вокруг опор моста Хэйрпин происходит искривление пространства и времени, а когда вы по нему проезжаете, прошлое и настоящее могут переплестись. Это что-то типа преломления света при прохождении через грязную линзу.

Знаю, что вы сейчас подумали. Я не утверждаю, что мою сестру убили призраки. Правда. Но в июле в какой-то момент я рассматривала и такую возможность. Некоторое время я зачитывалась присланными историями об искажении хода времени и увиденных призраках. Я прослушала все аудиозаписи, сделанные людьми, которые, по их утверждениям, уловили призрачный шепот: «Помоги мне» или «Уходи отсюда». Я даже прочитала книгу, изданную за счет автора, некоего Рипли, который под этим мостом провел ночь (спойлер: он выжил).

Это смешно, но в таком состоянии я оказалась после неожиданной смерти сестры. Словно в яму свалилась. Во время свободного падения становишься сам не свой. Пытаешься найти объяснения, хватаясь за самые неправдоподобные факты. За мифы, преступные заговоры, **что угодно**, только бы найти смысл там, где его нет.

Теперь я думаю, что наконец-то нашла его.

(Нет, речь не о призраках.)

И вот туда я и еду, дорогие читатели. Именно поэтому я, жительница Сиэтла, в данный момент попивающая маленькими глотками латте, завтра утром собираюсь к ужасно некрасивому мосту в богом забытом месте. Именно поэтому я пишу этот пост. Именно поэтому мне нужна только правда, чистая правда от капрала Райсевика.

И я готова на все.

Я должна знать.

Кэмбри, что с тобой случилось?

Он ждал ее на мосту, припарковав черную патрульную машину справа, у низкого дорожного ограждения, на котором облупилась краска. Но Лена знала: место, где они остановятся, совершенно не имеет значения. Мост Хэйрпин — мертвая

трасса. Они не заблокируют движение, потому что его просто нет.

На южном съезде, как раз за поворотом, благодаря которому мост стали называть Шпилькой, бросался в глаза выцветший на солнце дорожный указатель. Прочитать информацию на нем полностью было невозможно. Там говорилось что-то про ненадежность моста, что его давно не проверяли. Но охотников за приведениями это все равно не остановило. Недавно кто-то взял баллончик черного цвета и добавил:

«ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ СЮДА».

Надпись показалась Лене на удивление подходящей.

Она припарковалась в нескольких ярдах перед машиной полицейского, чтобы оставить себе путь к отступлению. Возможно, сбегать придется быстро. С минуту она не выключала двигатель «Тойоты», сделала глубокий вдох и задержала дыхание. Путь из Магма-Спрингс занял примерно столько времени, сколько она и планировала. Теперь она на месте, но осознала, что не была готова к этому.

«Кэмбри, я приехала».

Лена посмотрела на погнутые очки сестры на приборной доске. На царапины на линзах.

«Неужели я и вправду приехала?»

Она посмотрела в боковое зеркало и увидела, что капрал Райсевик стоит у своей машины, опершись локтем на дверцу, и притворяется, что занят болячкой на запястье, а не ждет ее. Очень тактично с его стороны. Он уже удивил ее своей чуткостью. Наверное, так повлияла на него работа — определенно, за годы службы он многократно сообщал родственникам плохие новости. Но Лена подозревала, что дело не только в этом. Он сам тоже кого-то потерял. На нем была метка, как и на ней — еще один член этого ужасного клуба. Жену? Ребенка?

Она ощутила боль в легких и поняла, что все еще задерживает дыхание.

Лена заглушила двигатель и тут же об этом пожалела. Можно было бы еще посидеть. Райсевику все равно. Теперь он смотрел на нее сквозь черные солнцезащитные очки и да, обратил внимание, что Лена приехала на голубой «Тойоте Королле» Кэмбри. Близнец жертвы за рулем машины жертвы. Приехала на место гибели сестры, этакий доппельгангер[2]. Жуть.

---

[2] Примечания: 2

Доппельгангер — двойник человека, появляющийся как темная сторона личности, или антитеза ангела-хранителя в литературе эпохи романтизма. — (Здесь и далее примеч. пер.).

Может, это его и беспокоило, но виду он не подал. Райсевик слегка кивнул Лене, словно говоря: «Вот это место».

«Очевидно, что оно».

Она вылезла из машины. Солнце тут припекало гораздо сильнее. Миражи мерцали у покрытого бетоном полотна дороги, чем-то напоминая рябь на воде. В воздухе — ни ветерка.

— Отсюда виден огонь, — Райсевик показал на север. — Четыре тысячи акров в районе Черного озера, пожар распространяется дальше, остановить его пока не удается…

— Он придет к нам?

— Только если поменяется ветер.

В таком случае лесной пожар Лену не интересовал. Ей было о чем подумать. Но темный дым, поднимавшийся на милю вверх и напоминавший грозовую тучу, выглядел внушительно. Казалось, что на горизонте наступает конец света — апокалипсис в замедленной съемке.

— Знаете, я никогда не понимал, почему этот мост называют Шпилькой, — задумчиво произнес Райсевик. — Да, я вижу вон там крутой поворот, но, честно говоря, этот мост как из «Марблворкс». Такой детский конструктор, знаете?

— Да.

— Прямая деталь с изогнутым крюком на конце, — он показал пальцем. — Похоже? Я его так воспринимаю. А не как шпильку.

Мост Марблворкс. Почему-то такое название таинственно совсем не звучало.

— Вы сами много играете в «Марблворкс»?

— Всем нужно хобби.

На мгновение он показался ей обыкновенным человеком. Это было мило. Но это также было абсолютным враньем.

— Вы приехали… на ее машине, — наконец он произнес это вслух.

— Да.

Он печально посмотрел на задние фары.

— Узнаю ее.

— Не возражаете, если я буду все записывать?

— Не понял?

Она спросила не сразу. Тянула до момента, пока они не окажутся на мосту. Она считала, что отказать на месте смерти сестры ему будет труднее. Лена кивнула на машину.

— Я привезла с собой старый магнитофон. Вы будете смеяться, но мне посоветовали… все важное записывать.

Райсевик не ответил. Думал.

— Я и раньше начала записывать, — она пе-

чально улыбнулась. — На видеокамеру я засняла похороны.

— И смотрели?

— Несколько раз.

Он скорчил гримасу, словно спрашивая: «Зачем?»

— Мы не умираем, когда останавливается сердце. Мы умираем, когда о нас забывают. Моя сестра больше не человек из плоти и крови. Она — мысль, образ. Я ношу этот образ в себе. Поэтому мне нужно сохранить любой оставшийся от нее след, каждое слово, запах, звук.

— И даже не самое приятное?

— Да.

— Даже похороны?

— Мне кажется, что она рядом. Словно ненадолго отошла.

«Это словно расковырять болячку, — хотелось добавить. — *Болячка заживает, и ты о ней забываешь — что ужасно. А если расковырять, то снова с болью о ней вспоминаешь.*

Так и я себе напоминаю».

Райсевик вздохнул. Потом кивнул.

— Хорошо. Записывайте.

Лена вернулась к «Тойоте», переживая, вдруг она прокололась. Кто именно посоветовал ей

записывать? Психотерапевт? После неожиданной смерти можно обратиться и к адвокату. И Райсевик это прекрасно знал. Она нагнулась и достала из машины громоздкий черный магнитофон «Шубокс».

Вставив кассету, Лена нажала на нужную кнопку.

— Проверяю, как работает, — пояснила она.

— Их до сих пор выпускают?

— Это магнитофон Кэмбри. Еще из детства.

Райсевик больше не задавал вопросов, а только смотрел, как Лена ставит устройство на капот «Тойоты». Сквозь прозрачную пластиковую крышку было видно, как в кассете начала двигаться лента.

— Спасибо, капрал Райсевик, — произнесла Лена, на этот раз громче, чтобы микрофон все уловил.

— Называй меня Рай.

— Спасибо, Рай, — Лена посмотрела на него. — Пожалуйста, начни с того момента, как ты нашел ее тело.

— Я приехал по вызову к воротам, сквозь которые мы сюда заехали. Кто-то использовал болторез, чтобы перерезать цепь.

— Такое бывало?

— Подобное происходит пару раз в год. Через этот путь водители грузовиков срезают дорогу — так ехать на час меньше. Это было вечером седьмого июня. Около одиннадцати. А когда я проехал вон тот поворот, приближаясь к мосту, то увидел здесь голубую «Тойоту».

— Припаркованную где? Можешь показать точное место?

— На самом деле… — он запнулся. — На самом деле там, где ты сама только что припарковалась.

Внутри появилось нехорошее предчувствие, но Лена тут же решила не обращать на него внимания.

«Совпадение».

— Я чуть не врезался в нее, — продолжал полицейский. — Резко нажал на тормоза, кофе разлилось на мою рацию. Вон видны следы от шин.

И это на самом деле было так — там на дороге, куда он показал, остались немного петляющие поблекшие следы. По цвету — как черная лакрица.

— Я подошел к «Тойоте» Кэмбри, теперь твоей, в 23:44. В ней никого не оказалось. Словно машину бросили просто так. Непохоже, что в нее кто-то

забирался. Дверца со стороны водительского места была широко распахнута. Аккумулятор разряжен. Пустой бак, — Райсевик колебался, он явно чувствовал себя глупо. — Но ты же все это знаешь…

— Прошу, нужна каждая деталь.

— Я проверил весь мост до конца, осмотрел деревья, искал костры или свет фонариков. Затем сел в свою машину и связался по рации с коллегами, чтобы проверить номерной знак. Это было в 23:51.

«Как точно он знает время, — отметила про себя Лена. — *Он все изучил».*

— Я помню, как стоял рядом с машиной, пока наш диспетчер проверял номерной знак по базе данных, и собирался с мыслями. Салфеткой стер кофе со штанов, поднял голову, посмотрел на усыпанное звездами черное небо, и у меня появилось ужасное чувство, словно… Словно что-то не так. Я не знаю, как еще его описать. Я стоял на этом мосту, а ощущение, словно одной рукой залез в утилизатор отходов, а другой пытаешься починить кнопку включения. Понимаешь, о чем я?

Нет, Лена не понимала, но все равно кивнула.

«В призме моста Хэйрпин смешалось не только прошлое и настоящее, — вспомнила она про-

читанное. — *Здесь также переплелись жизнь и смерть».*

— Каким-то образом я просто… — Райсевик закусил губу. — Наверное, сработала та особая интуиция, которая развивается у полицейских. Что-то мне подсказывало, что нужно опять вылезать из машины на холод — для июня было холодно — и взглянуть вниз, за ограждения. Что-то подсказывало, что исчезнувший водитель «Тойоты»… будет там, внизу.

— Мост Самоубийц, — прошептала Лена.

— Что?

— Мост Хэйрпин, он же мост Самоубийц.

— Не понял…

— Он фигурирует во многих рассказах о призраках, — Лена накрутила прядь волос на палец, смутившись из-за того, что использовала слово «призрак». Не стоило их упоминать. — Об этом пишут в Интернете, фанатики, любители паранормального… Говорят, что с этого моста прыгнуло несколько водителей. Пять или шесть самоубийств в восьмидесятые годы. Этого хватило, чтобы он приобрел вполне определенную славу — как место, куда тянет одиноких, измученных проблемами, неуравновешенных людей, чтобы свести счеты с жизнью.

— Хм, — полицейский пожал плечами. — Никогда об этом не слышал.

— Как лес в Японии.

— Об этом тоже никогда не слышал, — Райсевик подошел к ограждению и положил на него свои большие ладони. Лена заметила на них бугорки мозолей. — Я стоял вот на этом месте, когда увидел Кэмбри.

Лена содрогнулась.

Райсевик показал пальцем прямо вниз, на мозаику из бледных валунов далеко внизу. Арройо[3] было усыпано большими и маленькими камнями, которые приносило в те сезоны, когда по этому руслу неслись воды Сильвер-Крика. Внезапные, иногда катастрофические ливневые паводки бывали в марте, а в июле наступала засуха.

— Где?

— Вот здесь.

Лена подошла к ограждению и попыталась представить тело Кэмбри, лежащее там внизу, как часть мозаики. Переломанное, безжизненное, словно кукла. В двухстах футах под ними. Но это она пыталась представить уже на протяжении

---

[3] Примечания: 3

Арройо — сухое русло в пустынных долинах.

нескольких месяцев. Теперь Лене нужно было узнать больше деталей.

— Она лежала на спине? Или на животе?

— На боку.

— На правом или левом?

— На левом.

— А кровь была?

Райсевик повернулся к ней.

— Не понял.

— Ты видел кровь?

— А как это поможет?

— Я хочу знать все, — Лена пыталась смотреть ему в глаза, не моргая. — Все неприятные, ужасные детали. Если я не узнаю их, то и дальше буду представлять все те ужасы, что лезут мне в голову по ночам, когда не могу заснуть. А это гораздо хуже. У меня в воображении незаконченная картина, а я терпеть не могу незаконченные дела. Мой мозг не дает мне покоя, пытаясь заполнить пробелы.

Лена не была уверена, что полицейский ей поверил.

— Это подобно монстру из фильмов, — она решила использовать другую тактику. — Пока ты не видишь чудовище, оно кажется ужасным. Но когда ты четко видишь его при дневном свете, оно

словно лишается силы. Становится знакомым.

— Все зависит от чудовища.

— У меня очень богатое воображение, Рай.

— А твой… — Райсевик прищурился. — Твой психотерапевт дал добро на подобные вопросы?

— Я знаю, о чем спрашиваю.

— Уверена?

— Уверена.

— Точно?

— Точнее не бывает.

Райсевик вздохнул и отвернулся.

— Мне становится не по себе.

— Это тебе-то становится не по себе?

— Кэмбри умерла в результате падения с этого моста, — резким тоном сказал он. В окружающей тишине его голос прозвучал очень громко, и Лена непроизвольно отпрянула назад. Она всегда пугалась, когда мужчины повышали голос. — Я не стану делиться никакими жуткими подробностями о состоянии ее тела после самоубийства, потому что не считаю это необходимым и пристойным. Понятно?

У Лены было ощущение, будто ее отругали. Несмотря на все усилия, на глаза навернулись слезы. *«Держись! Не расклеивайся!»*

— Увидев тело твоей сестры, я позвонил в ско-

рую и пешком спустился вниз, чтобы оказать помощь. Как я и ожидал, пульс не прощупывался. Она не дышала. Тело лежало там по крайней мере день.

«Не плачь». Лена прикусила губу.

— Такая смерть… быстрая. Мозг не успевает ощутить боль. Это подобно выключателю внутри тебя — срабатывает за микросекунду. Какие бы у нее ни были проблемы шестого июня… — он выдохнул, снова посмотрел на нее и добавил более мягким голосом: — Лена, твоя сестра не страдала.

Она напряглась, у девушки было такое чувство, словно по спине между лопаток провели ледяным пальцем. Капрал Райсевик впервые назвал ее по имени. Лучше бы он этого не делал.

«Твоя сестра не страдала» тоже оказалось новой фразой среди тех, которые ей приходилось слышать. Когда кто-то прыгает с моста, обычно ни у кого не хватает наглости заявлять, что этот человек не страдал.

Лена попыталась сосредоточиться на текущем моменте. На том, что происходило здесь и сейчас, на себе и Райсевике. Но пребывание на том самом месте происшествия оказывало странное влияние. Ее беспокойный разум все время воз-

вращался к случившемуся, пытаясь восстановить детали: *«Шестое июня. Спустились сумерки. Воздух потрескивает от электричества. Кэмбри Линн Нгуен в одиночестве едет на машине по перекрытой дороге. Проехав неизвестное расстояние из неизвестного места, она добирается до моста. И останавливает здесь машину»*.

Как раз на том месте, где Лена неосознанно припарковала ту же машину. Странное и пугающее совпадение.

«Она выходит на прохладный воздух. Уже девять часов вечера. Двигатель оставляет включенным, дверцу распахнутой. Идет к краю моста, прямо сюда… — Лена ухватилась за ограждение обеими руками, может, в тех самых местах, где три месяца назад за него держалась Кэмбри. — *Перелезает через ограждение, вначале перекидывает одну ногу, потом другую. И делает шаг вниз. Или, может, вначале висит на пальцах, прежде чем разжать их. Или, может, лихо прыгает в пустоту, как она это умела.*

Она летит вниз — двести футов.

И на скорости ударяется об усыпанное камнями сухое русло…»

— Кошмар! — прошептала Лена.

А что еще можно было сказать? Райсевик от-

ступил назад, чтобы оставить ей побольше места у ограждения.

Теперь очередь вопросов. Вопросы, которые Лена без конца прокручивала у себя в голове — царапающиеся, раздирающие на части, умоляющие выпустить их наружу: *«Что ты здесь делала? Куда ехала? Почему остановилась? Почему вылезла из машины именно в этом месте, на этом пустынном мосту?»* И этот, ставший традиционным, ужасный рефрен: *«Почему ты покончила с собой? Почему ты это сделала?»*

— Мне очень жаль, — прошептал Райсевик у нее за спиной. Но его голос звучал странно, с каким-то металлическим отзвуком, словно проходил огромное расстояние по телефонным проводам. Лена видела только пустоту у себя под ногами, овраг глубоко внизу, широкое сухое русло Сильвер-Крика, усыпанное камнями и поваленными белыми деревьями.

«Кэмбри… О чем ты думала в последние часы своей жизни?»

Глава 2
История Кэмбри

«Господи, хоть бы мне не умереть сегодня», — подумала Кэмбри.

Увидеть сову днем — дурной знак. Она не помнит, откуда это знает.

Сова сидит на ветке, напоминая садового гнома. Это виргинский филин. Из-за торчащих на голове перьев, которые напоминают рога, на фоне голубого неба вырисовывается дьявольский силуэт. Эти рога нарисовать труднее всего — главное, не переборщить. Кэмбри рисует чернилами, не карандашом, и рисунок уже испортила — несчастная сова получился похожим на Бэтмена. Кэмбри хочется вырвать страницу и начать сначала.

«До встречи с тобой я о смерти и не думала. А сейчас чувствую, твой портрет меня доканает», — думала Кэмбри.

Внизу, в кемпинге, тихо.

Точнее, тихо было, пока полминуты назад на «Форде Эксплорере» не приехала пара. Теперь Кэмбри слышит тихие голоса, шуршание па-

латки, застегивание молний, открывающиеся и закрывающиеся дверцы машины. Она пытается сосредоточиться на рисунке. Сова глядит на прибывших, она, вероятно, тоже не в восторге.

Пара спорит. Кэмбри сидит на пригорке в зарослях полыни, в пятидесяти ярдах над лагерем, и оттуда слов не разобрать, но сами голоса слышны. Ритм. Они говорят то громче, то тише, друг на друга ворчат, огрызаются. Мелодия конфликта. Она знает каждую ноту.

Мужчина достал из «Форда» автомобильный холодильник и демонстративно кинул его на землю.

Высовывая язык, — эта привычка появилась у нее лет в пять — Кэмбри продолжает работать над рисунком совы, ее ушами Бэтмена и всем остальным. Вдруг не все потеряно. Если уши сделать перекрестной штриховкой, то сложится ощущение, что они увеличены специально. Натурщица утратила интерес к приехавшей паре и снова не сводит своих ярко-желтых глаз с Кэмбри. От этого настороженного взгляда Кэмбри не по себе.

Хлопнула дверца багажника «Форда». Пара пошла в кемпинг. Их голоса исчезают среди сосен.

Кэмбри вспомнила, как в восьмом классе они ходили в музей. Экскурсовод рассказывал о

коренных жителях Америки, те считали сов предвестниками смерти. Стражники загробного мира, покидающие его в дневные часы, чтобы встретить и сопроводить души усопших. И вот один из этих стражников все еще внимательно и странно рассматривает ее глазами-лупами.

Снова тишина. Пара исчезла.

Наконец-то.

Кэмбри захлопнула блокнот и бесшумно поспешила вниз, к дороге. Рядом с «Фордом» той пары она расстегнула рюкзак, достала канистру емкостью три галлона[4], аккуратно открыла крышку бензобака и вставила пластиковую трубку длиной несколько футов.

Все это время за ней наблюдает сова.

В детстве я обещала Кэмбри написать книгу о ее приключениях. Но я имела в виду не то, что вы сейчас читаете.

Ясное дело.

Однако описывая жизнь сестры, я прохожу мучительный катарсис. Понять, как прошли ее последние часы, для меня словно сходить к косто-

---

[4] Примечания: 4
1 галлон = 3,78 л.

праву. Каждое написанное слово приносит боль, но мои родители должны знать, что произошло с их дочерью шестого июня. Скажу вам прямо: я допустила некоторые вольности, кое-что додумывая, потому что о чем думала моя умершая сестра — никому не дано знать.

Но кто, как не я, ее сестра-близнец, должна попробовать восстановить ход событий?

Прежде чем продолжить, несколько слов специально для Кэмбри. Вот, сестренка, твоя книга, как и обещала. Наконец-то. Мне очень, очень жаль, что я опоздала на пятнадцать лет.

И очень жаль, что в конце ты умираешь.

Блокнот на пружине, принадлежавший Кэмбри, — это описание последних девяти месяцев ее жизни в рисунках.

Сентябрь в Орегоне. По петляющему шоссе из Портленда к вечнозеленым растениям у воды — остановка у озера Крейтер. Затем Медфорд, домашнее пиво и валянье на диване перед телевизором вместе с беспечным и добродушным другом Блейка, ее парня. Друг поделился с ними мощным галлюциногеном, который он сам вырастил в коробке из-под обуви. Кэмбри казалось,

что следующие три часа на нее падали волосатые тарантулы, будто сброшенные с самолета парашютисты. Наконец она перестала их бояться и начала просто давить.

Октябрь в Калифорнии. По автостраде 101 мимо Юрики к Стеклянному пляжу. Местные жители, проживающие рядом с воинской частью Форт-Брэгг, на протяжении десятилетий сбрасывали мусор в океан и невольно собрали самую большую в мире коллекцию стекла, отполированного волнами. На дне, среди темных камней, блестят голубые и зеленые осколки. Всю красоту карандаш и чернила не передали. Кэмбри взяла горстку этих стекляшек и положила в бардачок машины.

Ноябрь на туманном побережье, у скользких причалов и на мостах. Самый большой мост — Золотые Ворота.

Декабрь и январь в Нью-Мексико, Аризоне, Техасе. У них с Блейком еще все хорошо, но деньги заканчиваются быстро. Они играли во фрисби на апокалипсических просторах выжженной солнцем пустыни Уайт-Сандс. Ветер поднимал волны белого песка на высоту пятидесяти футов. Однажды ночью, лежа под звездным небом, Блейк спросил ее, что она собирается делать после этого долгого путешествия, когда они наконец вернут-

ся в Сиэтл.

— Покончу жизнь самоубийством, — ответила Кэмбри.

Он неловко рассмеялся.

Февраль и март в Луизиане, Джорджии, Флориде. Кэмбри рисовала белые особняки с подъездными дорожками длиной в полмили, гирлянды на деревьях и чешуйчатые головы аллигаторов. С Блейком они стали ругаться чаще, причем спор начинался внезапно и яростно, словно буря. В районе Форт-Майерса град разбил лобовое стекло «Тойоты», они словно попали под обстрел. Отношения стали еще хуже. У автомастерской Блейк с угрюмым видом заявил, что идет в магазин на заправке за сигаретами. Кэмбри ждала полчаса, потом пошла за ним. На автозаправке продавец сказал, что видел, как мужчина, похожий на Блейка, встретил приятеля и вместе с ним уехал. Он украл четыре тысячи долларов и их маленький пистолет двадцать пятого калибра. У Кэмбри в кошельке осталось семнадцать долларов и машина с только что отремонтированным лобовым стеклом.

Она поехала дальше.

Почему бы и нет?

В Сиэтл она вернется без него. Это она пред-

ложила отправиться в путешествие на год. Не Блейк. Дорогу домой она найдет — если вообще захочет возвращаться. И попадет туда тогда, когда захочет сама.

Апрель в Вирджинии, затем через огромное зеленое плато Озарк, под разваливающимися трубами заржавевших бумажных фабрик и еще каких-то заводов, потом на север, в Дакоту. Рисунков становится больше — теперь Блейк не дергает ее за руку, как непоседливый ребенок. Она решила уменьшить расходы и продала трейлер. В день Кэмбри стала проезжать большие расстояния. Подработкой она пополняла денежные запасы. Воровать ей не нравилось, но иногда приходилось. В основном еду.

Теперь июнь. Монтана.

Ее последний блокнот почти заполнен. От Магма-Спрингс до Сиэтла не так уж и далеко, один-два полных бака бензина. Ее манит прошлая жизнь, ей не хватает комфорта: водопровода, розеток. В этом месяце зубы стали болеть сильнее. То и дело на зубной щетке появляется кровь.

По ее прикидкам, сегодня вечером она доберется до Кер-д'Алена. Если выедет прямо сейчас.

От кемпинга «Голова собаки» она идет пешком, сначала по дороге, потом срезает путь через

густой холмистый лес. Теперь у нее тяжелый рюкзак — в канистре плещется бензин. Когда она забирается в такую глушь, то ворует только один-два галлона. Не хочется, чтобы люди потом вообще не могли никуда уехать.

Поздний вечер, температура воздуха очень приятная. За соснами оранжевое солнце, а небо приобретает сиреневый оттенок. Никаких голосов, никто не спорит, не ругается — только стрекочут сверчки и сухая трава хрустит под ногами. Кэмбри любит тишину, запах сосновых иголок и ягод. Осталось немного, до автомагистрали минут пять — там она оставила машину. Внезапно она видит столб дыма.

«Горит моя машина», — подумала она.

В последнее время с головой у нее не все в порядке. Начиная с Флориды, она больше не в состоянии контролировать панические атаки — психолог называл их фуриями. Сова означает близкую смерть. Зубная боль — раковая опухоль. Дым — ее «Тойота» в огне.

Оказалось, что дым поднимается рядом с тропой, где она идет. Фактически это несколько столбов грязного дыма на фоне Скалистых гор с белыми шапками. Кэмбри любопытно, что это за дым. Она останавливается и, прищуриваясь,

сквозь ветки деревьев пытается рассмотреть, что происходит.

Может, трава горит?

Она видит источник дыма примерно в четверти мили внизу: голая зацементированная площадка, белая как кость. Словно здесь когда-то собирались построить здание, но так и не построили, а теперь тут все заросло сорняком. Прицеп и проржавевший грузовик. Высохший колодец. Наваленные кучей бревна и гравий. Земля темная, влажная, словно только что вскопанная.

Дым поднимается от четырех костров. На голой цементной площадке они выложены как по линеечке, к тому же каждый костер окружен пирамидой из камней. Конструкция похожа на небольшие очаги. Языки пламени не могут выбраться наружу, оранжевый огонь словно пойман в капкан.

Между кострами разгуливает мужчина.

При виде еще одного человека Кэмбри вздрагивает, но она была уверена, что находится тут одна. Она идет дальше, спотыкаясь о камни под ногами. С этого расстояния незнакомец кажется размытым пятнышком. Похоже, он раздет по пояс. Он наклоняется над каждым костром и помешивает его то ли палкой, то ли кочергой. Он

доходит до конца ряда, поворачивается и снова проверяет каждый костер.

Медленно, спокойно, методично.

Кэмбри жалеет, что оставила бинокль в багажнике. Ближе подойти она не решается. Даже четверть мили для нее слишком близко.

Догадаться нетрудно — он сжигает ветки, как делают многие, прежде чем начнется летний запрет на сжигание сухой травы и веток у себя на участке. Но костры слишком маленькие, да и каменные пирамиды выглядят так, будто собраны для чего-то другого. Может, он что-то коптит, готовит на медленном огне? Оленину? Лосося?

«А он человек?» — нашептывают ей фурии.

Кэмбри задумывается, не зашла ли она на чей-то участок. Она всегда проявляла осторожность и никогда ничего не крала с частных территорий, чтобы не словить пулю. Лучше воровать в общественных местах, как бы трудно это ни было. Она не помнит, чтобы проходила мимо каких-то завалившихся заборов или табличек, но в любом случае оглядывается, чтобы проверить. А когда снова смотрит вперед, то видит: мужчина вдали перестал ходить между кострами. Теперь он стоит неподвижно, словно пугало, рядом с кострами, которые ближе к ней.

И смотрит вверх на гору. На нее.

По телу Кэмбри пробежала дрожь. Сжалось нутро. Она не двигается, ее поза такая же, как у него. Между ними слишком большое расстояние, чтобы кричать. Можно было бы помахать рукой. Но она не будет.

Мужчина продолжает неотрывно смотреть на нее.

Ветер меняет направление, шелест крон деревьев похож на низкий рык. Четыре столба дыма плывут влево, на лицо мужчины, но он не реагирует.

Кэмбри щурится сильнее, ей не нравится это странное противостояние. За эти девять месяцев, что она живет как беженка, на нее таращатся не впервой. Сколько раз ее просили покинуть автостоянки и кемпинги — уже и не сосчитать. Она пытается рассмотреть побольше деталей. Нет, он не раздет по пояс — видна майка-алкоголичка. Штаны цвета хаки. Его руки нащупывают что-то на поясе. (*«Пистолет, пистолет, пистолет»*, — шепчут ее фурии, но форма не та.) Мужчина поднимает эту штуку к лицу обеими руками.

«Пора уходить».

Он смотрит на нее. От поднятого к глазам предмета отражается свет — это бинокль.

«Кэмбри, уходи. Немедленно».

Кажется, что этот сюрреализм длится вечно, воздух сгущается, у Кэмбри возникает странное желание помахать незнакомцу. Она уже подняла руку, но ей становится не по себе, внимание незнакомца обращено на нее, она чувствует, как он злобным взглядом скользят вверх-вниз по ее телу.

Сердце судорожно стучит в груди, бьется о ребра.

«Уходи. Уходи. Уходи прямо сейчас…»

Кэмбри поворачивается и спокойно уходит с покрытой травой возвышенности под взглядом незнакомца, что рассматривает ее в бинокль, двигается медленно и осторожно.

Как только она оказывается вне пределов его видимости, она бежит со всех ног.

Завидев машину, Кэмбри переходит на шаг и оглядывается.

К ее ужасу, этот мужчина теперь стоит как раз в том месте, где совсем недавно стояла она, но пока он ее не видит. Поставив руки в боки, он мерит шагами покрытый травой склон, сдвигает ногой камни, на известняковой почве ищет отпечатки

ее ног.

Кэмбри опускается на колени за ближайшим деревом, чтобы отдышаться.

Теперь он еще ближе, и она может получше его рассмотреть. Высоченный мужик. Огромные бицепсы, короткая стрижка, где-то за тридцать или даже сорок лет, военная выправка. Вероятно, он бежал, раз догнал ее так быстро. Теперь он осматривает окружающий лес, закрываясь рукой от закатного солнца.

При мысли, что ее выследили, у нее по коже пробежал холодок.

Она сбрасывает со спины рюкзак и пригибается все ниже, ниже, пока не распластывается на высохшей земле. Тонкая сосна едва ли ее прикрывает. Если смотреть с того места, где сейчас находится этот мужчина, то можно увидеть часть ее лица, выглядывающую из-за ствола. Ну не может же у него быть такое хорошее зрение, правда?

«Но ведь у него есть бинокль».

По крайней мере, он без оружия. От этой мысли Кэмбри становится легче. Она уже думала, что у него за спиной винтовка или что в руке он держит топор. Но в руках у него ничего, если не считать бинокля, а кожа под майкой красная как у рака.

Сильно обгорел на солнце. На ногах брюки. Он что, переоделся? Чем он там занимался?

Мужчина продолжает искать ее среди деревьев. Он осматривает всю местность, очень тщательно, слева направо, и уже приближается к тому месту, где она прячется. У Кэмбри внутри все сжимается. Он проводит взглядом по ее дереву, секунду осматривает и переводит взгляд в другое место. Слава богу!

Она лежит неподвижно, как камень, вжимается в пожелтевшую траву, запускает правую руку в задний карман и сжимает рукоятку складного боевого ножа модели с трехдюймовым лезвием. Это успокаивает. Жаль, что, сбежав, Блейк украл пистолет. Сейчас бы он пригодился, даже такой маленький, которым только мышей стрелять. Кэмбри жалеет, что у нее тяжелый рюкзак, ведь он замедляет движение.

Только сейчас, лежа за деревом и судорожно хватая ртом воздух в угасающем свете дня, Кэмбри начинает понимать всю серьезность ситуации, в которой оказалась. Этот незнакомец пробежал четверть мили вверх по склону, в заросли деревьев, чтобы до нее добраться. Помчался сразу. Без колебаний. Он оставил четыре странных костра без присмотра. И сейчас ей жут-

ко захотелось узнать, зачем они.

Она чувствует, как нарастает напряжение. Электрическое покалывание пробегает по нервным окончаниям. Шепот в голове говорит ей, что надо подхватить вещи и бежать, вырвать эту страницу и начать все сначала. Быть Кэмбри Нгуен, которая добилась потрясающих результатов в беге по пересеченной местности — преодолевала милю за шесть минут! Она сожгла все мосты у себя за спиной, металась от одной подруги к другой, переезжала из города в город, меняла одного любовника на другого. Она вела себя как стая саранчи, которая садится на поле, уничтожает посевы и летит дальше. Она находила недостатки во всем хорошем и решала проблемы, просто забывая о них в пути от Западного побережья к Восточному, и уже почти повернула, чтобы снова преодолеть этот путь, только в обратном направлении.

У нее пересохло во рту. Она ни разу не курила с января, но теперь ей требуется сигарета.

Она говорит себе, что, вероятно, это просто недопонимание. Для разнообразия ей хотя бы раз нужно попробовать не бежать от проблемы, а попытаться ее решить. Границ участков тут не видно, так что ничего страшного. Скорее

всего, возвращаясь из кемпинга, она просто не заметила ржавую табличку или знак и зашла на чью-то частную территорию. У хозяина не было выбора, кроме как последовать за ней и спросить, что она…

Обгоревший на солнце мужчина резко обернулся. Он ее видит.

Он не машет рукой. Он не смотрит в бинокль. Он просто срывается с места и молча и размеренно бежит к ней. Охота продолжается.

Кэмбри подскакивает и несется так, что ветер звенит в ушах.

Когда она подбегает к своей «Королле», припаркованной на обочине дороги, хрипло дышит, сердце стучит так, что, кажется, вот-вот выскочит из ушей. Кэмбри в прекрасной физической форме — в прошлом году пробежала полумарафон, но рюкзак за спиной висит тяжелым грузом, а его лямки натирают. Она не уверена, продолжает ли обгоревший на солнце незнакомец ее преследовать, пересекая заросли деревьев, и насколько он близко.

Распахнув дверцу машины, она ни разу не оглядывается назад, чтобы проверить, где на-

ходится ее преследователь — ведь это отнимет драгоценные секунды. Кэмбри ныряет в салон, вставляет ключ в замок зажигания, поворачивает и нажимает на газ. Двигатель ревет, из-под колес вылетают клубы пыли и сухой земли, она срывается с места и несется в пылевом облаке.

За рулем она переводит дыхание второй раз за день. Она еще толком не успела осмыслить ситуацию, а вопросы уже посыпались. Кто он такой? Что он там делал? Что бы произошло, если бы он ее догнал? И самый главный: надо ли позвонить в службу 911?

Она знает, что связь здесь не ловит. Мертвая зона.

«Но когда доберешься до города… Может, все-таки позвонить?»

Выстрел. Она резко вздрагивает.

Яма. На дороге просто яма, и в машине что-то хлопнуло. Кэмбри потирает руки, по которым побежали мурашки. Предположим, ей ответит диспетчер службы 911, что именно ей ему сказать?

«Алло, диспетчер? Я видела, как один мужчина развел четыре маленьких костра».

Странно, да. Но разве это незаконно?

«Все зависит от того, что он сжигал в этих

кострах», — подсказывал ответ ее внутренний голос, что не особо помогло.

Черт побери, да гадать можно вечно. Она уехала на много миль в лесистую местность, и он вполне мог просто прогнать ее со своего участка. Еще одна яма — опять что-то хлопнуло. Кэмбри немного снизила скорость. Только спущенного колеса еще не хватало.

Солнце село. Фотографы называют этот час волшебным, потому что в сумерках нет теней, все вокруг кажется призрачным и туманным, словно картина в голубых тонах. И есть что-то еще — Кэмбри всегда говорила, что это чувствует, хотя Лена была настроена скептически: она чувствует накаляющееся в воздухе электричество, размывающуюся границу между положительным и отрицательным. Скоро сверкнет молния.

Она проезжает мимо знакомых рекламных щитов: кафе «Магма-Спрингс», магазин, торгующий травкой и привлекающий слоганом «Очень просто быть зеленым». На душе спокойнее. Ей удалось смыться. Дорога петляет между холмами, поросшими деревьями. На горизонте Кэмбри видит мигающие красные огни. Вышки сотовой связи. До цивилизации рукой подать. Там люди. Машины. Ограничения скорости. Страхование.

Аренда. Стоматологи.

Она выдыхает, не осознавая, что все это время ехала, задержав дыхание, приближается к автостраде МТ-200, у перекрестка нажимает на тормоз и внезапно слышит завывание сирены у себя за спиной.

Она смотрит в зеркальце заднего вида.

«О, слава Богу!»

За ней едет покрытая пылью патрульная полицейская машина с мигалкой на крыше. Как законопослушная гражданка, Кэмбри съезжает на обочину, а полицейский аккуратно паркуется за ней. Черный и золотой цвета. Дорожно-патрульная служба полиции штата Монтаны. Сирену выключают, но мигалка остается, и ее свет отражается в зеркалах «Тойоты».

Кэмбри ненавидит полицейских. И ей очень не нравится то облегчение, с каким она встречает одного из них.

Даже будучи взволнованной, она спокойно продумывает, что сказать. Она проверила, чтобы рюкзак был полностью застегнут — ведь в нем спрятаны канистра с бензином и шланг. Она объяснит, что просто гуляла на природе, путешествует в своем автомобиле и живет в нем, у нее масса психологических проблем, она общается

со стражниками загробного мира и пытается справиться с нервным срывом. Вот и все.

Патрульный выходит из машины и оставляет дверцу открытой. В голубых сумерках он приближается к Кэмбри, и теперь она его может разглядеть. Форменная рубашка песочно-коричневого цвета застегнута не до конца и толком не заправлена в брюки. Видно, что он сильно обгорел на солнце. На шее болтается бинокль. Лицо все еще красное — он бежал от места их первой встречи до места, где стояла его патрульная машина.

Он подошел к окну. На форменной рубашке на груди вышиты имя и фамилия.

«КАПРАЛ РАЙМОНД Р. РАЙСЕВИК».

Глава 3
Лена

— Ты приказал ей остановиться.

Он моргнул.

— Не понял.

— Ты приказал ей остановиться, — снова повторила Лена. — В день ее смерти. В тот самый день, прежде чем найти ее труп. Это было в отчете.

Мгновение он смотрел удивленно — потом кивнул.

— Я разве это не сказал?

— Нет.

— Странно, вроде бы…

— Не сказал.

— Я и не должен был, — нахмурившись, ответил он, затем посмотрел на кассетный магнитофон, который тихо слушал все. — Ты попросила начать с того вечера, когда я нашел ее тело. Седьмого июня.

— Почему ты ее остановил?

— Разве в отчете не написано?

— Мне не нужен отчет. Хочу, чтобы ответил ты.

— За превышение скорости, — он посмотрел на поднимавшийся вдали дым. — Спустились сумерки, было где-то около восьми вечера…

«Было 20:09», — знала Лена.

— Я увидел, как голубая «Тойота» пролетела мимо меня. Ехала на скорости восемьдесят, а то и девяносто миль. Как будто черти за ней гнались.

Лена кивнула и задумалась, является ли выражение «как черти за ней гнались» обычным в лексиконе правоохранительных органов Монтаны. Но оно очень подходило. Кэмбри ездила очень неровно — то резко разгоняла машину, то резко тормозила. Она всегда неслась, торопилась, словно за спиной цунами.

— Я остановил ее, — Райсевик говорил медленно и печально. — И с ней поговорил…

Сама того не замечая, Лена вытянулась вперед и ловила каждое его слово. Живот тянуло, во рту ощущался кислый привкус. Она не сомневалась, ведь уже знала все, что он собирался сказать. Но для нее это все равно было очень важно. Лена словно брала интервью у того, кто видел призрак Кэмбри. Все люди из жизни ее сестры удостоились этой чести. Лена даже начала завидовать тому количеству парней, что были у Кэмбри, — длинному списку отвратительных парней, которых ее

сестра, казалось, собирала как насекомых в банку. Торговец кокаином (Отвратительный Парень № 11), совершенно неумелый вор кредитных карт (Отвратительный Парень № 6) и по крайней мере один нарцисс (Отвратительный Парень № 14, который ходил с катаной и постоянно говорил про роман, который писал). Похоже, Кэмбри привлекали отвратительные люди, и она пользовалась ими, пока ее это устраивало.

И Лене это казалось несправедливым: каждый из этих отвратительных людей, включая стоявшего перед ней капрала Райсевика, знали что-то про ее сестру, что она сама не узнает никогда. Она накрутила прядь волос на палец и дернула, стало больно так, что на глаза навернулись слезы.

— Я сразу определил, что она живет в машине достаточно долго, — продолжал Райсевик. — Запасной аккумулятор, одежда, спальный мешок, рюкзак. Под ногтями грязь. Она выглядела уставшей. При таком образе жизни это обычное дело. Я видел, как подобный уклад закаляет и ожесточает — не знаешь, когда в следующий раз удастся поесть.

«*Моя сестра умела сама о себе позаботиться,* — подумала Лена, но вслух не сказала. — *Они жила без удобств, но в помощи не нуждалась».*

— У нее были красные глаза. Она плакала. Я спросил, знает ли она, на какой скорости ехала. Она ответила, что это вышло случайно, оправдывалась, но, может, несколько отстраненно, словно ее что-то беспокоило, давило на нее…

— Она оправдывалась?

— Да. А что?

Кэмбри можно было назвать социальным хамелеоном: с разными людьми она была разной, иногда в одно и то же время, но почтения к официальным лицам она никогда не демонстрировала. Еще в седьмом классе она плотно обвязала бечевкой губку для мытья посуды, чтобы та засохла как сжатый брикет, потом сняла бечевку и спустила засохшую губку в школьный туалет. Трубы в здании пришлось менять. Летние каникулы начались на десять дней раньше.

Лена прикусила язык.

— Что именно она сказала?

— Она… она сказала мне, что парень-подонок бросил ее в середине путешествия — они ехали через всю страну, с одного побережья на другое. Оставил одну, почти без денег. Она ехала домой…

— Это произошло несколько месяцев назад. Во Флориде.

— Она *соврала* мне. Я ей поверил. Лена, мне очень жаль, что я не знал правду.

Она внимательно смотрела на его лицо, пытаясь понять, действительно ли он сожалеет. Глаза были скрыты за черными солнцезащитными очками. Он не выражал ей соболезнования так, как это делают сотрудники правоохранительных органов. Но его чувство вины казалось искренним, он пытался доказать свою невиновность так, как это делал бы любой другой человек. Он разговаривал с девушкой, имевшей кучу проблем, незадолго до ее самоубийства, у него была возможность спасти ей жизнь, а он что сделал?

— Я выписал ей предупреждение.

— Не штраф?

— Она ехала домой.

— Так просто? Жаль я не использовала такую отмазку.

— Тебе и не приходилось, — заметил Райсевик. — Тебя даже ни разу не останавливали.

Она фыркнула, но он был прав. Лена никогда не нарушала закон, если не считать нескольких выпитых бутылок пива в том возрасте, когда это еще запрещено, и нескольких не сданных вовремя в библиотеку книг. Хотя откуда Райсевику это знать?

«Может, он наводил справки? Что тоже возможно».

— А затем я ее отпустил, — тихо сказал он.

— За день до того, как ты нашел ее тело под мостом?

— Да.

— В день, когда она совершила самоубийство?

— Да.

— Предположительно, за несколько минут до…

— Все написано в отчете.

— На этом все?

Почему-то Лена задала этот вопрос с удовольствием. Мать не раз задавала его обеим близняшкам, хотя чаще Кэмбри: *«На этом все? То есть кто-то просто попросил тебя поносить это в рюкзаке?»*

Капрал Райсевик резко повернулся, склонился вниз над ограждениями моста и уставился вниз, на сухое русло, словно время вернулось на три месяца назад и он снова видел разбитое тело Кэмбри среди гранитных валунов. Огромный мужчина жевал нижнюю губу, словно собираясь сказать что-то очень важное, но передумал.

— Да, это все, — объявил он.

Какая замечательная особенность есть у полицейских?

Всегда оставлять бумажный след.

После того как патологоанатом признал смерть Кэмбри самоубийством, из округа Хауард мне любезно прислали скан страницы журнала, которую капрал Раймонд Райсевик, вероятно, заполнил через несколько минут после задержания Кэмбри за превышение скорости на автостраде MT-200. Дорогие читатели, файл PDF вы можете посмотреть здесь: HCEAS6919.pdf.

Совпадение, правда?

Один и тот же патрульный останавливает мою близняшку за превышение скорости, а потом всего через сутки обнаруживает ее тело под мостом, через который проходит закрытая дорога. Иногда жизнь — странная штука.

Я пытаюсь со всем этим разобраться.

Вы слышали историю про японского бизнесмена? Это такая своеобразная шутка для отвратительных людей. В августе 1945 года он поехал по делам на завод в Хиросиме. Когда упала атомная бомба, от теплового излучения он получил ожоги и временно ослеп. Он оказался среди тех тысяч

людей, которым пришлось лечиться, но и среди тех счастливчиков, которые всего через несколько дней вернулись домой к радостной семье. Жил он в нескольких сотнях миль к югу.

В Нагасаки.

И приехал он как раз к тому времени, когда сбрасывали вторую бомбу.

Почему-то в последнее время я часто вспоминаю этого несчастного японца. Наверное, он напоминает мне о том, насколько наша жизнь непредсказуема. Мы живем в кипящем море причин и следствий. Совпадения происходят каждую секунду. И совсем необязательно, что они что-то значат.

Например, шепот призраков на мосту Хэйрпин — записано целых десять мегабайт. Но ведь иногда белый шум — это просто белый шум.

Забавно, эту историю про атомные бомбы мне рассказала Кэмбри. Нам было то ли по одиннадцать, то ли по двенадцать лет. Мы сидели на ее кровати, и она снова и снова на полную громкость ставила сингл «Не бойся Смерти» в исполнении «Blue Öyster Cult»[5] — ей очень нравилась та часть, где Смерть говорит женщине:

---

[5] Примечания: 5

Американская хеви-металл группа, основанная в 1967 году, известная научно-фантастическими темами.

«Мы сможем летать». Словно смерть дает сверхсилу или что-то подобное. В комнате у Кэмбри пахло тыквами, потому что из них мы только что вырезали головы. Странно, насколько запоминаются звуки и запахи.

Мне даже не хватает того, что мне в ней не нравилось. Она обычно звала меня Крысиная морда (понятия не имею почему — если верить науке, лица у нас абсолютно одинаковые). Мне не хватает, как пахнет от нее никотином. Помню ее на семейных мероприятиях, как она не могла сидеть спокойно, будто оказалась на иголках, терзаемая сомнениями и тревогами. Ее психотерапевт называл их «хором фурий». Видите, даже недостатки ее словно из оперы — в ней что-то про древнегреческий миф[6].

Мы были однояйцевыми близнецами, но не точными копиями друг друга, как принято считать.

Я бы скорее описала нас как зеркальные отражения друг друга — там, где у нее право, у меня лево, и наоборот. Я пошла в колледж. Она — в отшельничество. Я умею писать роман. Она — свежевать кролика. Я все планирую. Она живет

---

[6] Примечания: 6

«*Хор фурий*» — отрывок из оперы «Орфей и Эвридика», которая создана на сюжет греческого мифа об Орфее.

мгновением.

Я — это я. Она — сорвиголова, которой я хочу быть.

А теперь ее больше нет.

Слово «умерла» такое прямолинейное и однозначное. Лучше сказать: «Ее больше нет». Иногда я пытаюсь сказать себе: «Она обрела свободу».

Моя сестра всегда стремилась к свободе? Так теперь ей не придется дышать. У нее нет тела, о котором нужно заботиться. Ей не нужно ходить к стоматологу. Ее не волнует температура воздуха и атмосферное давление. Она может отправиться куда пожелает.

Забудьте про Стеклянный пляж и национальный парк Эверглейдс. Мне нравится представлять ее на другой планете, может, какой-нибудь замерзшей луне, как она смотрит на кольца, окружающие гиганта из гелия и поднимающиеся над белыми, как кость, многоуровневыми ледниками. Или как гуляет по полям из желтой лавы на Венере, оставляя отпечатки ног в зеленовато-желтой грязи. Мне нравится думать, что она изучает сияющие кристаллы внутри кометы Галлея, когда та несется на скорости тысячи миль в секунду по нашему небу. Моя сестра может отправиться куда угодно. Думаю, она найдет то,

что ищет. Где бы она ни находилась, надеюсь, что она время от времени думает о нас. Обо мне, маме и папе, и о пустоте, которую оставила после себя.

Хотелось бы мне перестать думать о разгадке тайны ее смерти, отключить часовой механизм, который работает у меня в голове, и просто скорбеть. Но столько всего не дает мне покоя, словно копошится в моих мыслях. Может, это проклятие, и теперь, после того как ее не стало, ее фурии поселились во мне. Но я не думаю, что это паранойя. Остаются на самом деле нерешенные проблемы, которые требуют, чтобы с ними разобрались. Как, например, капрал Райсевик, который остановил ее всего за час до предполагаемого самоубийства. И то, как он сказал, что она — да, да, именно моя сестра — оправдывалась за превышение скорости. И самые главные доказательства — звонки с ее телефона-раскладушки.

Думаю, это станет бомбой.

Благодаря предоставленной распечатке мы узнали, что перед смертью Кэмбри шестнадцать раз звонила в службу 911. Она не дозвонилась, потому что между Магма-Спрингс и Полк-Сити связи нет. Первый звонок, судя по данным сотового оператора, был сделан в 20:22. Всего через тринадцать минут после того, как ее остановил

Райсевик.

И этому есть объяснение.

На его истории я не куплюсь.

За шестнадцать минут до смерти она обращалась за помощью. Но это никого не волнует!

Могу дать только одно объяснение, которое кажется мне правдоподобным. Предупреждаю, дорогие читатели, оно покажется вам притянутым за уши. Наверно, мое объяснение и не такое абсурдное, как история о японце, что два раза попал под атомную бомбардировку — под каждую из двух сброшенных на протяжении человеческой истории атомных бомб, но оно недалеко ушло. Поэтому, пожалуйста, потерпите, и я вам все спокойно объясню.

Но вначале немного юмора.

Думаете, что тот японец умер в Нагасаки? Да? Он выжил и во время второй бомбардировки. Прожил долгую жизнь и умер в 2010 году. Вечная ему память. А я думаю о Кэмбри, которой было всего двадцать четыре года, остроумной и таинственной, и о том, как наши родители плакали на поминальной службе во время демонстрации ее рисунков. Ее рисунки были лучше любых фотографий.

Да, жизнь — странная штука.

— Что скажешь насчет звонков Кэмбри в службу спасения?

Райсевик ответил так, словно читал с телесуфлера:

— У нее было шизоидное расстройство личности, и она от него не лечилась. Она определенно переживала экзистенциальный кризис. Мы убеждаем всех, у кого появляются суицидальные мысли, сразу же звонить в службу 911, и твоя сестра пыталась это сделать.

— Думаешь, она звонила по номеру 911, потому что почувствовала желание покончить жизнь самоубийством?

Он кивнул.

— Шестнадцать раз?

— На всем пути от кемпинга до Магма-Спрингс и до Полк-Сити связи нет. Я давно говорю администрации округа, чтобы разрешили построить тут третью вышку…

— Но шестнадцать раз?

— Думаешь, меня это не волнует? — теперь он говорил мрачно. — Шестого июня я остановил девушку с серьезными психологическими проблемами, всего за час до того, как она совершила

самоубийство. Если и были какие-то признаки ее задумки, то я их проглядел. Вина моя. Довольна? Я не смог ее спасти. Ради этих слов ты проделала такой путь? — он бросил взгляд на магнитофон. — Чтобы их записать?

— Шестнадцать раз, — эхом повторила Лена.

— Окружной прокурор все проверил. У нас нет доказательств, что кто-то ее преследовал. Никто с ней, кроме меня, не разговаривал. Что там происходило у нее в голове… Было доказано, что после встречи со мной она поехала на мост Хэйрпин. По прямой. Она никуда не заезжала. Твоя сестра не смогла дозвониться до оператора службы спасения, ехала, пока на мосту у нее не закончился бензин, и покончила с собой. Лена, мне *очень жаль*.

«Лена, мне очень жаль». Еще одна затасканная, часто повторяющаяся фраза. Это босс произнес ее первым? Дядя? Или кузен? А какая вообще разница?

Лена отвела от Райсевика взгляд. Нельзя, чтобы он видел, как у нее на глаза наворачиваются слезы. Она уставилась вдаль на север, на стену дыма, на эту жуткую неконтролируемую смесь, которая поднималась вверх и оставляла следы на небе. Стена дыма заметно увеличилась. Может, в

конце концов огонь и сюда дойдет.

Райсевик тоже смотрел на дым и вздохнул.

— Если тебе нужно кого-то винить, вини меня, — заявил он. — Это я выпустил ее из виду.

Он опять вздохнул, Лена начала сердиться. Она знала, какая фраза сейчас прозвучит.

«Это не твоя вина...»

— Лена, это не твоя вина.

Вот, пожалуйста.

Классика. В оригинале. Вот он и добрался до самых частых слов, что ей говорят. Нужно было только немного подождать. Лена терпеть не могла всех этих фраз, потому что они подразумевали: если это не твоя и не моя вина, значит, виновата сама Кэмбри, так? Пусть живые остаются полностью невиновными. Вали вину на того, кого больше нет, кто не может за себя постоять.

Лену от этого тошнило. От злости она сжала кулаки. А Райсевик продолжал:

— Шизоидное расстройство личности плохо поддается лечению. Кто-то однажды мне его описал. Это не болезнь с определенными симптомами, которую можно лечить. Это определенный уровень тревожности. Это то, чего ты *хочешь*. А хочется от всех отгородиться, оставить на миллион миль позади себя, разорвать все связи и просто

существовать, как тебе того хочется самому, на одном из колец Сатурна. И это одиночество на какое-то время делает тебя счастливым. Но в один прекрасный день понимаешь, что тебе требуется помощь, а рядом нет никого…

— Меня уже тошнит от рассказов о ее душевной болезни, — перебила Лена.

Райсевик замер.

— Для всех это главная разгадка: она прыгнула с моста, потому что была сумасшедшей. Из-за диагноза, поставленного десять лет назад в детстве. Да, с моей сестрой не все было в порядке. Да, ей никто не был нужен. Но я ее знаю, и о самоубийстве она не думала.

— Вдруг ты ее все-таки не знала, — его слова прозвучали как оскорбление.

К такому она оказалась не готова. Слова ее сильно задели.

Видимо, он понял, что зашел слишком далеко — сразу же заговорил мягким голосом, но достаточно громко, чтобы магнитофон его записал:

— Прости… Это вырвалось само по себе.

Лена ничего не ответила. Вообще ничего.

«Вдруг ты ее все-таки не знала».

— Лена, можно задать тебе вопрос. Зачем это все?

— Хочу справиться с горем.

— И все же зачем?

Молчание.

Он подошел ближе.

— Почему ты преодолела весь этот путь из Сиэтла? Почему просто не позвонила?

Она репетировала ответ на этот неизбежный вопрос, но все равно была сбита с толку, словно получила удар по голове.

— Я… я пишу книгу, — от смущения покраснели щеки, что ей не понравилось. — О моей сестре. О ее последних минутах шестого июня. Я столько всего про нее не знаю. А я хочу описать, что с ней случилось. С твоей помощью.

Он обдумал услышанное.

— В детстве мы думали, что она — художница, а я — писательница. Кэмбри просила меня написать о ней книгу. А я так и не удосужилась. Думаю, теперь я пытаюсь загладить вину.

— Прости, если мои слова прозвучали грубо, Лена. Не хотел показаться бесчувственным.

Она слегка улыбнулась.

— Рай, прости, что перебила.

Два пустых извинения, произнесенных только ради работающего магнитофона. Друг от друга они стояли в десяти шагах. Словно собирались

устроить перестрелку, как герои какого-нибудь вестерна.

Издалека и вблизи капрала Райсевика можно было принять за двух разных людей. Глядя на него, Лена вспоминала спортивный автомобиль, на котором ездил один из бывших Кэмбри — прекрасно выглядел снаружи, но сиденья внутри были порезаны и прожжены сигаретами. Глаза Райсевика впалые, взгляд уставший. Живот урчал нездорово. Но с такими бицепсами он, вероятно, мог бы одним ударом кулака уложить клейдесдаля[7].

— Выглядишь вымотанным.

— Не спал с четверга.

Она ждала, что он объяснит почему.

«Бессонница? Ночные смены? Жена храпит?»

Но он больше ничего не сказал. Наверное, решил, что и этого хватит.

Отсюда ей было видно, что находится в салоне патрульной машины. Заднее сиденье порезано и явно сильно нагрелось на солнце. На коричневой виниловой обивке виднелось несколько рисунков, сделанных чернилами. Ее внимание привлек один, сразу же за водительским местом.

---

[7] Примечания: 7

Клейдесдаль — шотландская порода упряжных лошадей.

Она подошла поближе и узнала нарисованного динозавра.

— У тебя тут граффити.

— Что?

Она показала пальцем.

— Кто-то тут нарисовал…

— Подростки.

Он пошел назад к «Тойоте», стуча ботинками по дорожному покрытию. Лена задержалась у заднего окна патрульной машины, остановив взгляд на забавном мультяшном динозавре, нарисованном голубыми чернилами и заштрихованном легкими тонкими линиями. Оторвать взгляд было невозможно. Этот рисунок она видела раньше.

Нет, точно — она и раньше его видела много раз.

Капралу Раймонду Райсевику совсем не понравилось, что девчонка так долго маячила у его машины, заглядывая в салон сквозь тонированное стекло. На заднем сиденье ничего не было — так что же она высматривает?

Он поймал себя на том, что тоже смотрит. На нее.

«Она совсем как сестра. Один в один».

Были небольшие различия — у Лены волосы длинные и с челкой, а у Кэмбри — коротко стриженные, завязанные в хвостик. Было заметно, что стригла она их сама. Кожа Лены была бледной, а кожа Кэмбри — бронзовой от загара. Кэмбри носила потрепанные джинсы, которые казались коричневыми после множества пережитых всевозможных погодных условий в пыли и солнце. А Лена свои купила будто только вчера. Но несмотря на все это, они казались одним и тем же человеком. Вероятно, они очень старались стать разными, выковать свои собственные «я». Может, поэтому все и получилось так трагично, когда оказалось, что им не сбежать друг от друга.

«Боже мой! — изумился он. — *Да я как будто смотрю на призрак Кэмбри».*

Лена ничего этого не заметила. Она все еще, прищурившись, рассматривала салон машины. От этого все внутри у Райсевика сжалось. Он пытался вспомнить — не осталось ли у него на заднем сиденье чего-то лишнего? Что она ищет среди пятен и порезов, накопившихся за тринадцать лет?

Что-то здесь было не так.

Разговор надо было повернуть в другое русло.

— Хорошо, — произнес он неохотно и вздох-

нул. — Расскажу тебе правду.

— Что?

— Лена, я тебе соврал.

Она моргнула. Наверно, ослышалась.

— Прости, — он снова отвернулся.

Осознав смысл его слов, Лена начала переживать: *«Я тебе соврал…»*

— В Магма-Спрингс я сказал тебе, что даже представить себе не могу, что это такое — потерять сестру, но на самом деле я это очень хорошо представляю, — он остановился у ограждения и уставился на окутанные дымом холмы. — У меня тоже был близнец.

Лена подошла, но не слишком близко.

— Моего брата звали Рик, и он всегда хотел стать полицейским. С пяти лет он меня арестовывал, надевал пластиковые наручники. В восемнадцать лет мы оба решили, что пойдем по одной стезе — служить в правоохранительные органы. Мы сдали письменный экзамен, прошли психологическое тестирование, потом был еще экзамен по физической подготовке — но отбор прошел только я. Рика не взяли. Если честно, меня это до сих пор удивляет, думаю, он хотел этого

больше, чем я. Может, он хотел этого слишком сильно. А иногда я думаю: может, я сам хотел стать полицейским, потому что повторял за ним? Знакомо? Рик был старше на две минуты.

Лена помнила, как мать однажды сказала, что она старше Кэмбри на несколько минут. Но это не имело значения. Кэмбри с ее фуриями считала себя старше, закаленнее, мудрее.

Райсевик выдохнул.

— Вечером, за день до моего отъезда на автобусе в Мизулу, Рик застрелился из ружья двенадцатого калибра, приставив его к подбородку снизу.

Лене надо было что-то ответить. Но она промолчала.

— Ты думаешь, что я не понимаю, что ты переживаешь после самоубийства Кэмбри, и это правда — я не понимаю, каждый по-своему переживает горе. Но я представляю, что ты чувствуешь, — он посмотрел на девушку. — И, Лена, я тебе сочувствую и хочу дать совет: прекрати гоняться за призраком. Смотри вперед, а не назад.

Она подняла взгляд. На него.

— И было пятнадцать звонков, — добавил он. — Она пыталась позвонить в службу 911 пятнадцать раз, судя по данным ее сим-карты.

Лена ничего не ответила. Она была уверена,

что шестнадцать.

Так ведь?

— Чиновник мог ошибиться, считая звонки, — продолжал Райсевик. — Он же говорил с тобой по телефону?

Она не ответила.

Солнце теперь высоко. В воздухе витал густой коричневый дым с частичками песка. Ветер стих. Стояла напряженная тишина. Лену мучила жажда, губы потрескались, голова начинала болеть. Теперь она задумалась, вдруг Райсевик прав насчет количества звонков? А если так, в чем еще она ошибалась?

Ее мысли прервал какой-то металлический звук.

— Извини. Я на секунду, — сказал Райсевик и отошел.

Лена обернулась — звук доносился из патрульной машины. Может, его рация. Стекло у переднего сиденья «Доджа» было опущено примерно на полдюйма, поэтому звук громко разнесся в тишине при безветрии. Казалось, что в этом воздухе был слышен каждый звук. Каждый шаг, каждый вздох, даже шорох каждой травинки.

«Нет. Она звонила в службу спасения шестнадцать раз».

«Распечатку я видела собственными глазами. Я считала строки».

Полицейский извинился и побежал к патрульной машине. Все казалось безобидным. Лена смотрела, как он втискивается в салон и закрывает за собой дверь. Как бы не выпустить его из виду.

«Я не чокнутая».

Сомневаться в этом нельзя. В голове кружились мысли: сим-карта, динозавр на заднем сиденье «Чарджера», поразительная холодность в голосе Райсевика, когда он заявил, что она не знает свою собственную сестру-близняшку. Ничего не сходилось. Ничто не казалось надежным.

Лена отбросила в сторону все догадки и попыталась сосредоточиться на известном. На фактах — точных и неоспоримых. Предположительно Кэмбри умерла в 21:00.

Это означало, что когда Райсевик ее остановил, жить ей оставалось меньше часа.

Глава 4
История Кэмбри

Полицейский попросил представиться.

— Кэмбри Нгуен.

Полицейский спрашивает, как прошел день.

— Отлично.

Полицейский спрашивает, откуда она.

— Вообще из Сиэтла.

Полицейский просит показать водительское удостоверение.

Она достает из рюкзака, что на соседнем сиденье, бумажник. Руки дрожат, пальцы словно онемели, они ее не слушаются.

— Успокойтесь, — говорит обгоревший на солнце полицейский, забирая ее водительское удостоверение. — Беспокоиться не о чем.

После он повернулся и пошел к своей машине. Он садится на водительское место, дверцу до конца не закрывает. Одна нога осталась снаружи на утрамбованном грунте обочины.

«Он проверяет, не выписаны ли на тебя ордеры».

С этим у нее все в порядке — да, в прошлом

были проблемы, но ничего особенного, только мелкие правонарушения. Может, во Флориде ей стоило выдвинуть обвинения против Блейка, но вообще-то почти все деньги были его. Маленький пистолет двадцать пятого калибра тоже принадлежал ему, если он вообще законно его приобрел. И она снова пожалела, что у нее сейчас нет этого пистолета.

Все происходящее казалось за гранью реальности. Легче не становилось.

Вместе с сумерками пришла прохлада. Вот так простой сон превращается в кошмарный. Пот на коже остыл. Имя полицейского она уже забыла, помнит только, что имя и фамилия начинаются с Р.

Она наблюдает за ним в зеркало заднего вида. По рации он не говорит, и это странно. Он просто молча сидит в машине и смотрит на нее в сгущающихся сумерках сквозь остывающий воздух. Если смотреть сквозь ветровое стекло, его лицо находится в тени. Но одна его нога так и стоит на земле, словно он готовится бежать. Готовится сорваться с места. Готовится к чему-то.

Кэмбри кладет правую руку на рычаг переключения передач. Полицейскому этого не видно. Она медленно опускает пальцы, сжимает рычаг.

Теперь она без проблем тронется с места. Двигатель работает на холостых. Осталось включить передачу. Это будет не первый ее побег от полиции. Конечно, он сразу же обо всем догадается — потухнут задние стоп-сигналы, а она еще толком не разгонится.

Но все же…

«Еще можно уехать. Прямо сейчас».

Он бросится за ней в погоню. Так ведь? Конечно, бросится — она же сбежит от полиции, хотя ее остановили для проверки документов. А это считается уголовным преступлением. Он включит сирену и помчится за ней, а она окажется преступницей.

«Но…»

По крайней мере, если она будет мчаться достаточно долго и достаточно быстро, то найдет свидетелей. Даже если других полицейских, и то хорошо. Она почти смирилась с мыслью, что ее повалят на землю и наденут на нее наручники, прижав спину коленом — но только если это произойдет в другом округе. Не здесь, не сейчас и при свидетелях.

Она опускает рычаг переключения передач вниз. Медленно. Шестерни коробки передач касаются друг друга и вращаются внутри корпуса,

слышится скрип. На приборной панели мигает красный индикатор. Остаться на месте или поехать.

«Жизнь или смерть. Ну, решайся!»

Нервы на пределе.

«Решайся. Уезжай».

Она снова смотрит в зеркало заднего вида — полицейский не сдвинулся с места. Все так и сидит, рассматривая ее, при этом лицо его остается в густой тени.

Каким-то образом она знает, что это не настоящий полицейский. Самозванец. Обманщик. Может, он пытался стать полицейским. Может, он сегодня уже убил какого-то несчастного патрульного.

«Может, он только стер кровь с чужой формы и уселся в чужую машину, а я оказалась его последней жертвой на пути в угнанной машине».

Рычаг она опускает ниже.

Еще ниже. И еще. Внутри коробки передач рычаг упирается во что-то. Словно на иголках, Кэмбри это чувствует. Осталось совсем немного. Еще чуть-чуть надавить, слегка напрячь мышцу запястья — и «Королла» начнет движение.

«Если не поехать прямо сейчас, ты умрешь».

Она поняла это совершенно ясно и четко. Такие

же неприятные ощущения вызывала у нее в свое время доска «Уиджа»[8]. Тогда она спросила, не суждено ли ей умереть молодой. Это была ее странная фобия — она боялась не самой смерти, а быть обреченной на нее. Именно поэтому, увидев сову днем, она разволновалась. Печально было бы проехать весь путь от Сиэтла до Форт-Майерса и почти вернуться назад одной, только чтобы умереть на финишной прямой, в двух штатах от дома.

Ее фурии твердят:

«Кэмбри, решайся. Решайся!»

«Если не рванешь с места, он убьет тебя прямо сейчас…»

Полицейский вышел из машины, он возвращается.

Она слышит, как под ногами хрустит гравий, словно трескается яичная скорлупа. Кэмбри неловко снимает руку с рычага, он автоматически становится на прежнее место. В зеркалах заднего вида заметен его приближающийся силуэт — от досады у нее горят щеки.

«Ну что, Кэмбри? Это был шанс, а ты его упу-

---

[8] Примечания: 8

Доска «Уиджа» — доска для спиритических сеансов — вызова душ умерших, на ней нанесены буквы алфавита, цифры от 0 до 9, слова «да» и «нет».

стила».

«Твоя судьба предрешена».

На этот раз он облокачивается на крышу ее машины, как на свою. Теперь он ведет себя более раскрепощенно, свободнее. Он наклоняется и отдает Кэмбри ее водительское удостоверение. Она забирает его и замечает, что на руках у полицейского надеты черные перчатки. Они уже были? Или только что натянул?

— Пожалуйста, выйдите из машины, — говорит он.

— Что? Не расслышала.

Он снова заглядывает в салон, все еще облокотившись на «Тойоту». Теперь она чувствует его дыхание. Он явно принимает какие-то антациды[9]со вкусом клубники.

— Заглушите двигатель, выйдите из машины и пройдите со мной.

— Зачем?

— Я объясню. Пройдемте со мной.

Ключи от машины она не отпускает. Наоборот, сжимает крепче.

Он улыбается.

---

[9] Примечания: 9

Антациды — лекарственные препараты для лечения кислотозависимых заболеваний желудочно-кишечного тракта путем нейтрализации соляной кислоты.

— Беспокоиться не о чем.

— Я знаю.

— Это обычная проверка.

Судя по черной нашивке на форме, его имя Раймонд Райсевик. Надо запомнить — Кэмбри их беззвучно проговаривает. Вдруг так зовут чьего-то мужа или отца, что лежит сейчас в канаве лицом вниз. Имя странное, а когда она сама его произносит, звучит поэтично. Немного демонически.

— Послушайте, Кэмбри, я же сказал, что беспокоиться не о чем, — улыбка с лица исчезла.

«Кэмбри».

Из его уст имя звучит словно чужое. Будто между лопаток провели кубиком льда. Она понимает, что это все происходит на самом деле. Он — не видение из ее головы, которых, как сказал врач, бояться не следует. Он — высокий и крупный мужчина. Из плоти и крови и стоит прямо перед ней. Кто знает, может, он здесь и хочет ее убить.

На месте он не остался. Обошел «Тойоту» спереди, изучил шины, осмотрел машину вдоль и поперек, словно продавец, торгующий автомобилями, потом подошел к пассажирскому окну…

— Что вы делаете?

Он не ответил. Он засунул руку в окно…

— Эй!

…и вытащил рюкзак за лямку. Кэмбри потянулась за рюкзаком, но было слишком поздно.

— Эй, ублюдок! Что ты творишь…

Он расстегнул рюкзак, вытащил куртку и рыболовные снасти. Он достал красную канистру с бензином и потряс ее, внутри плескалось топливо. Он неодобрительно посмотрел на Кэмбри. Такое же выражение лица было у учителей, психологов и психотерапевтов. Но в прошлом оно никогда не тревожило ее так, как сейчас — столько фальши никогда ни у кого раньше не было.

— Кто-то сливал топливо в районе Магма-Спрингс, — заявил полицейский, возвращаясь к ее окну и сжимая резиновый шланг, словно кишку. — Молодая женщина, живущая в машине голубого цвета. Об этом твердит весь город.

— Им, видимо, больше нечего обсудить.

— Кэмбри, это не смешно.

— Не смешно красть бензин?

Райсевик нахмурился и с грохотом швырнул канистру на асфальт. Резиновый шланг он тоже бросил. И снова показал жестом, но уже более настойчиво:

— Выходите из машины.

— Не выйду.

— Кэмбри, выходите.

Ее загнали в угол — она идет в наступление. По-другому никак.

— Что вы там делали?

Он отреагировал как змея, которую дернули за хвост, а она тут же набросилась и укусила, и резко ответил:

— Не понял?

— Вы были в лесу, — говорит Кэмбри, — разводили костры, а потом увидели меня и бросились в погоню, — она смотрела ему в глаза. — Почему?

Он не ответил.

— В чем дело? А?

Кэмбри слишком поздно все поняла — слова уже сказаны.

«Теперь ему придется меня убить».

Теперь он точно знает: она все видела. Кэмбри поняла, что увидела что-то важное и сама вынесла себе смертный приговор. Вот так взяла и выдала себя, как полная дура.

«Я не оставила ему выбора».

Ветки сосен трутся друг о друга, словно шепчут. Легкий ветерок врывается в открытые окна. Ночь будет прохладной. Прохладной для июня.

— Я все объясню, — сказал Райсевик. — Договорились? Вы это хотели услышать? Но одно

условие — здесь я говорить не буду. Пойдемте в мою машину, и я вам в подробностях объясню, что там происходило и что вы видели.

— А как насчет преследования до города? — не успокаивалась она. — В какой стороне департамент шерифа? Покажите, и я поеду прямо туда. Вы — за мной, и там мы все обсудим…

Он покачал головой.

— Нет? Но из своей машины я все равно не выйду.

Он покачал головой сильнее. Она заметила, что облокачивается он теперь не двумя, а одной рукой. Вторая лежит на рукоятке пистолета.

— Мэм, мне нужно, чтобы вы выключили двигатель и вышли из машины.

— Мне нужно, чтобы ты взял в рот и отсос…

— Кэмбри! — он продолжал резко качать головой. — Вы должны подчиниться. Все гораздо серьезнее, чем вы думаете. Считаю до трех.

— И что тогда?

— Узнаете, если не выйдите из автомобиля, — ответил он.

— Вы не полицейский.

— Один, — считает он.

Ее взгляд останавливается на его руке, которая лежит на черном пистолете «Глок», кобура

которого пристегнута к ремню, и она немного успокаивается.

— Послушайте, я просто ехала домой. Я никому не расскажу, что видела…

— Два.

— Да я даже не поняла, что увидела, — ее голос дрожал. — Что тут такого. Прошу…

— Три.

Он расстегивает кобуру — слышны два щелчка, потом его рука сжимает рукоятку пистолета.

— Подождите, подождите, — говорит Кэмбри, поднимая руки и высовывая ладони в окно. — Выхожу. Хорошо? Я выхожу из машины и пойду с вами. Вы не могли бы… сделать шаг назад? Пожалуйста, — она кивнула вниз, на его ноги. — Мне надо открыть дверцу.

Молчание. Напряжение в воздухе спало.

Немного подумав, Райсевик кивнул. Он сделал два шага назад.

— Спасибо.

Кэмбри Нгуен включила передачу и сорвалась с места.

Глава 5
Лена

Лене совсем не понравилось, что Райсевик так долго сидит в своей машине.

Он все еще говорил по рации. Подносил маленький черный передатчик ко рту, периодически поглядывая на нее сквозь тонированное лобовое стекло. Она видела, как шевелятся его губы, но слов не слышала. Чтобы разговор остался в тайне, он закрыл окно.

Она помахала ему. Он помахал в ответ, виновато улыбаясь, словно говоря: «Почти закончил».

Лена обернулась и посмотрела на покрытый смогом горизонт. Нельзя было потерять настрой. К разгадке она была все ближе и ближе. А это внезапное ожидание ее сбило.

«С кем он там разговаривает?»

Ей это не нравилось. Совсем не нравилось.

В правой руке она держала айфон. Связи здесь не было, но в ожидании, пока закончится разговор, она бездумно листала СМС-сообщения, хотела добраться до последнего сообщения от сестры. Это было подобие предсмертной записки,

которую Кэмбри Нгуен удосужилась оставить миру.

Обычно во сне Лена не слышала сигналы телефона, но почему-то именно это сообщение разбудило ее после полуночи восьмого июня, словно было заряжено негативной энергией. Она помнила, как после сигнала резко открыла глаза и увидела отражающееся на потолке голубое свечение. Она перекатилась на бок и, прищурившись от яркого света экрана, прочитала последние слова сестры:

> *«Пожалуйста, прости меня. Я не могу с этим жить. Но ты, капрал Райсевик, надеюсь, сможешь».*

Лена прочитала его один раз.

Затем она перекатилась на другой бок и снова заснула.

Ей и в голову не пришло, что ее сестра совершила самоубийство. Это происходит с другими, в других семьях. В полусне она решила, что СМС-сообщение отправлено не тому. «Капрал Райсевик» вполне могло быть прозвищем одного из ее парней, тунеядцев и мошенников. Может, она встретила его в Канзасе, Флориде, на Шри-Ланке или куда ее там черти занесли. Просто непонят-

ная весточка из кочевого мира сестры. Что там за извинение? Локальная шутка? Намек на угрозу? Зная Кэмбри, это могло быть и первое, и второе, и третье одновременно.

В то утро Лена спала до десяти. Ее разбудил телефонный звонок от матери, которая давилась слезами. С ней связались из полиции штата Монтана.

Лена никому не сказала, что ночному СМС-сообщению сестры она значения не придала. Она сказала, что увидела его не сразу.

И это не имело значения — когда Лена его получила, Кэмбри уже была мертва больше суток. Она набрала сообщение за несколько минут до смерти и попыталась отправить его с моста Хэйрпин, где нет связи. Мертвая зона. СМС было в папке «Исходящие» и отправилось гораздо позднее, когда врачи уже везли ее тело. Маленькая дерьмовая раскладушка «Нокиа» с почти разряженным аккумулятором лежала в пропитанном кровью кармане, прижималась к холодному бедру и поймала сигнал от первой вышки в 1:48, отправленное письмо было словно послание из могилы.

И его не восприняли всерьез.

Хоть от полученного СМС Лене было не по себе,

она была рада, что сестра, которой никто никогда не был нужен, ей написала. Это немного уменьшило ее душевную боль — что Лена все-таки что-то для нее значила, раз удостоилась последнего послания. Даже такого странного и подозрительного.

В особенности странным и подозрительным было последнее предложение: *«Но ты, капрал Райсевик, надеюсь, сможешь».*

Какого черта?

Что это означало?

Никто не знал, что это значит. Зачем в предсмертной записке упоминать случайного прохожего, который остановил твою машину за час до суицида? Почему не написать семье, оплакивающим ее родственникам, что сейчас в ужасе? Почему она ничего не объяснила? Совсем ничего. На поминальной службе родители стоически улыбались и держались как могли, но, по ощущениям Лены, Кэмбри отправила ей личное оскорбление. Напоследок показала ей средний палец.

О тайнах, связанных со смертью сестры, надо забыть. Кэмбри требовалось сказать только одно, и Лена хотела услышать только одну фразу: *«Я тебя люблю…»*

Ее мысли прервал металлический щелчок.

Это хлопнула дверца машины.

Райсевик возвращался. Наконец. Теперь он казался другим — натянул улыбку до ушей, словно маску.

— Прости, что так долго.

— Ничего страшного, — она вытерла слезу.

— Эта рация напоминает мне мою жену, — сказал он, выдавив из себя смешок. — Не умолкает целый день. Ни на час ее не заткнуть! Боже, я и во сне ее слышу, только теперь у меня бессонница.

Его губы снова растянулись в улыбке, и он стал напоминать морского черта. Напряжение, которое нарастало в течение последних нескольких минут, полностью испарилось, и Райсевик снова превратился в дружелюбного, сочувствующего (хотя и психически нездорового) человека, которого Лена впервые увидела перед кафе «Магма-Спрингс».

— С кем ты разговаривал?

В девятнадцати милях от них мужчина, скрываемый темнотой, еще с минуту держал рацию в руке, потом с щелчком поставил ее на место. Рядом лежала написанная от руки записка:

«*Лена Нгуен. Мост Хэйрпин*».

На секунду он задумался, потом дописал:

«*Не вооружена*».

— С диспетчером, — сразу же ответил Райсевик. — Пожарные, первая группа, передали, что поменялось направление ветра. Теперь огонь из Бриггс-Дэниелса идет сюда, нужно эвакуировать всех южнее автострады I-90. Думаю, на сегодня хватит. Я ответил на все твои вопросы?

— Почти.

Он остановился от нее в шести футах, развел руками и показательно пожал плечами. Мускулы перекатывались под рукавами песочно-коричневого цвета.

— Лена, имеешь что-то против полицейских?

— Не поняла?

— Не любишь полицейских? Меня лично? — он похлопал себя по бочкообразной груди, при этом прозвучал странный звук, словно грудь у него была из вольфрама. От его улыбки у нее по коже побежали мурашки. — Я из хороших парней.

— Не сомневаюсь.

— Нелюбовь к полицейским — фишка зумеров?

— Я с уважением отношусь к полицейским, Рай.

— Уверена?

— Мой дядя служил патрульным в полиции штата Орегон. — Лена смотрела Райсевику прямо в глаза. — Он был самым добрым и самым порядочным из всех, кого я когда-либо встречала. И я помню истории о том, как часто водители, проезжая по шоссе, показывали ему средний палец. Они воспринимали его как бойца штурмового отряда, а не как человека. И таких много. Отрешенных. Подозрительных. Но я на самом деле считаю, что служба в правоохранительных органах — это самая сложная работа в мире.

Он улыбнулся. Робко и застенчиво.

— Спасибо…

— Но вот касаемо тебя, Рай, у меня есть вопросы.

Улыбка с его лица исчезла.

Что-то в этих улыбках, которые то появлялись, то исчезали, напомнило Лене о коллекции кукол Барби, которая была у Кэмбри в детстве. Вместо того чтобы с ними играть, Кэмбри натирала их лица перекисью водорода. Краска сползала и

превращалась в серую массу. После этого сестра усаживала этих кукол у себя на полках, они напоминали безликих маленьких манекенов в магазине. Зрелище было жуткое. Лена не понимала, почему сестра так делала.

Райсевик снова улыбнулся, словно ему подсказал суфлер.

— Если тебе нужно поговорить с кем-то еще из моего отдела или если ты мне не доверяешь, Лена, то тут никаких проблем. Это твое право. Ты потеряла близкого человека. Твоя сестра была душевнобольной, — он специально подчеркнул слово «душевнобольной» и внимательно следил за ее реакцией, глядя в глаза. — Она жутко страдала. Об этих страданиях она никому никогда не говорила. И решив умереть, она сделала неудачный выбор.

На приманку Лена не клюнула.

«Он подлизывается. Хочет посыпать соль на рану».

Она хотела с Райсевиком встретиться взглядом, но видела только черные стекла солнцезащитных очков. На нее словно смотрел робот.

— Мы не закончили наш разговор — то, о чем говорили раньше. Значит, ты остановил ее в восемь часов?

— Да.

— Но ты не просил ее сесть к тебе в машину?

— Нет.

— Хочешь сказать, что она никогда не сидела в салоне твоей машины?

Ответом ей была та же мягкая улыбка до ушей.

— Все так.

Лена оглянулась через левое плечо и удостоверилась, что кассетный магнитофон продолжает все записывать. Этот вооруженный полицейский постоянно оставался у нее на виду, причем она повернулась так, чтобы находиться от него под углом девяносто градусов — для лучшей подвижности.

Он ждал.

Лена решила, что пришло время нажать на спусковой крючок. Да, момент был подходящий. Любезности закончились. В любом случае это все равно было постановочное шоу, с самого начала, с той самой секунды, когда она сегодня встретилась с ним перед кафе «Магма-Спрингс».

— Моя сестра — художница, — сообщила Лена. — Очень талантливая. Точнее, была ею. Ее рисунки лучше, чем фотографии, потому что на фотографии получается только копия образа, а Кэмбри удавалось уловить его суть.

Улыбка Райсевика снова испарялась.

— Есть то, что она любила рисовать больше всего. Не набросок, не эскиз. Скорее, это была ее визитная карточка, фирменный знак. Мультяшный динозавр, маленький велоцираптор[10], дружелюбный и эмоциональный. Знаешь? Типа Гарфилда.

Лена на секунду прервалась — дала Райсевику секунду, чтобы он кивнул. Он не стал.

— Она рисовала его с начальной школы, тогда она хотела стать художником-мультипликатором и прозвала его динозавр Боб. Позднее, в подростковом возрасте, она рисовала его везде. Поэтому можно даже не сомневаться, что путешествуя от одного океана к другому и обратно, она нарисовала и вырезала динозавра Боба на десятках барных стульев, стволов деревьев, стенках туалетных кабинок по всей стране.

Лена на мгновение замолчала. Между ними повисла тишина.

— Рай, так откуда он взялся на заднем сиденье твоей патрульной машины?

---

[10] Примечания: 10

Велоцираптор — род хищных двуногих динозавров.

Глава 6
История Кэмбри

Было жутко от того, как патрульный смотрит ей вслед, пока она на скорости уносилась прочь. Он не ожидал, что его обведут вокруг пальца, но оставался спокойным. Не кричал. Не хватался за оружие и не палил по ее заднему стеклу. Он просто смотрел, как она уносится прочь в облаке пыли — в зеркале заднего вида его силуэт становится все меньше и меньше. Затем он повернулся и спокойно пошел к патрульной машине.

«Кэмбри, он поедет за тобой».

Точно. Поедет. Погоня только начинается. Но в этот миг, в 20:23, Кэмбри еще жива, выжимает педаль газа, двигатель набирает обороты, и она знает, что шанс у нее есть. Когда ее «Тойота» стоит на стоянке, она уязвима, как птица на земле, но когда Кэмбри Нгуен находится в движении? От Стеклянного пляжа до национального парка Эверглейдс, от белого песка до белого снега, мимо нее проносится мир со множеством возможностей, потому что движение — это жизнь.

И да, прямо сейчас движение — это жизнь в

буквальном смысле этого слова.

«Проклятье».

Хочется врезать по рулю. Она дрожит, кажется, что по ее нервным окончаниям пробегает электрический ток — столько в ней энергии. По коже бегут мурашки. Да, да, да, это происходит на самом деле.

Что это были за костры? Четыре ритуальных костра, которые помешивал Райсевик? Она думала о них, снова и снова прокручивая увиденное в голове, и теперь у нее есть догадка. Это напоминает завершение картинки-загадки, ты ее составляешь — и перед тобой открывается большая картина. Бинокль, обгоревшая на солнце кожа, тяжелое дыхание и отчаянное желание ее поймать до того, как она вернется в город…

«Он тебя преследует».

Да, конечно, вот он. Удивляться тут нечему. Черный «Додж Чарджер» капрала Райсевика появляется в ее зеркале заднего вида. Он легко ее догнал и теперь пристраивается сзади. Полицейскому важно догнать Кэмбри. Похоже, он ее подпирает, оскалившаяся решетка на переднем бампере все ближе и ближе: было двадцать, а теперь между ними десять футов. Он уже на хвосте, и если она прямо в эту секунду нажмет

на тормоза, столкновение гарантировано. Этот вариант Кэмбри обдумывает.

Дорога со щебеночно-асфальтовым покрытием. Черное полотно. Петляет между сосновыми лесами и по прериям, иногда пересекает холмы. В свете фар мелькают указатели, предупреждая о резком повороте впереди. Кэмбри снижает скорость — передние фары Райсевика еще больше и ближе.

«Если во что-то врежусь, лучше от этого не станет», — подумала Кэмбри. Райсевик, наверно, будет только рад, если она потеряет управление, «Тойота» вылетит с трассы и повиснет на каком-нибудь дереве. На этом его работа будет закончена. Он сможет поехать домой.

Вдруг она распереживалась еще сильнее.

«Он знает мое имя».

Сколько информации хранится в базах данных полиции? Все как в фильмах? Адрес Кэмбри никогда не соответствовал действительности — она слишком много и слишком часто переезжала с места на место, но если ее мелкие правонарушения или ДТП, в которые она попадала, в базе есть, то капрал Райсевик знает, что ее родители живут в Олимпии, штат Вашингтон. Если он не поймает ее сегодня вечером, то вполне может заявиться к

ним и вместо нее убить родителей. Или взять их в заложники.

Пока Кэмбри не встретила ни одной машины.

Она проверяет свой телефон-раскладушку. Связи все еще нет. Шоссе пустое, но, может, ей удастся заметить подъездную дорогу, по которой можно выехать на автостраду федерального значения, которая идет между штатами и параллельно этому шоссе. На автостраде I-90 определенно будут другие водители. Ее успокаивает мысль о свидетелях. Полицейский-психопат не посмеет что-то с ней сделать на глазах у других, ведь так?

«Если он не решит убить и их».

«А вдруг решит».

Позади раздражающе замигали красные и синие огни. Он включил полицейскую мигалку на крыше. Завывала сирена. Она звучит не так, как другие сирены, которые Кэмбри слышала раньше — слишком низко, давит на уши, напоминает эхо под водой из кошмарного сна. Может, это страх затуманил ей мысли?

Странно, но она чувствует себя оскорбленной.

«Держишь меня за дуру?»

Она высовывает из окна руку и показывает Райсевику средний палец. В ответ он резко выключает сирену.

Вначале Кэмбри чувствует себя победительницей, так бывает, когда удается придумать остроумный ответ. Но это чувство проходит быстро. Он просто пошел на хитрость. Капрал Райсевик — если это вообще его настоящая фамилия — попытался в последний раз сыграть роль полицейского из дорожно-патрульной службы, воззвать к ее чувству ответственности как законопослушной гражданки. Может, это и прокатывает с другими. Но не с Кэмбри. Поэтому Райсевик решил действовать иначе.

Однако мигалку на крыше своей машины он так и не выключил. Красно-синие огни продолжают мигать, освещают дорогу не только прямо перед машиной, но и по бокам, и облегчают преследование по погружающейся во тьму местности. Этот постоянный и безжалостный источник света врывается в мысли Кэмбри, словно протыкая их иглой, и у нее начинает болеть голова. Она опускает зеркало заднего вида, чтобы не видеть блики.

Следующую милю или две они едут в полной тишине.

Она несется на скорости шестьдесят миль в час, на прямых участках, если получается, разгоняется до восьмидесяти. Она хочет ехать быстрее, но

дорога слишком темная и петляет, к тому же идет то вверх, то вниз. В угасающем свете дня неожиданно возникают крутые повороты. А «Додж» Райсевика плотно сидит у нее на хвосте, в тех же двадцати футах. Мигалка так и пульсирует яркими цветами на крыше, словно сердце беззвучно отбивает удары по стеклу.

Кэмбри не останавливается, она не сделает это, ведь не дура и понимает, какая опасность ей угрожает. Она пытается думать на несколько шагов вперед. Что полицейский сделает? Ему нужно заставить ее остановиться. Может, он попытается в нее врезаться, чтобы ее машину закрутило. Может он догонит ее, поедет параллельно и выстрелит в окно. Что бы он ни придумал, ему нужно действовать быстро — у Кэмбри снова появится связь, и она дозвонится в полицию. Настоящую полицию.

«Кэмбри, время на твоей стороне», — понимает она с каким-то странным приступом боли.

«Нужно просто ехать дальше».

Быстро появляется следующий поворот — очень неудобный вираж — и ей приходится давить на тормоза и снижать скорость до сорока пяти миль в час. Ей это очень не нравится. Машина будто сопротивляется, не хочет подчиняться.

Она проезжает по шумовой полосе[11], слышится резкий громкий звук.

«Двигайся дальше — останешься жива».

Она крепче сжимает руль. Пройдя сложный поворот, она быстро увеличивает скорость. «Додж» у нее за спиной проделывает то же самое.

Это безумие, но происходящее Кэмбри нравится. Да, время совершенно точно на стороне Кэмбри, а не Райсевика. От нее только требуется гнать, как сумасшедшей. Это погоня, но она может выйти из нее победительницей. В конце концов, через одну-две мили пути по темной дороге она все равно встретит какого-нибудь водителя, или мерцающие огни города, или магическую границу, где ее сотовый телефон поймает сигнал.

И тут на приборной панели у нее загорается лампочка низкого уровня топлива.

---

[11] Примечания: 11

Шумовая полоса устанавливается перед опасными изгибами дороги.

Часть 2
Пластикмен

Глава 7

Кэмбри Нгуен знает из опыта, что без прицепа Блейка, после того, как загорелась лампочка низкого уровня топлива, ее «Тойота» может продержаться примерно тридцать миль. Больше не получалось. На всем пути от Форт-Майерса до Фарго она всегда тщательно изучала карты, определяла свое местонахождение и никогда сильно не удалялась от населенных пунктов. Она могла потратить несколько долларов на автозаправочной станции или на парковке быстро у кого-то слить немного бензина, но она никогда не позволяла себе быть настолько неосторожной или беззаботной, чтобы допустить пустой бензобак вдали от цивилизации. И она никак не рассчитывала на то, что этот ублюдок засунет руку в окно и вытащит ее рюкзак.

Тридцать миль. Больше не проедет.

До Полк-Сити сорок две мили — судя по дорожному знаку, что она видит. Лишние двенадцать миль. Она задумалась — а какой резерв топлива у «Тойоты Короллы» 2007 года выпуска?

Тридцать миль. Плюс еще двенадцать.

Она смотрит на тускло горящий оранжевым

светом индикатор уровня топлива на приборной панели. Он подсказывает, что нужно подлить бензина. Ехать в Полк-Сити очень рискованно, и Кэмбри это понимает. Если она ошиблась — хотя бы на одну милю из сорока двух — то «Королла» остановится, она окажется сидящий в машине, которую не сдвинуть с места, и Райсевик догонит ее, беззащитную. Нож не спасет. Он пристрелит ее, задушит или изнасилует. Сделает все, что планировал двадцать минут назад, когда впервые попросил ее выйти из машины.

«А может…»

Может, сотовая связь заработает раньше, и ей не придется ехать все сорок две мили? Это возможно, потому что Полк-Сити наверняка разрастается. Но это не решит ее проблему с бензином. Звонок в службу 911 не поможет, если Райсевик убьет ее на месте.

— Проклятье! — она бьет по рулю.

Патрульная машина продолжает ее преследовать. В баке «Доджа» топлива-то достаточно.

«Время не на твоей стороне, — у Кэмбри на мгновение сжалось сердце. — *Совсем не на твоей».*

Полицейский тем временем выключил мигалку на крыше. Может, из-за нее в темноте хуже

видно? Но Кэмбри все равно немного успокаивается. Теперь мир становится четче и проще — черная ночь, фары и мелькающая дорога.

Она пытается собраться с мыслями. Минуту назад промелькнул зеленый указатель, значит, до Полк-Сити осталась сорок одна миля. Значит, на милю меньше и топлива в бензобаке. Двигатель — это тикающие часы. Сжирает оставшиеся запасы топлива каждую минуту, каждую секунду…

«Думай, — заставляет она себя. — *Просто думай».*

У нее вряд ли что-то получится.

Она может просто ехать дальше, вдруг ей повезет, и она проедет весь путь, оставшиеся сорок с чем-то миль до Полк-Сити. Она понятия не имеет, сколько у нее осталось топлива. Ее шансы выжить пятьдесят на пятьдесят. А может, и меньше.

«Магма-Спрингс», — вспоминает она и аж дергается. В двадцати милях. Может, теперь в двадцати пяти? Город находится прямо за ней. Сотовый телефон пока работать не будет — по крайней мере, до тех пор, пока она не окажется на главной улице. Но бензина туда добраться у нее точно хватит. Городишко по размерам примерно как Полк-Сити. Может, даже больше. Там дол-

жен быть офис шерифа, продуктовый магазин, заправка или еще какие-то места, где могут быть живые, бодрствующие люди. Те, кто могут стать свидетелями.

— Отлично, — шепчет она.

«Если я развернусь…»

«Так, так, так…»

Приближается еще один крутой поворот — на этот раз Кэмбри так и мчится на скорости семьдесят миль в час. У нее такое ощущение, что она несется по гоночной трассе. В бардачке звенит мелочь. Она выворачивает руль, чтобы не вылететь за сплошную линию, отделяющую дорогу от обочины, и чуть не вылетает на встречную полосу.

Повернув, она увидела, что черный «Додж» продолжает висеть у нее на хвосте. Фары светят в ее заднее стекло. Как и на предыдущем повороте. Райсевик — опытный водитель, у него явно был опыт в преследовании, он прекрасно знает, как может разворачиваться погоня — он не отстал от нее ни на дюйм.

Кэмбри уже готовится развернуться, хотя не до конца продумала, как это сделать. Но она точно знает, что ехать дальше в Полк-Сити будет ошибкой. Нужно развернуться в Магма-Спрингс, где у нее больше шансов на спасение, да и расстояние

до Магма-Спрингс в два раза меньше. Ей нужно нажать на тормоза и развернуться. Так, чтобы ее не поймали. И не пристрелили. И не протаранили, и не сбросили с дороги в какой-нибудь овраг.

Она решает повернуть на счет «три», будет считать точно так же, как Райсевик, который, широко улыбаясь, стоял рядом с ее машиной. Она хорошо запомнила его образ: запах изо рта, от него несло какими-то антацидами со вкусом клубники; остатки таблеток, прилипшие к его зубам; руку, которую он держал на пистолете.

— Раз, — ее ступня зависла над педалью тормоза.

Стрелка спидометра дрожит у отметки «семьдесят один». Сейчас Кэмбри притормозить не может, иначе Райсевик все поймет и вслед за ней снизит скорость. А если она станет разворачиваться слишком медленно, то Райсевик воспользуется шансом и столкнет ее с дороги. Начав разворот, Кэмбри в любом случае будет уязвима — она же повернется к нему боком.

Она представила себе картину: ее машина летит, ломая деревья, переворачивается и превращается в огненный шар…

— Два, — Кэмбри стиснула задние зубы. Зубная боль вернулась.

«Ты едешь слишком быстро».

Нет, она едет достаточно быстро.

«А если он случайно врежется в тебя сзади? И столкнет с дороги?»

Рискованно, но терпимо. Определенно, это гораздо лучше, чем остаться с пустым бензобаком в десяти милях от окрестностей Полк-Сити, встать на дороге, когда за спиной — вооруженный психопат. Повернуть обратно — лучший вариант из всех возможных. И это точно — решила она, а в это время краем глаза увидела свет фар.

«Три?»

Она боится произнести это слово вслух. Оно словно застряло в горле, как удушающий кашель. Но она приложила усилия, заставила свои губы раскрыться, и проговорила:

— Три…

…и нажала на тормоз.

Кажется, что весь окружающий мир стал на якорь. Мозг получает сигнал о столкновении, хотя столкновения не было. Визг металла, отдающийся и в левом, и в правом ухе. Тормозные колодки. Словно из ниоткуда появляется ремень безопасности, сжимает Кэмбри шею, грудь и выдавливает воздух из ее легких.

Секундная вспышка света — «Додж» резко

поворачивает налево. Дальний свет вспыхнул так ярко, как будто Кэмбри внезапно осветило солнце. Нутром она чувствует, что Райсевик не сможет уклониться достаточно быстро, заденет ее сзади и повредит оба автомобиля. Но проходит секунда. Он в нее не врезался. Ее не задел. Ее «Тойота» вильнула вправо, ее занесло к обочине, слышен скрип гравия. Теперь Кэмбри выворачивает руль — все еще скользя вбок на заблокированных колесах. Машина еще раз дергается, словно произошло столкновение, хотя его на самом деле не было, Кэмбри вдавливает в водительское кресло, на заднем сиденье с шумом накреняется дорожный холодильник, затем наступает тишина. Фары освещали темные сосны.

Полная остановка.

Нет времени даже на вздох, она дергается вперед на своем сиденье, вдыхает едкий запах жженой резины, выворачивает руль вправо и вдавливает педаль газа. На некотором удалении слышится визг тормозов «Доджа», которые тоже яростно реагируют на маневр водителя. Кэмбри выворачивает на полосу, ведущую на восток и завершает разворот.

Разворот на сто восемьдесят градусов на скорости семьдесят миль в час.

— Боже праведный!

Это производит впечатление даже на ее фурий: *«Неплохо, девочка».*

Она смахивает волосы со лба, которые лезли в глаза, и набирает скорость. Перед ней раскинулась дорога. Ее путь в Магма-Спрингс, к цивилизации, в безопасность.

Она снова поднимает глаза на зеркало заднего вида — Райсевик все еще пытается повернуть на сто восемьдесят градусов, и Кэмбри теперь видит только исчезающую во тьме заднюю часть его машины. Пятьдесят ярдов. Сто. Его реакция оказалась даже медленнее, чем она думала. Может, он разговаривал по рации или еще на что-то отвлекся? Она застала его врасплох, сделала то, что он никак не мог ожидать во время этой смертельной погони: она нажала на тормоз.

По ее ощущениям она вырвалась вперед на целую четверть мили, но тут замечает свет его фар. Он снова преследует ее. Но машина далеко, видны только маленькие точки света.

— Да чтоб тебя! — шепчет Кэмбри.

Ее воодушевила эта маленькая победа, которая воспринимается, как грандиозная. Кэмбри сменила направление, теперь едет к ближайшему населенному пункту. Это уже что-то. Она про-

ходит следующий поворот — теперь это крутой поворот налево, и свет передних фар «Доджа» на мгновение исчезает из вида. Тут неровная местность. Кэмбри умчалась вперед довольно далеко, и теперь Райсевик пытается ее нагнать. Черт побери!

Мимо проносится блестящий дорожный указатель. В свете фар Кэмбри успевает прочитать: «МАГМА-СПРИНГС 22».

Гораздо лучше, чем она ожидала! Она может проехать двадцать две мили, и еще восемь останутся в запасе. В бензобаке «Тойоты» на это количество миль точно есть бензин. Гораздо лучше, чем пытаться дотянуть сорок две мили до Полк-Сити. Намного лучше. Но ей все равно на каждой мили придется сражаться с вооруженным преследователем, а когда он придет в отчаяние, то, вероятно, начнет стрелять. На этот случай у нее еще нет плана.

Прошло уже несколько секунд, а свет фар полицейского после поворота так и не появился. Кэмбри приходит в голову еще одна мысль — словно тихий шепот в голове:

«Ты можешь спрятаться».

Полицейский преследует ее, ориентируясь на задние габаритные огни. С такого расстояния они

должны казаться ему маленькими красными точками. Все вокруг теперь погружено во мрак. Пока он ее не видит, Кэмбри может съехать с дороги, выключить фары и дать Райсевику проскочить мимо.

«Кэмбри, давай».

Она снова увидела свет его фар. Но все еще далеко. Приближаются.

«Ладно. За следующим поворотом».

Нужно, чтобы там оказалась подъездная дорога или, по крайней мере, какой-то ровный участок — иначе она просто упадет в канаву. Это будет плохо. И еще ей нужно помнить про облако пыли, что оставляет ее машина. Помнить обо всем, что может ее выдать в свете фар проезжающего мимо автомобиля.

Слева от нее пролетает просека — высокая трава и молодые побеги. Она не успела сориентироваться и съехать.

— Проклятье!

Это место прекрасно подошло бы. Но полицейский ее видел, он просто последовал бы за ней, также съехав с дороги.

Она пообещала себе: *«В следующий раз. И никаких оправданий»*.

Приближается следующий поворот. Это тот

самый крутой вираж, который она проезжала несколько минут назад. Кэмбри его помнит. Она чуть не вылетела в лес. Лента шоссе несется ей навстречу, и скоро ее ждет петля, которую нужно преодолеть в ночи.

Волосы снова попали в глаза. Она их смахивает. Стрелка спидометра доходит до отметки «восемьдесят», потом «девяносто». Она непродуманно использует топливо, но сейчас так надо. Под капотом ревет двигатель, пожирая остатки бензина.

По прошлому опыту Кэмбри знает (это было всего несколько минут назад!), что этот треклятый поворот она может пройти на скорости пятьдесят миль в час и при этом не вылететь с дороги. На этот раз она попробует пройти его на шестидесяти. Пока она впереди, важна каждая секунда, чтобы без проблем съехать с дороги и спрятаться во тьме, не оставив явных следов. Пылевому облаку нужно дать еще несколько секунд, чтобы осесть. Это важно.

А вот и поворот.

Она летит на скорости шестьдесят миль в час и уже решила поворачивать по встречной полосе — чтобы кривая была как можно шире. Лобовое столкновение — это последнее, чего она боится. Дорога заворачивает, идет вниз. Она крепко дер-

жит руль — поворот уж больно крутой! — шины снова визжат, шумовая полоса издает яростный звук, напоминающий визг пилы. Кэмбри чувствует, как вибрациями этот звук отдается в стиснутых зубах. Фары опять таращатся на искривленные стволы сосен, этакая карусель стоп-кадров. Любое дерево может превратить ее машину в огненный шар. Кажется, сосны растут всего в нескольких футах, даже дюймах. Она пытается удержать руль, крутит его вправо как можно сильнее, но двухтонная «Тойота» выходит из-под управления, а поворот все не заканчивается и не заканчивается, деревьев становится больше, еще и еще больше…

Внезапно дорога выпрямляется.

Кэмбри возвращается на свою полосу. И снова проезжает по шумовой полосе. Еще один предупредительный сигнал и стук гравия, вылетающего из-под колес. Но Кэмбри все еще продолжает движение вперед, она все еще несется по дороге, она выжила на этом дьявольском повороте. Неважно, что для этого потребовалось выехать на встречную полосу, хотя если бы по ней кто-то ехал, то столкновения не избежать — мгновенное убийство и самоубийство. Но это не имеет значения, ничто не имеет значения, поскольку это

просто один из возможных вариантов, который не осуществился. Кэмбри все еще жива.

В зеркале заднего вида свет фар «Доджа» снова пропал. Наверно, полицейский прямо в эту минуту снижает скорость и проходит тот же поворот. Кэмбри пытается прикинуть, сколько же у нее есть времени.

«У тебя двадцать секунд. Максимум».

Она смотрит в обе стороны, ищет поросшую травой полянку, ровный кусок земли, что угодно, куда можно было бы съехать с шоссе и спрятаться в темноте. Она так спешит, что чуть не пропускает вариант еще лучше.

Закрытая воротами дорога.

На пыльной неширокой, частично размытой, с выбоинами обочине фары освещают потускневший белый указатель «ДОРОГА ЗАКРЫТА», который висит над запертыми металлическими воротами. Полицейский быстро догонял ее.

Все еще на скорости пятьдесят миль в час она поворачивает руль.

«Остается пятнадцать секунд…»

Кэмбри нажала на тормоз, и шины снова завизжали. Скрежет и вой резины по дорожному покрытию может ее выдать. Кэмбри надеется, что в патрульной машине окна закрыты — иначе

Райсевик услышит эти звуки, даже на расстоянии четверти мили за поворотом, и поймет, что она остановилась.

Таранить ворота — самоубийство, поэтому она решает их объехать, опять крутит руль в сторону и продирается сквозь шестифутовые молодые деревья, которые нещадно бьют ее машину по бамперу. Звуки напоминают стрельбу, облаком вверх взмывают листья, будто пузырьки в газировке. На неровной земле машина сильно подпрыгивает, в бардачке звенит мелочь, часть вылетает на пол. Ремень безопасности снова сильно давит на ключицу. Кэмбри опять оказывается на дорожном покрытии, снова едет по прямой, запертые ворота остаются позади, она мчится на скорости…

«Десять секунд».

Вылетающие из-под колес камушки с шумом бьют по днищу. Высокие тонкие деревья и низкие кустарники пролетают с двух сторон. Подсвеченное красным цветом габаритных огней, пылевое облако не дает рассмотреть, что происходит сзади. Машина подпрыгивает на какой-то выбоине, опять слышится треск, что пугает ее.

Кэмбри едет вперед, дальше от основной дороги, чтобы полицейский не увидел в свете фар

ее машину. Очевидно, что ей также придется отключить и свои фары, иначе он сразу ее заметит в темноте. Но вопрос: когда отключать фары?

«Пять секунд».

Она знает, что в любом случае рискует. Если остановиться слишком близко к дороге, Райсевик ее увидит, повернет и последует за ней. Если она поедет дальше и слишком долго будут включены фары, он ее увидит. Кэмбри поворачивает шею и смотрит назад на главное шоссе, вглядываясь сквозь облако пыли. Она ждет, когда свет фар «Доджа» снова появится из-за поворота, хотя напоминает себе, что если увидит его, то будет слишком поздно.

«Ноль. Время вышло».

Нет. Она еще недостаточно далеко отъехала от шоссе.

«Останови машину».

Она подпрыгивает на еще одной выбоине, в задней части что-то царапает по металлу. Кэмбри пока не может позволить себе остановиться, слишком близко к автостраде. Растительность здесь низкая и редкая, деревья тонкие. Свет фар Райсевика высветит ее «Тойоту», прячущуюся на этой ровной прерии, она окажется как на ладони.

«Кэмбри, останови машину. Выключи фары».

Она ждет еще одну секунду. И еще…

«Остановись-остановись-остановись».

Наконец она давит на педаль тормоза и, повернув ключ, глушит двигатель. Она выключает фары, и мир вокруг резко погружается во тьму. В эту микросекунду из-за крутого поворота на автостраде МТ-200 за спиной у Кэмбри появляются лучи фар преследующего ее патрульного «Доджа», пронзают тьму, как две булавки, как следы двух одинаковых падающих звезд или метеоров.

Она задерживает дыхание и ждет, погрузившись в тьму. Облако пыли добирается до «Тойоты» и проплывает мимо, посыпая крышу машины пылинками и песчинками, словно перцем. Кэмбри наблюдает, как полицейская машина повернула вдали. У Райсевика включен дальний свет, и фары сканируют покрытые травой участки, отбрасывая на кусты двигающиеся тени, их опасный свет доходит до ее машины, касается голубой краски, безжалостно освещает силуэт «Тойоты», каждую ее деталь.

Салон машины наполнился светом — у Кэмбри внутри все сжалось. На мгновение ее приборная доска, руль, сжимающие его костяшки пальцев стали ужасающе яркими, словно освещенные

послеполуденным солнцем.

Снова тьма.

Райсевик едет прямо по автостраде. В отдалении Кэмбри слышит гул его двигателя. Он едет быстро, пытаясь наверстать упущенное время.

У нее горят легкие. Страшно даже шевельнуться.

Задние габаритные огни «Доджа» внезапно освещают дорогу. Приближаясь к пересечению дорог, Райсевик снижает скорость. Он узнает дорожный указатель и ворота. Вероятно, эту местность он хорошо знает. Кэмбри охватывает паника, она сглатывает комок в горле, сжимает ключ в замке зажигания. Он ее увидел!

Теперь каждая секунда, что она ждет, — это потерянное время. Если она заведет двигатель и снова обратится в бегство, ей, возможно, удастся сохранить какое-то расстояние, уйти вперед. Если ее обнаружили, зачем ждать? Время тает, словно пороховой фитиль. Кэмбри наблюдает за снижающей скорость патрульной машиной у перекрестка, а голос в голове твердит ей: *«Он тебя увидел. Он сейчас повернет налево. Он повернет налево и за тобой последует»*.

«Додж» останавливается.

Тишина.

«Ну, это неожиданно».

Теперь ее пальцы сжимают ключ «Тойоты», нужно всего один раз его повернуть, и двигатель проснется. Она сжимает ключ так сильно, что на ладони отпечатывается его форма. Костяшки пальцев болят, рука затекла. Кэмбри совсем чуть-чуть расслабила пальцы.

Теперь машина Райсевика стоит на середине автострады МТ-200, примерно в ста ярдах от Кэмбри. Двигатель он не заглушил, слышится его тихое рычание. Фары включены.

Кэмбри наблюдает сквозь заднее стекло. Она все еще боится даже пошевелиться. Легкие горят в груди, словно воздушные шары, наполненные горячим воздухом. У Кэмбри начинает кружиться голова, мысли плывут, но дышать она себе не позволяет. Она не может. Это как в кошмарном сне: если она начнет дышать, он ее увидит.

Еще одна мучительная минута. Ничего не происходит.

Открывается дверь «Доджа». Звук тихий, но действие пугает быстротой и внезапностью. Кэмбри кашляет, потом хватает ртом воздух, словно только что вынырнула из глубины. Полицейский выходит из машины. На фоне передних фар виден его черный силуэт. Даже издалека Кэмбри

способна разглядеть те детали, которые помнит. Поля шляпы. Огромные плечи. Бочкоподобную грудь. Он просто гигант, почти бодибилдер, а в профиль он кажется еще больше. При виде его у нее стынет кровь — за ней гонится мужчина с габаритами Халка.

«Меня не засекли», — успокаивает она себя. В темноте без прибора ночного видения он ее не увидит.

«А вдруг у него есть прибор ночного видения? Или инфракрасного излучения?»

Полицейский не закрывает дверцу и идет к задней части машины. Он торопится. Открывает багажник и в него наклоняется. Его силуэт теперь виден на фоне красного света задних габаритных огней. Он становится красным, словно демон, и исчезает из виду.

Он ее не видит. Не может видеть.

Так ведь? Равнина полностью погружена во тьму. Редкие деревья и неравномерная листва. Кэмбри хотелось бы нырнуть в нее, погрузиться полностью. Просто зарыться, слиться с ней. Самой и машине — словно нырнуть в темную грязь.

Полицейский появился снова. И снова проходит сквозь красный свет габаритных огней, снова выглядит как мускулистый дьявол. Теперь

в руках у него оружие. Кэмбри не разбирается в огнестрельном оружии. В этом году она несколько раз стреляла из пистолета Блейка — чтобы выглядеть достаточно угрожающей, если на них когда-нибудь нападут в кемпинге. Но даже на таком расстоянии она уверена, что у Райсевика автомат.

Он несет его беспечно, словно швабру, останавливается у открытой дверцы автомобиля, смотрит налево, потом перед собой — на запертые ворота. Может, видит примятые деревца, по которым Кэмбри проехала? Размышляет, в каком направлении она исчезла. Его движения резкие, дерганные. Нервничает.

«Он сомневается».

Кэмбри так и сидит, не двигаясь, в своей машине. Ключ от «Тойоты» все еще зажат в пальцах. Ей нужно только один раз его повернуть, и тогда вспыхнут ее габаритные огни, и ее машина загорится, как рекламный щит в Лас-Вегасе. Она не может открыть дверцу и выбежать, ведь тогда загорится верхний свет в салоне. Она в ловушке внутри своей же машины.

В крови бурлит адреналин — она прячется от погони. Живот крутит. Вообще ощущения нельзя назвать совсем неприятными. Она вспоминает

себя маленькой и игру в прятки, обычно снимала обувь и неслышно передвигалась на носках. Ей удавалось скрываться от Лены и других детей часами (по ощущениям это были часы), она меняла места, выскальзывала из шкафов, в доме кузенов неслышно перемещалась из комнаты в комнату, напоминая призрак. Тебя не могут найти, и в этом особое удовольствие.

Тем временем полицейский осматривает местность в поисках Кэмбри. Для бинокля слишком темно, слава богу, что у него нет прибора ночного видения. Он вскидывает зловещую винтовку, готов стрелять.

Кэмбри понимает, что ему нужно принять решение. Так или иначе.

Остаться на автостраде или поехать налево по закрытой дороге? Шансы пятьдесят на пятьдесят. Он может сделать правильный и неправильный выбор. И у Кэмбри тоже шансы пятьдесят на пятьдесят — чтобы убежать и быть вне поля его зрения. Это как подбросить монетку. Монетку они бросают под черным небом, вызывающим тревогу. Воздух электризуется.

Ключи от «Тойоты» звенят в ее пальцах. Рука дрожит. Страх, опасение за свою жизнь довели ее нервы до предела, и, вероятно, Райсевик тоже

нервничает. Он теряет время. Он это понимает. Она это понимает. Все зависит от его выбора.

«Пожалуйста, ошибись, — умоляет Кэмбри. — *Пожалуйста, останься на автостраде»*.

Теперь до нее дошло. Именно в эту минуту. Это осознание подобно крошечному ползущему насекомому, что пытается пролезть под дверь. Теперь она все поняла. На том удаленном от цивилизации участке полицейский, Раймонд Райсевик, избавлялся от трупа. Четыре костровые ямы, окруженные пирамидами из камней, обустроены таким образом, чтобы удерживать жар. Подобно маленьким печам. Чтобы жечь человеческие кости, превращать их в порошок. Он кремировал тело, по одному куску за раз.

У Кэмбри крутит живот. В горле стоит кислый привкус.

Этот полицейский Раймонд Райсевик — убийца. А она случайно набрела на участок, где он избавлялся от улик. Она стала свидетельницей процесса, поэтому теперь от нее нужно избавиться как можно скорее, пока она не успела никому рассказать об увиденном, не раскрыла его тайну. Вот оно что. Это единственное правдоподобное объяснение.

Райсевик кладет винтовку на сиденье, и за-

бирается в «Додж». Он хлопает дверцей с явной яростью. Звук доходит до нее с запозданием — сухой щелчок, задержавшийся из-за расстояния. Он переключает передачи, и свет фар патрульной машины меняется. Вот он, момент истины.

«Прошу, оставайся на дороге».

Машина трогается с места в направлении перекрестка, Кэмбри хочется закрыть глаза, отвернуться.

«Прошу-прошу-прошу…»

Райсевик продолжает движение прямо вниз по автостраде МТ-200. Мимо белого дорожного указателя, мимо сворачивающей в сторону дороги, мимо раздавленных молодых побегов и запертых ворот. Мимо Кэмбри. Она не сразу в это поверила.

«Точно. Он уезжает».

Наблюдая, как он уезжает, она издает звук, похожий то ли на крик, то ли на выдох. Напряжение внезапно уходит, словно сдувается проткнутый воздушный шар. К коже приливает кровь. Ее охватывает чувство радости. Горло сжимается. Да, можно считать, что она подбрасывала монетку. Она выбрала решку, а он орла и, слава тебе, Господи, она только что выиграла…

Небо осветила молния.

Кривая молния, протянувшаяся с востока на запад, разрезает небо, на котором неслышно вспыхивает огонь. На микросекунду освещается каждый дюйм прерии, словно кто-то решил с помощью этой вспышки сделать рентгеновский снимок каждого камня и каждого дерева. На одно ужасное мгновение салон «Тойоты» осветился так ярко, словно наступил день.

Полицейский на автостраде резко нажал на тормоз. Завизжали шины.

Он разворачивается к закрытым воротам и продолжает погоню, а Кэмбри Нгуен требуется целая секунда, чтобы понять происходящее. Она не верит! Не верит в то, что случилось вопреки всему. Она поворачивает ключ в замке зажигания, снова заводя двигатель.

— Черт побери, ну не может же быть такого!

Глава 8
Лена

— Ты что-то скрываешь, — заявила она полицейскому.

— Не понял.

— Рай, ты слышал, что я сказала.

Он на нее уставился, застигнутый врасплох.

— Знаешь что? Это нормально. Потому что я тоже не была с тобой полностью честна, — Лена бросила взгляд на машину сестры. Кассетный магнитофон так и стоял на капоте, внутри крутилась магнитная лента. Лена почувствовала, что температура воздуха меняется, солнце, скрытое слоем грязного дыма, теперь светило тускло. Она тщательно подбирала слова, ведь забрать их назад будет невозможно. — Кое-что меня беспокоит и не отпускает целых три месяца. Рай, это одна из причин, почему я тебя нашла. И устроила встречу.

— Расследование…

— Многое в нем не стыкуется, — тихо сказала она.

Капрал Райсевик долго молчал. Он рассмат-

ривал ее при ярком, беспощадном свете дня, но как-то отстраненно, словно мысленно перебирал список ответов. Наконец он прищурился и заговорил.

— Лена, расскажи мне все, с начала и до конца. Я не следователь, но опиши все, что тебя беспокоит.

— Для начала ты. Ты не объяснил, откуда в машине динозавр Боб.

— Объяснил. Я не надеваю наручники на всех задержанных. Дети рисуют на сидениях и…

— Как там оказался рисунок динозавра Кэмбри?

— Ты вынуждаешь меня это сказать? — он снял черные солнцезащитные очки, потер глаза. — Я не хочу рассказывать, потому что на записи получится, будто я какая-то сволочь.

— Рай, ты уже себя таким показываешь.

— Расскажу все как можно мягче. Когда-нибудь слышала про мультсериал на канале «Никелодеон» под названием «Новая жизнь Роккo»? Там есть герой — зеленый хамелеон. Забыл, как его зовут. Но он выглядит именно так. Пять лет назад его на сиденье нарисовал один четырнадцатилетний подросток, который воровал в магазинах в Полк-Сити. Если тебе он кажется динозавром

Бобом, то это просто означает, что динозавр твоей сестры не придуман. Она его скопировала. Извини, не хотел тебя расстраивать.

— У тебя отличная память.

— Я просто рассказал то, что ты просила.

«Не давай ему возможности перевести дух».

Лена показала на «Тойоту» своей сестры.

— Видишь большую вмятину на бампере? Словно она врезалась в дерево или куда-то еще?

— Да, и что?

— Когда мы в последний раз виделись, этой вмятины не было.

— И что? — опять спросил он. — Лена, когда вы последний раз виделись?

Этот вопрос был как удар кинжалом между ребер. Она не ответила, потому что правильный ответ был: «Больше года назад». Тринадцать месяцев назад. На семейном барбекю. Они едва ли перекинулись парой слов. Кэмбри напивалась с мрачным видом, а Блейк (Ужасный Парень № 17 или, может, № 18) пытался съесть как можно больше, и это всех смущало. Более того, с машиной постоянно что-то случалось. Вмятина ничего не доказывала.

Райсевик смотрел на нее пристально. Он знал, что ее задел.

Предполагается, что близнецы очень близки, так ведь? Неразлучные братья или сестры с одинаковой ДНК, которые словно отражения друг друга в зеркале. Но Лена и Кэмбри были будто попавшие в капкан птицы в небольшом доме площадью тысяча квадратных футов, а когда им исполнилось по восемнадцать лет, они вырвались из него в мир и полетели в совершенно разных направлениях.

— Нет никакого заговора, — сказал Райсевик с важным видом. — Расследование шло своим чередом. Все случилось в выходные, поэтому судмедэксперт задержался с определением причины смерти. А когда он объявил, что это самоубийство, отдел по расследованию убийств уже проверил мою одежду, приготовленную в стирку, изучил каждый квадратный дюйм в ее машине — и моей тоже — в поисках подозрительных отпечатков пальцев, следов борьбы, чужих волос, волокон, да чего угодно…

— Тормозные колодки были сильно изношены.

— Она же на этой машине проехала до Флориды…

— Тормоза упоминались в отчете. Помнишь?

— Послушай, Лена. — Райсевик смотрел на нее с состраданием. — Это выходит за пределы моей

компетенции. У меня сейчас перед глазами нет отчета. И хотя мне и хотелось стать следователем, я — патрульный и…

— «Недавние следы износа на тормозных колодках транспортного средства», — произнесла Лена. — Цитирую. Словно она многократно жала на тормоз, спасаясь в погоне…

— Вдруг она увидела койота.

— Похоже, я знаю, почему ты не стал следователем, — заметила Лена.

Воцарилась напряженная тишина, которую не нарушали ни дуновение ветра, ни какие-то другие звуки. Лена продолжала давить, сама заполняя эту тишину тем, что ей болезненно хотелось сказать на протяжении всего дня:

— Я не верю, что моя сестра совершила самоубийство.

— Тебе нужно это принять.

— Она не стала бы кончать с собой, — Лена боролась с дрожью в голосе. Ей это очень не нравилось. Из-за дрожи могло показаться, что она как ребенок, готовый вот-вот расплакаться. — Я знаю Кэмбри. Знаю свою сестру. Каждую ее клеточку.

Теперь Райсевик стоял достаточно близко, чтобы коснуться ее руки.

— Лена, она…

— Прекрати звать меня Леной. Ты меня не знаешь.

Он замер.

Лена затаила дыхание. Она не собиралась огрызаться, всегда считала, что повысить голос означает признать свою слабость. Сила — это спокойствие, сила всегда тихая, а неуверенность громкая. Ее громко произнесенные резкие слова эхом разнеслись по долине. Но теперь она на могла остановиться, это было только начало.

— И это еще не все. В машине Кэмбри нашелся только один блокнот. А она путешествовала девять месяцев, от Сиэтла в Форт-Майерс, и почти успела вернуться назад. Поэтому должны были остаться сотни рисунков, сделанных чернилами или карандашом.

— Может, их забрал ее парень?

— Они расстались в Форт-Майерсе. А рисунков нет после Флориды…

— Ты изучила каждую страницу?

— Ты абсолютно прав, черт побери! Да, изучила! — она смотрела прямо в лицо Райсевика. — Есть Калифорния, Техас, Луизиана. Пирс в Санта-Монике, Рукавицы[12], нефтяные буровые

---

[12] Примечания: 12

Рукавицы — два холма в Племенном парке индейцев навахо в Аризоне. Выглядят как две гигантские варежки большими пальцами внутрь.

вышки, головы крокодилов…

— Она прекратила рисовать после Флориды. Или просто выбросила блокноты…

— Она никогда бы так не сделала.

— Уверена?

— Да.

— Абсолютно?

— Рай, она никогда бы не выбросила свои рисунки.

— Да? — прикусил он нижнюю губу. — Но себя-то она выбросила.

Молчание.

Лена изучающе рассматривала его, обращая особое внимание на глаза — ждала еще одной вспышки ужаса, сожаления, извинения. Шутки могут быть не к месту. Но это не было шуткой. Он улыбался. Он хотел причинить ей боль. И у него это получилось.

«Значит, вот как оно будет, — подумала Лена. — *Ладно».*

Она тоже заставила себя улыбнуться, улыбка получилась жесткой, как гранит.

— Знаешь, Рай, что меня окончательно убедило? Что дает мне уверенность? Заставляет считать, что ты знаешь больше, чем мне говоришь?

Он молча ждал.

— Судя по информации в Интернете, на этом мосту появляются призраки. Иногда его называют мостом Самоубийц. Он прославился благодаря четырем или пяти самоубийцам, которые прыгнули с него в восьмидесятые годы прошлого века…

— Ты мне это рассказывала.

— Рассказывала. Полчаса назад. А ты мне сказал, что никогда про это не слышал. Но в своем письменном отчете называл этот мост мостом Самоубийц. Это твои слова. Еще ты добавил чушь про трагическую историю моста, может, чтобы немного приукрасить отчет, и заявил: ты искренне надеешься, что жизнь на нем оборвалась в последний раз.

Его выражение лица не изменилось.

— Отличная актерская игра, — сказала она. — Но ты переборщил.

Он даже глазом не моргнул.

— Ты мне соврал. Снова…

— Я ни разу тебе сегодня не соврал, — зашипел он. В голосе прозвучал ужасающий звук, напоминающий рев раненого животного, и Лена отступила на полшага. — Я… я что, должен помнить все местные легенды? Да на кладбище

в Магма-Спрингс открыт портал в ад. Поговаривают, в туалете нашего мини-маркета один раз испражнялся Джонни Кэш. Я просто забыл про мост, на котором случайно оказался больше трех месяцев назад…

— Ты остановил Кэмбри, — прошептала Лена — За час до ее смерти.

— Лена, тебе есть что сказать?

— А затем, на следующий день ты нашел ее труп…

— Лена, тебе есть что добавить? — он словно ощетинился, загораживая солнце. — Потому что если есть, то лучше скажи прямо. У меня не хватает терпения слушать про эту мистическую чушь.

Она смотрела на него. Слова уже вертелись на кончике языка. Но если она их произнесет, все пойдет по-другому. Вернуться назад станет невозможно. Загадка будет разгадана. Она неделями репетировала этот момент. Месяцами. Она тренировалась перед зеркалами, в душе, на дороге. Но теперь, стоя здесь, она не могла ничего сказать и только неотрывно смотрела на него.

Теперь он подошел ближе.

— Ну, скажи.

Она чувствовала его дыхание. Изо рта у него пахло чем-то сладковатым, возможно, какими-то

антацидами с запахом клубники. На его зубах виднелись камни.

— Ну, скажи это, Лена.

Он подошел еще ближе. Его тон изменился, он на нее давил, пытался запугать.

Но слова будто застряли у Лены в горле.

«Скажи…»

Ее убил он.

Я в этом уверена. Никогда ни в чем не была так уверена, как в этом, дорогие читатели.

Шестого июня этого года капрал Райсевик, удостоенный многих наград, который семнадцать лет служит в полиции штата Монтана, убил мою сестру Кэмбри Нгуен. Он сбросил ее тело с моста Хэйрпин, проклятой Шпильки, и обставил все так, будто ее смерть — очередное самоубийство в странном ряду других, случившихся несколько десятилетий назад. Он не отрицал факты, что он остановил ее незадолго до смерти. После свободного падения на высокой скорости при столкновении с камнями ее мягкие ткани превратились в кашу. В ее машине не нашли никаких улик, в ее телефоне-раскладушке, которым она почти не пользовалась, — ничего, что можно

было бы использовать против него, никаких улик. Просто еще одна беглянка, у которой вдали от населенных пунктов закончилось топливо в бензобаке, и она, поддавшись внезапному порыву, покончила жизнь самоубийством. Как трагично. В эту лживую историю поверили все, кроме меня.

Он. Ее. Убил.

Да, дорогие читатели. Именно об этом весь пост. Он не об «Огнях и звуках», не обо мне, не о моем горе и не о шепчущих призраках на мосту Самоубийц.

Этот пост об убийстве Кэмбри.

Завершая путешествие через всю страну, моя сестра не прыгала с печально известного моста. Предполагаемая душевная болезнь не является мотивом для самоубийства, как это часто бывает с неуравновешенными людьми.

А как объяснить ее предсмертное СМС-сообщение? Я думаю, что это фейк.

Да, фейк.

Вот снимок экрана — *1384755.jpg*. Я получила это сообщение восьмого июня в 00:48. Мама, папа и все остальные пытались понять его смысл, и никто не поставил под вопрос подлинность ее последних слов. Но когда туман печали рассеялся,

я задумалась об этом сообщении более серьезно.

«Пожалуйста, прости меня, — написала она мне в СМС-сообщении. — Я не могу с этим жить. Но ты, капрал Райсевик, надеюсь, сможешь».

Простите, конечно, но что это за чушь?

Здесь столько странностей, с которыми нужно разбираться. Даже не знаю, с чего начать.

1. Писала это не Кэмбри. На Кэмбри даже отдаленно не похоже. Свою сестру я знаю. Писал кто-то другой. Кто-то пытался притвориться двадцатичетырехлетней девушкой, но у него это не вышло.

2. Это клише. Послушайте меня, человека, читающего запоем и, надо надеяться, писательницу (когда-нибудь я ей же стану). Первые два предложения — это самая бестолковая и избитая попытка написать предсмертную записку из всех, что когда-либо предпринимались. Все, что требуется, — это «Прощай, жестокий мир».

3. Она специально придумана, чтобы спустить «капрала Райсевика» с крючка.

Да.

Давайте я объясню последнюю часть.

Предположим, под мостом вы нашли мертвую девушку, и также зафиксировано, что, остановив

ее на дороге, вы стали последним человеком, который видел ее живой. В таком случае вы становитесь подозреваемым номер один. Лучший способ снять это подозрение — по-другому расставить акценты: пусть сама жертва укажет, что вы пытались ее спасти. (Пусть и безуспешно). «Мне очень жаль, капрал Райсевик, что вы не остановили меня, но пытались!»

В таком случае вы больше не подозреваемый — вы превращаетесь в героя, которого терзают муки совести и который обречен до конца своих дней страдать от чувства вины. Рай, ты не спас ее. На том пустынном шоссе можно было бы уберечь девушку от самоубийства, если бы… ЕСЛИ БЫ… ты оказался более проницательным и заметил, что что-то не так. Неплохо, да?

Если говорить о «дымовой завесе», не знаю, продуманный план блестящий или идиотский. Может, немного того и другого. В конце концов это сработало. Все поверили.

Да, дорогие читатели, я считаю, что капрал Райсевик сам напечатал предсмертную записку на раскладушке Кэмбри. Он автор этого маленького шедевра. Ну просто Роберт Фрост[13]. Мой номер

---

[13] Примечания: 13

Роберт Фрост — педагог и один из крупнейших поэтов в истории США.

он нашел у нее в контактах, нажал «Отправить», и, пока телефон был без связи, СМС находилось в папке «Исходящие».

И что в результате мы имеем?

Она.

Не.

Самоубийца.

«Самоубийцы отправляются в ад», — как-то сказала нам мама после особо трудного и долгого дня в воскресной школе. Я помню это. Не знаю, верит ли она в это до сих пор — что ее дочь прямо сейчас горит в адском огне. Но именно поэтому я должна как можно скорее закончить начатое расследование: нужно спасти душу Кэмбри из ада.

Завтра я поймаю ее убийцу.

Я знаю, на что я иду, и знаю, насколько серьезны предъявляемые обвинения. Судя по всему, капрал Раймонд Р. Райсевик имеет прекрасный послужной список. Доблестный полицейский. В прошлом году из горящего фургона спас двух детей. Героически застрелил беглого преступника на автостраде I-90, тогда же спас жизнь помощнику шерифа. В 2007 году прыгнул в реку Сан и вытащил из разбитого грузовика пожилую женщину. Если судить только по отчетам, получается этакий святой (хотя он и застрелил одного чело-

века). И должна признать: когда я ему звонила, по телефону Райсевик показался мне приличным человеком. Даже искренним, он очень здорово научился притворяться нормальным человеком. Предполагаю, он очень мил до того, как снимет маску.

А вообще, из-за чего ему волноваться? Дело закрыто, история написана, тело Кэмбри кремировано, а он продолжает нести службу (на автостраде или где там патрулирует полиция штата). Завтра я увижу его во плоти и задам ему вопросы, которые мучают меня уже несколько месяцев. Жгут изнутри огнем. Он не знает, что я все разгадала. Он понятия не имеет, что завтра попадет в приготовленный мною капкан. Его ждет сюрприз, дорогие читатели.

На этом мосту я заставлю его признаться в убийстве Кэмбри.

У меня есть план.

Он что-то понял.

— Ты записываешь все, что я говорю.

— Только дошло?

Он моргнул. У него задрожали ресницы, он был явно удивлен — словно его мозг обрабатывал

новую информацию. Наверно, он забыл, что магнитофон тщательно фиксирует каждое слово, каждый вдох и выдох, каждую паузу. Сболтнул ли он что-нибудь, что может быть вменено? Трудно сказать. Но он определенно показал себя как агрессивный ублюдок.

«Но себя-то она выбросила».

На этом его карьере может прийти конец. Одна эта фраза может взорвать Интернет, но Лена хотела добиться больших откровений. И ей доставляло удовольствие наблюдать за тем, как этот крупный мужчина выходит из себя. Да, он недооценил ее, и за это он дорого заплатит. Лена отступила назад, оставляя себе больше пространства для маневра. Она не хотела, чтобы он был слишком близко и дышал на нее неприятным запахом клубники, не хотела, чтобы он схватил ее за горло.

Она ударилась обо что-то икрой — о бампер своей «Тойоты».

Нет. «Тойоты» *Кэмбри*, навсегда, на веки веков.

Лена ловко обошла машину и сняла магнитофон с капота, потом прижала к груди, словно пытаясь его защитить.

— Ты записываешь все, что я говорю, потому что считаешь, будто я имею какое-то отношение к

смерти твоей сестры, — сказал Райсевик. — Так?

— Так, — кивнула Лена.

Она испытала разочарование. На протяжении месяцев она мечтала бросить ему в лицо обвинение, четко, как прокурор в полном завороженными зрителями зале, что выдвигает страшное обвинение подсудимому. Лена хотела, чтобы микрофон уловил уверенность в ее голосе. Но в какой-то момент она испугалась, а ситуацию под контроль взял Райсевик. Он стоял к ней так близко. Просто огромный детина.

Он все еще был близко. Райсевик провел языком по зубам, издал какой-то причмокивающий звук, словно жевал табак. Он посмотрел на нее — Лена попыталась выглядеть уверенно, будто героиня из динамичного боевика. Затем он опустил взгляд на магнитофон.

— Отключи его, — наконец сказал он. — Тогда мы и поговорим.

— Нет.

— Отключи.

— Все равно нет.

— Пожалуйста, отключи его.

— Ты и вправду думаешь, что если скажешь «пожалуйста», я уступлю?

— Я делаю предложение, — сказал он. — Ес-

ли отключишь магнитофон, услышишь то, что хочешь знать. То, что я собираюсь рассказать, должно быть не под запись.

— Это не обсуждается, — ответила Лена. — Микрофон остается включенным.

Полицейский протянул вперед покрытую мозолями ладонь.

— Можно мне, по крайней мере… посмотреть, на что ты меня записываешь?

— Не принимай меня за дурочку…

— Ну, если хочешь правду…

— Эй! Ты подошел уже достаточно близко.

Он снова подобрался ближе, замер с поднятой для следующего шага ногой, словно они играли в «Море волнуется раз…». Во взгляде читалась ненависть.

Их разделяли шесть футов. Стороннему наблюдателю могло показаться, что это просто патрульный и водитель, которого остановили за нарушение правил дорожного движения, говорили они грубовато. Лена обошла вокруг своей машины, увеличив расстояние между ними на несколько шагов. И получила открытый путь к отступлению, если Райсевик нападет и ей внезапно придется сбегать.

Он наблюдал за ее перемещениями.

Теперь все было ясно. Ее намерения, его. Она затаила дыхание. Магнитофон, прижатый к груди, слышал все, пленка тихо крутилась. Лена уже жалела, что не выбрала фразу получше, не сделала ее более обвинительной. Не хватало зрелищности. В ответ на вопрос надо было не просто признаться: «Так». Это был ее звездный час, навсегда записанный для суда и истории, а она поддалась мандражу, который испытывают люди, выходя на сцену, и отдала Райсевику контроль над ситуацией. Как испуганная маленькая девочка.

«Чушь собачья», — сказал он. И это тоже теперь записано.

Ничто не происходит так, как ты планируешь.

Прошлой ночью в своей квартире в Сиэтле она видела Кэмбри во сне. Это был обычный сон, не кошмар. Никаких кишок, запекшейся крови, никаких ужасов — просто встреча лицом к лицу. Для Лены это было невероятно важно. Ей столько нужно было всего спросить. Столько всего сказать. Ей представился шанс сказать сестре, что она ее любит, любила всегда и восхищалась ею, несмотря на пропасть между ними. И она всегда сожалела о всем, что было…

Но во сне Лены Кэмбри сидела, сложа руки, и

на нее даже не смотрела. Она отвернулась, по щекам текли слезы. Угрюмая, убитая горем. Словно стыдилась чего-то.

«Лена, действуй».

Когда Лена попыталась коснуться руки Кэмбри, та ее отдернула. И не встречалась с ней взглядом.

«Давай, — прошипела Кэмбри. — *Действуй».*

Лена не поняла.

«Иди и действуй».

Лена не понимала. Зачем идти? Почему сейчас? Они наконец вместе, хоть и во сне, но по какой-то причине Кэмбри и ее фурии не хотели там находиться. Ее сестра всегда была беспокойной и неугомонной. Даже после смерти она предпочла бы находиться в каком-то другом месте.

«Ты должна уйти прямо сейчас, — голос Кэмбри стал более жестким. — *Действуй».*

Никакой любви. Никакой теплоты. Только холодная настойчивость.

«Время на исходе…»

Затем все закончилось.

Сон рассеялся как дым.

Вокруг было темно. Лена проснулась до восхода солнца в одиночестве, раздраженная и встревоженная. Болело сердце, на нем словно

лежал свинцовый груз. Она чувствовала себя брошенной. Словно в мире призраков ей ответили: «Простите, вы ошиблись номером», а Кэмбри на самом деле не хотела с ней разговаривать. Даже сейчас. Даже будучи призраком.

Даже в воображении Лены.

Перед тем, как уехать, она напечатала этот сон в своем блоге. А потом смирилась. На пути в Монтану она осознала этот бессмысленный сон. Кэмбри не была с ней холодна. Она просто чего-то стыдилась. Может, чувствовала себя виноватой за то, что бросила свою семью и не попрощалась? В конечном счете это не имело значения. Лена убедила себя, что этот сон был просто приходом беспокойного духа сестры, который гнал ее (*«Лена, действуй»*), из квартиры на мост Хэйрпин (*«Время на исходе»*), чтобы встретиться лицом к лицу с убийцей. Чтобы бросить ему вызов и отомстить.

И вот она здесь.

И он здесь. Он продолжал наблюдать за ней, во время этого противостояния им обоим было некомфортно. Что-то между ними летало — какие-то серые крупинки. Словно поднятые ветром снежинки.

Только это был пепел.

Райсевик посмотрел на магнитофон в ее руках и вздохнул.

— Это правда, — объявил он.

— Что правда?

— Я преследовал твою сестру. Шестого июня.

У нее внутри все скрутило.

Капрал Райсевик облизал сухие губы и заговорил, медленно произнося слова, очень четко артикулируя каждый слог для магнитофонной записи.

— Я остановил ее, Лена. Но не из-за превышения скорости.

Он запнулся и замолчал, давая ей время все осознать.

Лена презирала его и испытывала к нему отвращение. Ей жутко не нравилось, что у него над ней есть власть. Она презирала себя за то, что покорилась ему.

— Кэмбри увидела кое-что, что не должна была видеть, — сказал Райсевик. — Когда я остановил ее, то попросил пройти со мной, чтобы я мог ее защитить. Но она мне не доверяла. Я пытался ее успокоить. Я не хотел прибегать к силе, чтобы ее удержать, но уже готовился к этому. Я сказал, что буду считать до трех, и тогда она согласилась пойти со мной и сесть в машину.

Лена знала, что она не согласилась. Она не стала бы соглашаться.

— Она смотрела мне в глаза и сказала, что да, сейчас выйдет из машины. Только я должен был сделать шаг назад, чтобы она могла открыть дверцу. Я отошел, — он скривил губу, явно вспоминая все это с раздражением. — Она вдавила педаль газа и умчалась прочь.

«А вот это Кэмбри, которую я знаю».

На мгновение Лене показалось, что ее сестра-близнец жива и выдает новые сюрпризы. Сердце Лены болезненно сжалось.

— Я бросился в погоню. Но, Лена, я не хотел ничего плохого, — Райсевик заговорил мягче и теперь выглядел чуть ли не обиженным. — Ты не рассматривала такой вариант, правда?

Между ними опять пролетели частички пепла, напоминая пыльцу.

— Ты признаешь, что преследовал ее? — уточнила она.

— Да. Я пытался ее спасти.

Глава 9
История Кэмбри

По прикидкам Кэмбри лампочка низкого уровня топлива горит уже пять минут. Трудно судить о времени, когда в крови бурлит столько адреналина, а ты участвуешь в головокружительной гонке по опасным горным дорогам. Но судя по электронным часам в «Тойоте», сейчас 20:35, каждую минуту она преодолевает по миле, поэтому Кэмбри решает, что бензина ей хватит еще на двадцать пять минут. Может, если повезет, еще на несколько. Хотя, судя по вспышке, ей уже не везет.

«*Девять вечера*».

«В это время я сегодня умру».

Еще одна вспышка озаряет небо. Становится светло как днем.

Кэмбри ожидает удара грома, но он не гремит. Нервы на пределе. Во рту пересохло. Глаза застилает. Ночной воздух врывается в открытые окна холодными порывами ветра.

Время на часах меняется: 20:36. Остается двадцать четыре минуты.

«Хорошо бы эта дорога вывела на автостраду федерального значения».

Она только что поставила на это жизнь.

Она вынуждена ехать в этом направлении. Если повернет, ее ждет смерть. Райсевик поднимет черную винтовку и изрешетит ее пулями. Если ей даже удастся еще один головокружительный поворот на сто восемьдесят градусов, мимо него она вряд ли проскользнет достаточно быстро. Она умрет с изрешеченным лицом.

Но ведь эта дорога должна вести к автостраде федерального значения, правильно? Она же изучала местные карты в «Собачьей голове» и знает, что I-90 идет параллельно MT-200, между ними десять миль гранитных предгорий и прерия в низине. Какие шансы, что дорога окажется тупиком?

«Шансов гораздо больше, чем если пытаться проскочить мимо него. И винтовки».

Она крепче сжала руль и понеслась дальше. Это не план «А», не план «Б» и даже не «В». Но предположительно эта дорога выведет ее на трассу I-90, а на автостраде федерального значения движение должно быть постоянным. Даже здесь, в округе Хауард. И это значит, что будут свидетели. Свидетели означают, что этот полицейский не

сможет просто так взять и застрелить ее. Придется придумать чертовски убедительный рассказ с вескими объяснениями.

«Но все же…»

Прямо сейчас он может ее пристрелить.

У него наверняка есть запасной пистолет. Если он относится к тем типам, которые сжигают улики, то в багажнике у него точно должно быть какое-то незарегистрированное оружие, которое можно оставить рядом с расстрелянным трупом. Или, может, даже страйкбольное оружие. Главное, чтобы выглядело достаточно правдоподобно. Кто бы он ни был и что бы он ни хотел с ней сделать, самое худшее, что может сделать она сама — это его недооценить. В памяти всплывает его широкая фальшивая улыбка. Яд, покрытый карамелью.

И он приближается к ней, сокращает расстояние. Свет этих пронизывающих тьму фар усиливается у нее в зеркале заднего вида.

Кэмбри надеется, что приняла правильное решение. Судя по ее знаниям географии, вряд ли эта закрытая дорога окажется тупиком. Но вдруг ее там поджидает что-то другое? Гораздо хуже? Дорога может быть размыта или перекрыта оползнем. Она может привести к разрушенному

мосту. В любом из этих сценариев ей придется остановиться, а остановка — мгновенная смерть.

«Кэмбри, дорогу же закрыли не просто так».

Она пытается считать в уме. Если дорога не завалена и не разрушена (что вероятно), то до федеральной автомагистрали не больше десяти миль. Еще десять от автомагистрали до центра Магма-Спрингс, ее изначальной цели. Даже если она не встретит на пути ни одной машины (что маловероятно), а сотовая связь не появится до тех пор, пока она не окажется в центре городка (тоже маловероятно), с ней все равно все будет в порядке. И у нее даже будет запас бензина на пять миль.

«Все будет в порядке. Если поедешь прямо и больше никуда не свернешь».

И если только по дороге можно будет проехать.

«Да, это тоже надо учитывать».

Попытка спрятаться здесь на закрытой дороге стоила ей нескольких миль и минут — и это не считая того, что теперь ей приходится ехать новой дорогой. И в это время Райсевик успел достать из багажника винтовку. Так что, если говорить в целом, результат плохой. Но оно того стоило. Как предугадать молнию, ради всего святого?

«Может, ему это и удалось. Кем бы он там

ни был».

Она вспоминает одну страшную историю из тех, что обычно рассказывают на Хэллоуин. В подростковом возрасте Кэмбри была от нее без ума. Она много раз рассказывала ее Лене и при каждом рассказе добавляла что-то новое, приукрашивая еще больше. Вот суть истории. Во время Марди Гра[14] молодой парень веселится с друзьями и отходит от товарищей в узкий переулок, чтобы помочиться. Там, к своему ужасу, он встречает костлявую Смерть с косой. Какой кошмар! В панике он выбегает из переулка, едет в аэропорт Нового Орлеана, летит на другой континент, наугад выбрав рейс, там арендует машину и едет сотни миль, все дальше и дальше, пока машина не глохнет. Тогда он семь дней идет пешком по заснеженной тундре и наконец устраивается на отдых в глубокой, темной пещере. Более уединенной и спрятанной ото всех глаз пещеры просто не найти.

Там поджидает Смерть с косой, чтобы забрать его душу.

---

[14] Примечания: 14

Марди Гра, или Жирный вторник — вторник перед началом католического Великого поста, последний день карнавала. Знаменует собой окончание «жирной недели». Аналог восточнославянской Масленицы.

— Как ты меня нашла? — спрашивает он.

— Мне сообщили, что ты будешь здесь, — удивленно ответила она. — А что ты делал на Марди Гра?

От судьбы не уйдешь. Никому это не под силу.

«Кэмбри, даже тебе».

Фары «Доджа» приближаются к ней сзади. Рев его двигателя усиливается и превращается во что-то новое — необузданное, первобытное, каннибальское. При этом звуке Кэмбри содрогается. Она представляет, что Райсевик — не просто мужчина, а некто более сильный, но это неправда. Он не сверхъестественное существо. Он не носится по этим дорогам как скитающийся демон. Он не обитает на них, как призрак. Он просто человек, который занимался чем-то незаконным, и она застала его за этим занятием, а теперь он гонится за ней, чтобы его тайна осталась тайной. Человека можно перехитрить. От человека можно сбежать. И с человеком даже можно торговаться и заключить сделку. Хотя она и не собирается.

Она думает о своих родителях. О Лене. Она пытается представить их лица. Она не видела их больше года.

Машина попадает в очередную выбоину — слышен скрежет металла. На деле она все еще

в пятистах милях от дома — если в Вашингтоне вообще есть место, которое Кэмбри может назвать домом — но она все равно ближе к нему, чем когда-либо с ноября. В некотором роде ближе, чем когда-либо вообще.

«Додж» подъезжает ближе, мощные фары освещают ее машину, «Тойота» отбрасывает длинную тень на дорожное покрытие, по которому несется. На мгновение Кэмбри замечает силуэт своей машины, высвеченный фарами. Когда Райсевик оказался слева, ее тень двигалась вправо.

Кэмбри повернула голову, чтобы на него взглянуть. Из-за яркого света слезятся глаза, она моргает, но видит лишь темные очертания его тела в салоне машины. Окно у него открыто. Левый локоть лежит на дверце. В руке, свободно свисающей из окна, он держит какой-то предмет, который Кэмбри не может хорошо рассмотреть во время этой стремительной езды с меняющимся освещением. Но ей и не надо его рассматривать, потому что она точно знает, что это.

«Он пытается пристроиться рядом. Чтобы застрелить тебя».

До федеральной автомагистрали оставалось несколько минут, поэтому Райсевику надо действовать прямо сейчас. Даже несмотря на то, что

при стрельбе из движущейся машины по другой движущейся машине вряд ли что-то выйдет, толком не прицелиться, да и в аварию можно попасть. Но она ни в коем случае не должна добраться до цивилизации.

Кэмбри сильнее вдавливает педаль газа. Двигатель ревет.

Черная тень внутри «Доджа» тоже ускоряется. Позади себя она слышит ответный яростный рев восьмицилиндрового двигателя, воняет сгоревшим маслом и угарным газом. Он слева от нее, словно пытается обогнать. Кэмбри понимает, что игра проиграна.

Она ныряет под руль. Но это не поможет. Спрятавшись под руль от пуль, она не увидит дорогу. И кто сказал, что пули не пробьют саму дверцу? Вполне возможно. Это не кино. Это реальная жизнь, где смерть приходит внезапно и несправедливо. Как к тому человеку, которого Райсевик кусками скармливал огню, бросая в четыре маленьких костра.

20:41. *«Жить осталось девятнадцать минут».*

Смотреть назад она боится, но все равно оглядывается.

«О Боже, он так близко!»

Он что-то ей кричит, но звук растворяется в

воздухе. Она не слышит, но если бы и услышала, то это ничего не изменило бы. Кэмбри знает, что это ложь. Просто слова. Она не верит ни единому его слову из-за пистолета, что он держит в руке.

И этот пистолет нацелен на нее.

— Оставь меня в покое, — кричит она, но ветер уносит ее слова.

Может, Райсевик и услышал. Может, нет. Сняв вторую руку с руля и приложив ее ко рту, он кричит что-то еще. Его голос едва прорывается сквозь рев двух моторов и свист воздуха. Это простая фраза, примерно одно слово. Что-то вроде: «Остановись».

— Оставь меня в покое, — кричит она громко в ответ.

Она сильнее нажимает на газ, но какой от этого толк. Его «Додж» все равно быстрее, без труда ускоряется. Он оказывается все ближе, ближе, почти параллельно с ней. Может, он хочет столкнуть ее с дороги? Теперь у него в руке Кэмбри видит пистолет, нацеленный на нее сквозь лобовое стекло. Она задумалась, почему он еще не выстрелил, и даже не пробил ей колесо — машина бы закрутилась, перевернулась несколько раз. И это точно был бы конец. Здесь нет свидетелей. Никаких машин, никаких домов. Только молча-

ливый лес, которому плевать на все и всех.

Райсевик снова что-то кричит, одно слово. Он так близко, что Кэмбри его слышит. Едва-едва, но слышит.

Похоже, что это «Пожалуйста».

Сердце судорожно бьется в груди, и она на мгновение задумалась — а что если он все-таки не пытается ее убить? Может, именно поэтому он ее пока не пристрелил? Может, в этой игре есть что-то еще, какое-то дополнительное измерение, а Райсевик — это просто местный парень, пытается вытянуть ее из передряги, в которой она еще не разобралась. Может, она просто не понимает, что происходит.

Он снова кричит. На этот раз она его слышит:

— Я не причиню тебе зла.

Теперь нога Кэмбри зависает над педалями — газ или тормоз? Райсевик ее догоняет, он всего в трех футах. Еще несколько секунд — и их машины пойдут параллельно друг с другом, совсем рядом, они смогут повернуть головы и встретиться взглядом через окна. Между ними даже не будет стекол.

«Он врет».

Небо снова озаряет молния, она все поняла. Мысль как молния проносится в голове: стрелять

по ней надо под определенным углом. Он не может проделать дырку в своем лобовом стекле, он же все-таки полицейский, который днем служит в полиции штата, он едет на служебной машине, и, если он оставит дырку в стекле, придется долго объясняться с начальством. Нет, ему нужно стрелять в нее сбоку, из пассажирского окна, поэтому оно у него и открыто. Именно поэтому он и приближается к ней — чтобы стрелять прямо, когда ничто не мешает.

Теперь он едет почти параллельно. Он поднимает пистолет, в нее целится.

Она умоляет влетающий в машину воздух:

— Пожалуйста, пожалуйста…

Обе машины пролетают по очередной неровности на дороге — подпрыгивают, зависая на мгновение в невесомости, от которой в животе возникают странные ощущения, а затем болезненно опускаются вниз. Кэмбри вдавливает в водительское сиденье. Она прикусывает язык и чуть не теряет очки. Время 20:43. Но она кое-что заметила.

«Боже праведный!»

Прямо впереди она заметила мелькнувшие красные габаритные огни, преодолевающие подъем. Где-то в полумиле впереди, в темноте

расстояние не определить. Но она знает, что на этой самой дороге заметила заднюю часть какого-то транспорта. И этот автомобиль едет в том же направлении. Недалеко впереди.

«О Господи, вот он».

«Вот и свидетель».

Глава 10
Лена

— Спасти от кого?

— Выключи магнитофон. — Райсевик кивнул на него. Казалось, что оттуда за ним наблюдают. — Выключи, и я тебе скажу.

— Так не пойдет.

– *Выключи!* — рассвирепел он.

— Ты врешь…

— Лена, я ничего не делал. — Он умоляюще сложил руки. Огромный мужчина чуть ли не унижался перед ней. — Да, я преследовал твою сестру шестого июня. Да, я соврал об этом в отчете — но у меня имелись для этого веские основания. Она неслась на огромной скорости, почти под девяносто миль в час. Она от кого-то убегала. Мы мчались, дорога петляла. Я не мог ее остановить. Она мне не верила…

Ложь. В каждом слове может быть ложь.

— Я тоже не стала бы тебе верить, Рай.

— Она не останавливалась. Поэтому… — Он откашлялся. — Я достал оружие. Не для того, чтобы ее застрелить. Просто хотел, чтобы она

остановилась.

«Да, она точно тебе не верила», — хотелось сказать Лене. Но она не могла произнести эти слова вслух. Вообще это было поразительно — находиться в присутствии человека, который видел последние минуты жизни Кэмбри. От этой мысли даже было не по себе. И неважно, врет он или нет. Лена поймала себя на том, что вслушивается в каждое слово Райсевика, ей хотелось надеяться, что он говорит правду, хотя в глубине души она ему не верила.

— Ты преследовал ее. Ты достал пистолет, целился в нее. Но как она умерла?

— Совершила самоубийство.

— Чушь собачья.

Они опять к этому вернулись.

— Она прыгнула с моста, прямо у меня на гла…

— Правда? И предсмертную записку еще написала? «Но ты, капрал Райсевик, надеюсь, сможешь»?

— Написала.

— Моя сестра не могла написать такой текст. Не в ее стиле.

— Но написала, Лена. Ты просто ее не знала.

— Ты врешь. Ты уже свидетельствовал против себя. — Она понимает, что надо отдохнуть. Она

закидывала его вопросами, отвечать на которые он не успевал. У нее начали болеть пазухи — так обычно начинается мигрень. — Хорошо. От кого ты пытался ее защитить?

Райсевик отвернулся.

Он смотрел куда-то вдаль с моста Хэйрпин, с этой проклятой Шпильки, не хотел пересекаться с ней взглядом. Лена чуть не схватила его за огромное плечо, не развернула к себе — пусть смотрит на нее. Как и у Кэмбри во сне («Лена, действуй»), у всех были ответы на все вопросы, но говорить их — отказывались. И это раздражало, ведь до истины оставалось всего ничего.

— Вряд ли ты поймешь, — сказал он. — Даю тебе последний шанс. Это не угроза. Ты все еще можешь уйти, прямо сейчас. Уезжай.

«Действуй, — шептал призрак Кэмбри Лене в ухо. — Лена, давай. Пожалуйста, действуй…»

— Уходи с моста Хэйрпин. Живи, как жила раньше, не вороши прошлое, чти память о сестре. Здесь тебя не ждет ничего хорошего. Ты не сможешь вынести правды. — Он облизал губы. — Мы можем каждый пойти своей дорогой, ты и я, и оставить все как есть. Хорошо подумай, не торопись.

Ей не требовалось думать.

— Я никуда не уйду.

— Ты должна.

— Я *не могу*.

— Уходи, — снова предложил он. — Умоляю тебя.

Он ее *умолял*.

Какое интересное слово он выбрал! Лена оказалась в интересном положении: она получила власть над этим мужчиной в форме. И ответила она ему так, что тут же пожалела о произнесенных словах, потому что прозвучали они как проклятие:

— Только через мой труп.

«Значит, вот какой у нас план, Лена».

Капрал Раймонд Р. Райсевик, втянув воздух носом, отвернулся и теперь смотрел на запад. В ясный солнечный день отсюда, с моста, открывается вид на большое расстояние — не только на Магма-Спрингс, но и вплоть до округа Уотсон, можно даже проследить, как тонкое русло Сильвер-Крика тянется до озера Сент-Байрон.

Но этот день не был ясным и солнечным. В небе висел коричневый дым, напоминая дождевые тучи, из которых вот-вот прольется отравленный

дождь с песком и гравием. С моста почти ничего не было видно. Пахло углем, этот вкус оставался во рту. Лесной пожар из Бригг-Дэниелса действительно приближался — Райсевик не соврал. Но в эту секунду Лена не верила ни единому его слову. Она сделала свой выбор. Он попытался. Он предупредил. Дал возможность уехать, прекратить расследование, вернуться домой.

Но Лена слишком упрямая.

Он, наверное, был бы рад, если бы Кэмбри не отправляла это чертово предсмертное СМС-сообщение. Оно вызвало дюжину цепных реакций, обвалило сотню фишек домино, некоторые из которых продолжали тихо падать, даже спустя три месяца. И все это из-за одного сообщения! Оно стало роковым.

Из-за СМС появилась и Лена. Теперь разбираться нужно с ней.

«Точно, через твой труп».

Он должен был понять, в чем дело, сразу после первого письма, которое пришло от нее по электронной почте. Да какой психотерапевт посоветует найти полицейского, который обнаружил тело твоей сестры, поехать на место ее самоубийства и вытягивать из него жуткие детали? Расспрашивать про кровь и кишки? С самой

первой минуты Лена была очень внимательной, выглядела уверенной и хладнокровной, значит, она продумала четкий план. Черт побери, даже тема письма должна была насторожить его: «Re: смерть моей сестры 6.6». Слишком официально, словно приглашает на вечеринку.

Капрал уставился вдаль, на покрытый дымкой горизонт. Он не мог смотреть на Лену. Не мог видеть ее глаза — это уж слишком. Вероятно, она считала себя очень умной. Была довольна собой. Вот же самонадеянная! Думала, что удастся его сюда выманить и записать признание на пленку.

«Ты совсем ничего не понимаешь, — подумал он даже с некоторым сочувствием. — *Бедная, оплакивающая сестру девочка».*

Но хуже всего то, что он подтвердил ее догадки. Приехал сюда сам, на мост Хэйрпин, в приготовленную западню. На этой неделе он был не в себе после случившегося в четверг. Он не спал, он утратил бдительность. Это давало о себе знать. Но самоуверенность до добра не доводит — это Рай знал очень хорошо, а Лена как раз стала слишком самоуверенной.

И она тоже попала в западню.

Эти предгорья в округе Хауард сами по себе

представляли ловушку — ближайшие вышки сотовой связи находились между Полк-Сити и Магма-Спрингс, да и они были старые, еще первого поколения. На всем пути совсем нет связи. На мосту Хэйрпин, на этой проклятой Шпильке, уж точно нет. Если уж и собираешься охотиться на волка, то выбирай местность, где хозяином положения будешь ты сам. Ты же не полезешь в темную волчью нору, где сверху капает, и не станешь там нападать первым или устраивать дебаты. Но Кэмбри все сделала как раз наоборот, и в этом была ее ошибка…

«Лены», — поправил он себя. Ошибка Лены. А ему пора уже взять себя в руки.

Черт побери, кто сегодня привез больше оружия на мост Хэйрпин? Ему по должности полагался пистолет с тремя запасными магазинами. Еще у него был тазер[15]. И газовый перцовый баллончик. А на лодыжке был спрятан «Смит и Вессон» тридцать восьмого калибра со спецпатронами. В багажнике лежала винтовка для взрослых мальчиков — «AR-15». Даже без всех этих штук Рай

[15] Примечания: 15

Тазер — полицейский электрический пистолет, стреляющий металлическими стрелами, которые в действительности несут на себе заряд. После выстрела может использоваться как контактный электрошокер.

выглядит устрашающе: крупный накаченный мужчина размером с холодильник! Эту азиатскую девчонку он поднимет одной рукой — один бросок с прогибом, и ее череп уже разбит. Какое противостояние? Здесь и речи не может идти ни о какой борьбе.

У него есть оружие, а что у Лены? *Кассетный магнитофон*. Как страшно!

Всем давно известно, что на мосту Хэйрпин связь не ловит, и Рай понимал: на телефон и любой другой гаджет Лена его голос не запишет. Беспокоиться стоило лишь из-за вот этого огромного магнитофона, что стоял совсем рядом. В шести футах.

Магнитофон можно разбить.

Поэтому он может признаваться в чем угодно. Даже осторожничать не нужно. Он уничтожит магнитофон, а вместе с ним и тело Лены, и все будет в порядке.

Проблема была всего одна, и это Лена.

Точнее не сама маленькая сучка, а след, который она за собой оставила. Несмотря на всю суматоху с лесным пожаром в Бриггс-Дэниелсе, в Магма-Спрингс наверняка остались свидетели. Лена — одиночка, как и Кэмбри, но уж точно не дура. Она наверняка рассказала знакомым,

друзьям и родственникам о своих планах. Куда она едет. С кем встречается. И, возможно, зачем это делает.

Если Лена бесследно исчезнет, то это не избавит его от проблем. Плохой вариант. Он станет главным подозреваемым. Снова. Как это было унизительно, когда его отправили на семь дней в отпуск, а какой-то там следователь из Мизулы копался в его деле. Да и жизнь-то его теперь стала совсем безрадостной. Лиза, его жена, перестала с ним разговаривать, но если честно, ему это даже нравилось. Ему было неприятно просто смотреть на нее. Каждый раз при взгляде на нее Раю казалось (он мог бы в этом поклясться!), что у нее добавилось еще пять фунтов подкожного жира в руках или под подбородком. Поэтому лучшее решение — на нее не смотреть.

Райсевик задумался: не развернуться ли прямо сейчас, не удивить ли Лену, схватив ее за плечи, и не перебросить ли маленькое тело через ограждения моста. Возможно, ему даже удастся придумать объяснение. Страдающая девушка решила уйти в мир иной к сестре-близняшке, совершив самоубийство в том же месте, а несчастный полицейский, которому вечно не везет, по просьбе Лены привез ее к мосту и потом в ужасе

смотрел на все со стороны. Неудивительно, что она решила умереть, многие ее ровесники тоже не могут найти своего места в жизни, так ведь? Придуманная история звучала неплохо, но что-то не сходилось. Слишком уж все идеально. Начнутся серьезные проверки, и вся правда вскроется…

— Рай? — услышал он за спиной. — Мы можем продолжить?

Он не оборачивался. Не мог. Боже, как же он ненавидел эту девчонку. Он ненавидел ее самодовольный, невозмутимый голос. Он ненавидел ее продуманный план.

Сделав еще один вдох, он решил: не будет никакого тела. А алиби он себе состряпает попозже. Лена Нгуен станет еще одной пропавшей девушкой. Хотя сбросить эту самодовольную девчонку с моста он был бы не прочь — находчивое решение с драматичным концом. А потом он дал бы показания: мол, она с самого начала спланировала самоубийство. Но это было бы уж слишком. Следует быть осторожнее. Новый труп — новые новости. А исчезнувшие люди — нет.

Да, он ее пристрелит.

Здесь и сейчас. Как говорит Родни Аткинс: «Если вы идете сквозь ад, идите, не останавливаясь».

— Рай, пожалуйста. Давай сегодня закончим.

Он положил руку на рифленый приклад своего служебного оружия, такое оружие носит каждый полицейский. Сделал еще один глубокий вдох. Оглядел затянутый дымом горизонт. Теперь он почувствовал себя лучше.

Он повернется и быстро ее прикончит. Без объяснений. Он должен так поступить. Она испортила Раю весь день. Она — противная мушка, застрявшая в его миске с кашей, неприятный сюрприз в конце и так жуткой недели, хотя неделя была жуткой и без нее. Каждый переживает по-своему: она так, он иначе. Лена — несчастная девочка, на которую свалилось горе, сложившуюся ситуацию она просто не смогла понять.

Но он не мог ею не восхищаться: *«Какая же нужна смелость, чтобы восстать против волка в его же норе».*

— Ты невероятна, — сказал он. — Ты это знаешь?

Лена, стоящая у него за спиной, ничего не ответила.

— Но ты допустила ошибку, — продолжал он, аккуратно открывая кобуру большим пальцем. — Все это правда, и я на самом деле убийца. Я хладнокровно убил Кэмбри, а ты — полная иди-

отка, раз приехала сюда, не взяв никого с собой. И разговариваешь тут со мной, *без оружия*…

Он запнулся, услышав металлический щелчок.

Лена Нгуен держала двумя руками «Беретту Р×4 Шторм», стреляющую девятимиллиметровыми патронами. Костяшки пальцев у нее побелели. Она целилась прямо в лоб капралу Райсевику.

— Именно поэтому я никого и не взяла, — сказала она.

Райсевик тупо на нее уставился.

Глаза чуть на лоб не полезли. Рот приоткрылся. Выглядел придурковато. Он невероятно удивился: так же удивляются, когда видят, что их машину увезли на штрафстоянку. Мир вокруг словно разрушился, пистолет, вероятно, материализовался из воздуха, что было невозможно! На самом деле он появился из скрытой под одеждой Лены кобуры, прикрепленной к ремню на талии, где и ждал своего часа весь день.

Одежду Лена специально выбрала посвободнее.

На протяжении последних двух часов пистолет, липкий от пота, был прижат к пояснице, словно зудящая опухоль. А теперь Лена, целясь в Райсе-

вика, держала его в руках.

Ладонь полицейского застыла на поясе. Просто лежала, прикрывая кобуру. Но кобуру он уже открыл. Одно движение — и…

— Руки вверх, — прошептала Лена.

Он продолжал смотреть на нее тупо. Никак не реагировал, просто не мог поверить. Словно его застали со спущенными штанами. Может, он забыл, что на поясе у него оружие. А может, ждет подходящего момента.

— Рай, *немедленно*.

Наконец он поднял обе руки. Ладонями к ней. В первую очередь Лену волновал его служебный «Глок». У него была расстегнута кобура, он мог меньше, чем за секунду выхватить пистолет и выстрелить. Лена подумывала, не подойти ли поближе и не выхватить ли пистолет самой? Но тогда он на нее нападет. Райсевик весил больше ее на добрую сотню фунтов, да и дерется он наверняка не хуже любого бойца. Полицейских специально этому обучают.

Она решила, что лучше его самого заставить все сделать.

— Сплети пальцы. Руки за голову.

Он с неохотой выполнил приказ.

— Теперь повернись.

Он сделал, как она приказала: поднял руки и положил их на коротко подстриженные волосы. На смену тупому взгляду пришло смущение. Вероятно, он уже сожалел, что не обыскал ее. Наверное, это было очень унизительно — стоять под дулом пистолета перед двадцатичетырехлетней девчонкой, гражданским лицом.

Лена задумалась, она снова подумала о том, чтобы протянуть руку и выхватить «Глок» Райсевика из кобуры, пока он сам смотрел в другую сторону. Но риск все равно был высоким. Его бицепсы размером как два жирных питона. Хоть он и был здоровым, мог двигаться очень быстро.

Райсевик был слишком опасен.

— На колени, — приказала она.

— Ты собираешься меня пристрелить?

— Нет, если встанешь на колени.

Мгновение он колебался, глядя вдаль на покрытый дымом коричневый горизонт, словно пытаясь подпитаться от него силой, затем опустился на бетон. Поскольку руки у него все еще были сжаты за головой, он больно ударился коленями. Сначала левым, потом правым.

Лена следила за ним сквозь прицел «Беретты». Указательный палец все время оставался на спусковом крючке. Она знала, что теперь ей

предстоит самая опасная часть.

— А сейчас, Рай, ты по моей команде медленно опустишь правую руку на свой пистолет. Ты не будешь поворачиваться назад. Ты не станешь смотреть на меня. Ты просто медленно достанешь пистолет двумя пальцами, держа его так, словно это обкаканный подгузник. И ты выкинешь его вниз с моста.

Она пригнулась, пока говорила, оставаясь в десяти футах позади. Но все это время она держала его на мушке. Лена была готова выстрелить в любую минуту и следила за тем, чтобы стойка для стрельбы оставалась правильной.

Райсевик продолжал стоять на коленях, казалось, он был в недоумении.

— Ты не собираешься…

— Что?

— Ты не собираешься забрать у меня оружие?

— Это «Глок».

— И что?

— Терпеть не могу «Глоки».

– *Серьезно*?

Лена с трудом сдержала довольную ухмылку. У него о ней было много догадок, это точно. Но что она фанатка оружия — он точно не предполагал.

Полицейский вздохнул. Судя по виду, у него

кружилась голова и его подташнивало. Ситуация внезапно изменилась на сто восемьдесят градусов. Все произошло слишком быстро. Он все еще пытался осознать происходящее.

Стрелять Лена была готова. Она так и держала «Беретту» на вытянутых руках, прицел направила на позвоночник Райсевика. При стрельбе из пистолета она использовала фронтальную стойку — ноги на ширине плеч, руки почти полностью распрямлены в локтях. Подушечка указательного пальца нежно касалась спускового крючка. Она плотно сжала пистолет. «Хороший, плотный захват обеспечивает хороший, меткий выстрел», — говорилось на одном из учебных плакатов в «Метких стрелках».

Капля пота упала на дорожное покрытие.

Она сделала вдох. Выдох.

— Давай, — приказала она. — Медленно.

Правая рука стоявшего на коленях полицейского стала опускаться на пояс. Он откинул верхнюю часть кожаной кобуры — уже расстегнутой — легким, инстинктивным движением…

— Эй. *Эй!* Медленнее…

Он достал пистолет, удерживая его указательным и большим пальцами — точно так, как она приказала. Она увидела пистолет — черный, мас-

сивный, сплошные прямые углы. Лена терпеть не могла «Глоки».

— А теперь выбрасывай его.

Райсевик все еще не смотрел на нее. Он поднял руку и взмахнул запястьем. Пистолет перелетел через ограждение, несколько секунд летел, а потом с легким стуком шлепнулся внизу — в двухстах футах под мостом.

«Три секунды», — подумала Лена. Она считала.

«Если Кэмбри все еще оставалась жива, когда Райсевик сбросил ее с этого моста, то она жила еще три секунды во время этого жуткого падения вниз».

— Теперь мне можно встать? — спросил он.

— Нет. — Лена осматривала его пояс. — Выброси и свой тазер. И перцовый баллончик. И еще вон ту штуку, похожую на дубинку.

— Ради всего святого…

— И ключи. Ключи точно нужно выбросить.

Все предметы, положенные капралу Райсевику по должности и выданные по месту службы, исчезали по одному за ржавым ограждением, они падали в сухое русло с приглушенным стуком. Осталось всего одно оружие — в руках Лены. Только если у Райсевика не осталось что-то еще в патрульной машине. Между передними сиденья-

ми Лена не видела ни винтовки, ни дробовика, но не стоит забывать про багажник. Именно поэтому она и приказала выбросить ключи. Позванивая, они последними перелетели через ограждение.

— Ну и ключей же у тебя было, — присвистнула Лена. — Один от твоего дома?

— Да. Цирк окончен?

— Нет. Хочу, чтобы ты для меня спел песню.

— Да пошла ты…

— Знаешь что-нибудь из репертуара Кэти Перри?

— Твои действия тянут на уголовное преступление, — заявил полицейский. — Я поворачиваюсь.

— Отлично. — Лена поудобнее сжала «Беретту». — Но руки оставь на месте — за головой. И если ты сделаешь хоть один шаг в мою сторону, Рай, богом клянусь, я тебя убью.

— Да пожалуйста. Ты уже напала на сотрудника полиции. — Он повернулся и пристально на нее посмотрел. Взгляд его был безразличным. — Тебя будут судить. И всем плевать будет на твою сестру-шизофреничку и на то, что она умерла.

Ты совершила преступление класса «С»[16]. Ты знаешь, что это означает? Надеюсь, у тебя не было планов на ближайшие пятнадцать лет. Что теперь?

— Спой «Фейерверк» Кэти Перри.

Он плюнул на бетон. Большой, тягучий плевок приземлился со шлепком.

— Я не сяду в тюрьму, — сказала Лена. — Туда отправишься ты.

Он снова шумно задышал, лицо его покраснело на солнце.

— Правда, Лена? Это и есть твой план? Держать меня под дулом пистолета, чтобы я тебе рассказал историю? Я *не убивал* твою сестру…

— Ты повторяешься.

— Она покончила с собой.

— Ты *убил* ее, Рай. В девять вечера шестого июня.

— Я не убивал. Хотя теперь уже начинаю сожалеть, что я этого не сделал.

— Хочешь, чтобы я тебя пристрелила? Не вы-

---

[16] Примечания: 16

В соответствии с федеральным законодательством США все правонарушения подразделяются на классы в зависимости от максимального тюремного срока, который можно за них получить. Например, за тяжкое преступление класса «А» можно получить смертную казнь или пожизненное заключение. За «Е» менее пяти лет, но больше одного года.

нуждай меня.

— Давай. — Он стукнул себя по груди.

Лена ожидала, что к этому времени он раскроет ей все карты. По пути сюда она представляла, как убийца Кэмбри начнет молить о пощаде. Но он дерзил ей. Был злым, раздраженным.

Лена задалась вопросом: а что, если Рай говорит правду? *А что, если он на самом деле ее не убивал?*

Но кто-то же убил.

Она подумала про брата-близнеца Рая, Рика. Ему выгодно было рассказать ей эту душещипательную историю. Может, он на самом деле и не застрелился в восемнадцать лет. Там ведь был двенадцатый калибр. Стрелял он себе в подбородок. У него могло снести челюсть, но не всю голову! Лишился зубов, без них было бы не опознать. Может, Рик жив до сих пор, а Рай его *защищает*. Если Рик всегда мечтал стать полицейским, а его не приняли в академию… Черт побери, может, он однажды вечером украл машину и форму Рая и уехал? Потом эта игра зашла слишком далеко и он убил Кэмбри? А теперь несчастный Рай Райсевик пытается скрыть преступление брата?

Странно? Да. Но официальная версия о са-

моубийстве Кэмбри ничем не уступает. Как и история про того несчастного японца, который оказался за одну неделю под двумя бомбами!

А что еще хуже, это означало, что истинный убийца Кэмбри до сих пор гуляет на свободе.

Последние недели Лена внимательно изучала всю информацию, которая только имелась о Райсевике в Интернете. Она узнала, что у него есть родственники в Арканзасе, она знала результаты, которые он показывал на контрольных стрельбах, читала, что он писал на форумах, посвященных оружию, — о том, что малокалиберный патрон.17 HMR лучше всего подходит для отстрела мелких хищников и грызунов. Но о его брате не было ни слова. Словно он сам убил Рика. Как и Кэмбри.

Но Лена приехала сюда, чтобы докопаться до правды.

— Знаешь… — Капрал Райсевик провел языком по губам, изучающе осмотрел пистолет у нее в руках, потом перевел взгляд на потрескавшееся дорожное покрытие. У него внезапно загорелись глаза, словно в голове мелькнула какая-то мысль. — По-твоему, какое между нами расстояние?

Она поняла, что Райсевик стоит ровно.

Всего несколько секунд назад он был на коленях.

«Как у него это получилось?»

— Вот я думаю… Может, футов десять? — Он строил из себя идиота. — Согласна, что между нами плюс-минус десять футов?

— К делу давай.

— Полицейских учат, что десять футов — серьезное расстояние. Даже есть такая доктрина. Предположим, подозреваемый вооружен ножом. А у меня огнестрельное оружие. Если между нами десять футов, то он представляет непосредственную угрозу моей жизни.

— Потому что ты хреновый стрелок?

— В прошлом году я взял бронзу на региональных соревнованиях по стрельбе из винтовки AR-15, — холодно сообщил он. — Нет, Лена. Все дело в том, что огнестрельное оружие не может остановить человека так, как показывают в фильмах. Знаешь об этом? Надеюсь, ты когда-нибудь стреляла из «Беретты»? Не просто украла ее из папиного шкафа? Умеешь ее заряжать и разряжать? Что делать при защемлении гильзы затвором? Где находится предохранитель?

Она молчала. Он смотрел на нее, прищурившись.

— У тебя предохранитель-то снят?

Она продолжала молчать.

— Понимаешь, если выстрелить в человека, то он не полетит назад в стену, как показывают в фильмах. Тут работает первый закон Ньютона: сила равна только отдаче оружия в руке стреляющего. Таким образом, если подозреваемый с ножом решил воткнуть его в меня, то я могу смертельно ранить его несколько раз, пока он преодолевает разделяющее нас расстояние в десять футов, но он все равно может успеть перерезать мне горло до того, как рухнет после полученных ранений.

Райсевик внимательно осмотрел разделявшее их десятифутовое расстояние, его губы шевелились. Он демонстративно считал, сколько шагов потребуется на преодоление этого расстояния.

Потом он, снова на нее посмотрев, заговорил медленнее, жестче — угрожающим шепотом:

— Тазера у меня больше нет. Но я сильный парень. Я делаю тридцать жимов штанги лежа. Готов поспорить, Лена: я смогу сломать тебе шею голыми руками. Даже если ты три раза выстрелишь в меня, я все равно переломаю твой позвоночник пальцами, даже истекая кровью. Наверное, не смогу, только если ты прострелишь

мне сердце или мозг. Подумай об этом, Лена. Сможешь сразу же попасть в движущуюся цель?

— В мозг точно попаду, хоть он и небольшой, — съязвила Лена.

Он больше не мог сдерживаться.

— Да черт тебя побери…

— Думаю, что и выстрел в пах сработает.

— Ты играешь с огнем, девочка.

— Я так и собиралась, — ответила она, прицелившись и закрыв правый глаз.

Она четко видела сам прицел, а фигура Райсевика размылась. Лена знала, что самое главное — это центральный прицел. Маленькая темная деталь. Странность точной стрельбы, а, может, и жизни заключается в том, что для того, чтобы попасть в цель, нужно позволить ей выйти из фокуса.

— Ты блефуешь. Я ведь тебе нужен живым, Лена. — Райсевик уставился на ствол. — Ты хочешь знать то, что знаю я. Ты не можешь меня застрелить. Тебе хотелось бы, но ты не можешь, да и не станешь. Это все пустые угрозы.

Его ухмылка становится шире.

— Тебе же нужна информация, которая содержится вот здесь. — Он постучал себя по виску. — И поэтому преимущество все равно остается за

мной, ведь я же знаю: что бы ни случилось, ты не осмелишься нажать на спу…

Она нажала на спусковой крючок.

Рай услышал оглушительный взрыв сжатого воздуха. Он почувствовал жар и горячий песок у себя на щеках, у него задрожали зубы, деформировались барабанные перепонки.

«Вот оно, случилось», — подумал он. Эта девчонка только что его убила. Она только что вынесла ему мозг, и он сейчас разлетится по мосту Хэйрпин и будет сохнуть под жгучим летним солнцем. Все неожиданно закончилось, сейчас наступит забытье. Никто не напомнит его отцу в воскресенье, какие лекарства следует принимать, и не объяснит его жене, что случилось, и не скроет все его тайны, как, например, историю про мертвого ребенка, гниющего на дне колодца. Но тут нейроны в его мозге дали последний залп и вылетело случайное воспоминание — детский ботиночек. Красный с двумя белыми полосками, липучками…

«Нет, — попытался он от него отмахнуться. — *Я не убийца».*

Затем он ударился коленной чашечкой о бетон,

хорошо, что вовремя руку успел подставить, а то бы лицо разбил. В ушах звучала какая-то птичья трель. После оглушительного выстрела раздавался странный металлический звук. Похожий на… *шлепок*? Он не знал, как лучше назвать.

Рай поднял голову, попробовал вглядеться, но на глазах выступили слезы, он моргал, пытаясь избавиться еще и от частичек пороха. Он увидел, как Лена застыла в стойке для стрельбы, целясь куда-то вверх. Она снова выстрелила, и опять у него чуть не разорвало барабанные перепонки. Стреляла быстро, уверенно.

Рай снова дернулся.

Он понял, что Лена целилась не в него, в первый раз она тоже стреляла не в него. Он услышал еще два четких металлических лязга. И название этим звукам он так и не подобрал.

Они прозвучали у него за спиной.

Когда эхо стихло, Райсевик, все еще стоя на колене, повернулся. Он увидел, как указатель «ДОРОГА ЗАКРЫТА» раскачивался на столбе, будто потревоженный порывом ветра. Этот указатель висел у въезда на мост, примерно в пятидесяти ярдах. Слишком далеко, чтобы увидеть дырки от выстрела, которые, скорее всего, остались.

Она попала в указатель.

С пятидесяти ярдов.

Три раза, быстро стреляя, один выстрел за другим: бах-бах-бах.

Он посмотрел на нее: Лена снова целилась в него. У Рая сильно звенело в правом ухе. Первый выстрел, после которого он рухнул на дорогу, просвистел совсем близко. Вероятно, пуля прошла всего в нескольких дюймах от правой мочки. Возможно, у него теперь всегда будут проблемы со слухом.

Рай об этом не думал. То, что он только что увидел, его поразило. Он не мог понять, как эта худенькая маленькая вьетнамская девушка, похожая на куклу, так четко стреляет вдаль. Ведь ее пистолет не предназначен для стрельбы в такую даль!

— Да, я знаю, где находится предохранитель, ублюдок.

«Где…» — крутилась мысль у него в голове.

— Следующая пуля полетит тебе в яйца, Рай. Не против?

В данную секунду он не мог простить себе то, что испугался, что ошибся в собственных расчетах, хотя подготовлен намного лучше этой девчонки. Но он все равно ею восхищался. От

удивления даже чуть челюсть не отвисла.

«Где, черт побери, она научилась так стрелять?»

Сюрприз: у меня новое хобби.

Думаю, дорогие читатели, вам стоит рассказать: хоть и не очень уверенно, но с оружием я всегда умела обращаться. В свое время отец настоял (хотя мать и была против), чтобы мы обе, его дочери-близняшки, научились стрелять из оружия и чистить полуавтоматическую винтовку «Ругер 10/22». Но после странного самоубийства Кэмбри я была на грани нервного срыва, мне нужно было чем-то занять себя.

Некоторые погружаются в религию.

А я пошла на стрельбище.

Это дело затянуло меня с головой. Я продала телевизор и потратила девятьсот долларов на пистолет — «Беретту Р×4 Шторм» девятого калибра. Я наизусть выучила прилагавшуюся инструкцию. Смотрела обучающие видеоролики на «Ютьюбе». Я купила членский билет и стала ходить в местный стрелковый клуб, по рабочим дням женщины там могут стрелять бесплатно. Боже, как я их доставала. Не вылезала из этого

клуба.

По моим подсчетам, за два месяца я истратила десять тысяч патронов. А может, и больше.

На входе, у администратора, за пять центов можно купить бумажные цели размером с постер: там тебе и зомби, и мафиози, взявшие в заложники красоток с большой грудью, незабываемый Джа-Джа Бинкс[17]. Хотя моим любимым постером всегда был тот, что с колодой из пятидесяти двух карт. Эти карты обычного размера расположены рядами. Я прикрепляю постер к мишени и ставлю на расстоянии двадцати пяти футов, заряжаю в магазин пятнадцать патронов, хотя рассчитан он на семнадцать, а потом медленно и систематично выстреливаю по пять раз в каждую карту. Слева направо. Три карты — перезарядка. Двести шестьдесят выстрелов в день.

Каждый рабочий день новый постер с пятьюдесятью двумя картами.

В первую неделю мне приходилось очень напрягаться, чтобы выстрелы попадали по тем картам, в которые я целилась. Но я была настойчивой. Я понимала, в чем мои ошибки, и исправляла их. Я продолжала пробивать бумагу

---

[17] Примечания: 17

Джа-Джа Бинкс — персонаж «Звездных войн».

с понедельника по пятницу, это стало для меня привычным делом: слева направо, по пять выстрелов в каждую карту, три карты на магазин. К третьей неделе я, гордясь собой, заметила, что перестала сильно промахиваться. К началу третьего месяца промахов почти не было.

И это только стрельба боевыми патронами. Удвойте ее — может, утройте — и получите имитационную стрельбу. В своей квартире я опускала шторы и отрабатывала управление спусковым крючком, вставив холостые капсюли. Стреляла до тех пор, пока на подушечках пальцев не появились мозоли. Как же они у меня болели!

Хитрость точной стрельбы заключается в том, что нужно нажать на спусковой крючок, не ожидая при этом следующие следом отдачу и звук. Выстрел из огнестрельного оружия должен удивить даже вас, стрелка. В противном случае мышцы будут напряжены, вы дернетесь, и это смажет выстрел. Так же игроки в гольф, отрабатывая удары, крутят обруч. А я, просыпаясь каждое утро, занимаюсь имитационной стрельбой, спускаю курок при пустом патроннике, потом сажусь на автобус, еду на работу, а перед тем, как вернуться домой, заезжаю на стрельбище и стреляю боевыми патронами по пятидесяти двум картам.

Вечером я несколько часов выделяю на то, чтобы узнать подробности смерти Кэмбри, еще раз двести отрабатываю стрельбу у себя в квартире и после падаю в постель — уставшая, голодная и с болью в душе. И так с понедельника по пятницу. Каждую неделю.

Один раз я направила пистолет, с которым занималась имитационной стрельбой, себе в подбородок.

В целях исследования, дорогие читатели! Честное слово.

Признаю: мне было любопытно. Какие ощущения? Какие мысли могли крутиться в голове Кэмбри, если она на самом деле раздумывала о самоубийстве на краю моста Хэйрпин? (Оказалось, что по ощущениям ничем не отличается. Наверное, человеческое тело понимает, когда его обманывают.)

Чуть раньше я назвала это своим хобби, но скажу честно: оно не доставляет мне никакой радости. Мне плевать на искусство стрельбы и на спорт. Я попробовала стрелять из нескольких моделей пистолетов — «Глока», который мне совершенно не понравился, «ЗИГ-Зауэра», который мне понравился, но я не могла его себе позволить, а потом выбрала идеально подходящую

мне «Беретту». Стрельба для меня — заученное действие, такое же безрадостное, как наблюдение за полками с товаром на работе. Независимо от того, разбираю ли я документы в два часа, или дырявлю постеры в шесть вечера — по ощущениям все одно и то же.

У меня были тяжелые ночи.

Трудные недели.

Если честно, то все три месяца оказались просто ужасными.

Но каждую минуту во мне все больше нарастала уверенность, что этот незнакомец, который звонил моей семье, этот капрал Раймонд Райсевик, как-то связан со смертью Кэмбри. Я поняла это по сообщению. По его голосу. Каким-то образом я это знала. С каждым днем уверенности во мне было все больше. По этой причине я утром вылезала из постели, выпивала термос черного кофе и отрабатывала выстрелы в ванной напротив зеркала. Так мне казалось, будто напротив стоит Кэмбри и меня подбадривает: не останавливайся. Только благодаря этому я и держалась: моя сестра не покончила жизнь самоубийством, ее кто-то *убил*. И с каждым выстрелом, с каждой пробитой в игральной карте дырой, каждым щелчком бойка ударника по холостому капсюлю я ожесточала

себя, чтобы справиться с этим ублюдком.

Ради Кэмбри.

Я не могу в достаточной мере подчеркнуть важность для меня *хоть какого-то* занятия. Даже такого. Если бы я не начала этот крестовый поход, я не знаю, что делала бы. Может, начала бы охотиться за призраками? Рисовать?

Но все равно в тяжелые ночи, когда слышится шум проносящихся поездов, а простыни промокают от пота и прилипают к телу и я не могу заснуть, самое худшее, что я могу представить себе — это поездка в Монтану… во время которой я пойму, что ошиблась. Что этот несчастный старина Райсевик, возможно, прямо в эту минуту выписывающий кому-то штраф за превышение скорости, — нормальный, богобоязненный парень, а не монстр, скрывающийся под человеческим обличьем, которого я себе вообразила. А Кэмбри на самом деле приехала на этот богом забытый мост, оставила машину с пустым бензобаком и перемахнула через ограждения моста, чтобы умереть, а ее атомы присоединились к бессмысленной вселенной мертвых звезд.

Иногда эти мысли по ночам меня пугают. Не дают заснуть.

Да, я могу ошибаться.

В глубине души я уверена, что права, и эта уверенность непоколебима. Но на самом деле я не узнаю правду до завтрашнего дня. Когда столкнусь с ним лицом к лицу. Когда буду стоять на том самом мосту, с которого предположительно спрыгнула Кэмбри.

Я не отправлюсь на эту встречу без оружия. Он меня недооценит — в особенности вначале, когда я появлюсь со смехотворно устаревшим кассетным магнитофоном фирмы «Шубокс», а я его точно не буду недооценивать. Если я права, то этот человек обладает компетентностью полицейского и яростностью преступника. Я буду благодарна своей «Беретте» и каждой минуте тренировок, после которых из моих пальцев текла кровь.

Все эти разговоры об оружии не для хвастовства. Теперь я уважаемый стрелок, но никакой официальной подготовки я не проходила. Я никогда не участвовала в перестрелке. Я не знаю приемов джиу-джитсу или чего-то подобного. Шарлиз Терон из «Взрывной блондинки» расправилась бы со мной очень быстро. Но в самые отчаянные минуты всегда пытаешься найти того, на ком можно выплеснуть свою ярость. В таком случае мне, наверное, повезло: я нашла жертву,

и она оказалась не мифическим существом, а очень реальным человеком.

Кэмбри, я обещаю: как бы все ни сложилось завтра, я разберусь. Я устрою ему западню. Я заставлю его признаться всему миру в том, что он сотворил с тобой шестого июня, и в том, кем он на самом деле является.

Я знаю, что он на самом деле не полицейский.

Он — насекомое размером с человека, которое заползло в форму. Несмотря на все его награды, он преступник. Он позорит всех полицейских. Он зло, ошибка, которую нужно исправить.

Я до него доберусь, сестра.

«Я в ловушке».

Рай понимал, что он оказался в непростом положении. Определенно. Его держат под дулом пистолета, светит палящее послеполуденное солнце. Его слова записывают. Его «Глок», тазер, ключи валяются в сухом русле реки под мостом. Ему не добраться до рации в машине, до винтовки AR-15 в багажнике. Но у него оставалась одна последняя надежда: оружие, спрятанное под штаниной. Пятизарядный короткоствольный «Смит и Вессон» тридцать восьмого калибра со

спецпатронами. Револьвер лежит в плотной, липкой от пота кобуре, прижат к носку.

Лена о нем не знала.

Она отступила назад, расстояние между ними теперь составляло футов двадцать, она продолжала держать его на мушке. Рай заметил, что Лена немного расслабилась, стойка для стрельбы уже не такая, как раньше. Локти опускались. Бурление адреналина в крови заканчивалось. Нельзя постоянно быть в напряжении. Тело этого не допустит. Рано или поздно придется расслабиться. И тогда ты дашь осечку. Двойника Кэмбри тоже это ожидает.

«В ней нет ничего особенного, — решил Рай, когда у него заурчало в животе. — *Она не такая, как сестра. Она не способна выживать в любых условиях. Она не убийца. Она обычная девочка, что сбилась с пути истинного».*

Несмотря на правильную боевую стойку для стрельбы, допрос с пристрастием и даже точную стрельбу, Лене все равно было не по силам выдержать то, что происходило. Она понятия не имела о том, кем была Кэмбри. Она не понимала, во что ввязалась. И она совершенно точно не знала про револьвер у него на голени.

В противном случае он бы уже валялся внизу, в

сухом русле реки вместе с остальными вещами.

Раю просто требовалось поднять штанину. Возможно, на это уйдет всего секунда. Еще одна секунда потребуется, чтобы встать в стойку, прицелиться и выстрелить. Лена совершенно точно умела стрелять, а нужно было лишь выстрелить первым.

«Мне просто надо воспользоваться нужным моментом».

Он наблюдал за ней.

Лена сделала еще один шаг назад. Она выглядела обеспокоенной, похоже, ее подташнивало. Она побледнела. Затряслись руки. Обычно такое происходит, когда спадает напряжение. Девушка не раз стреляла по бумажным мишеням, но приходилось ли ей убивать кого-нибудь? Настоящий противник, в отличие от бумажного, стреляет в ответ.

— Что-то не так? — спросил он у нее.

Она не ответила.

— Что? — Он не смог сдержаться. — Не рассчитывала, что дело зайдет так далеко?

Вместо того чтобы заговорить, Лена сделала нечто неожиданное. Теперь она держала оружие одной правой рукой (Рай подумал, не выхватить ли свой револьвер из-под штанины, но делать

этого не стал), а левую подняла к распущенным волосам. Она накрутила одну прядь на указательный палец и дернула — одно резкое движение, от которого она поморщилась.

Он видел, как Кэмбри три месяца назад делала то же самое, в той же машине, на которой сейчас приехала Лена.

«Они и вправду близняшки», — подумал он.

Он понимал, что это всего лишь привычка — многие так накручивают волосы на палец, кто-то грызет ногти. Но почему-то это подействовало на него каким-то странным образом. Он почувствовал себя в меньшинстве, словно мертвая девушка, погибшая в июне, и живая девушка, находящаяся сейчас здесь, — *один и тот же человек*, они слились и теперь объединились против него. Двое против одного. Решили наказать его за грехи. Вспомнив про мертвого ребенка в колодце, он сглотнул. В горле пересохло.

Лена снова держала «Беретту» двумя руками.

Теперь револьвер тридцать восьмого калибра висел тяжелым грузом на лодыжке Рая. Всего несколько быстротечных секунд определят, жить ему или умереть. Он отрепетировал свои действия мысленно: упасть на одно колено, поднять правую штанину (первая тысячная доля секун-

ды), схватить револьвер за рифленую рукоятку и вытащить его из кобуры (вторая тысячная доля секунды), прицелиться в Лену, найти место на ее груди, нажать на спусковой крючок (третья тысячная доля секунды) и… Вот и все. Или он попадет в нее, или промажет.

Шансы у него были неплохие. Если бы они с Леной вместе оказались на стрельбище, там она могла бы добиться лучших результатов — ее выстрелы были бы более четкими. Но реальная жизнь — это не стрельбище. Здесь появляются замешательство, усталость, адреналин, страх. Пот на пальцах. Солнце в глаза. «Возможность обделаться в штаны», — как это называл его отец.

Все это Рай видел прямо сейчас — ее руки тряслись. У Лены уставали предплечья. Ее тело не было готово к таким испытаниям. Она была худенькой и маленькой, и чем дольше она простоит в боевой стойке, тем ниже будет точность ее стрельбы. Она уязвима.

Он решил еще надавить.

— Ты ведешь блог, да?

Этот вопрос ее удивил.

— «Огни и звуки». Дерьмо для тупиц. Ты даешь обзор видеоигр по книгам, идиотских фильмов ужасов, рецензируешь научно-популярные кни-

ги о космических кораблях. Работая в розничном магазине, делаешь откровенные признания. Я ничего не упустил?

Она только моргнула.

«Я задел ее, — подумал он. — *Хорошо».*

— Не удивляйся, — ухмыльнулся он. — Ты же попыталась все выяснить обо мне. А мне нужно было узнать все о тебе.

Он ожидал, что она снова начнет накручивать волосы на палец. Тогда ее бдительность ослабнет и он выхватит револьвер. Она потеряет несколько драгоценных мгновений, снова возвращаясь в стойку для стрельбы. Ответный огонь не будет точным. Нервные тики — это прекрасно. С ними человек предсказуем.

— У тебя немного друзей, правда? — Он продолжал. — И парня нет?

Она молчала.

— И из квартиры нечасто выходишь?

Молчание.

— Может, ты социофоб? — Он показательно потянулся, расправил плечи — готовился к тому, чтобы выхватить револьвер. — Тебе двадцать четыре года. Закончила колледж. Специальность: английский язык. Работаешь в магазине электроники, который находится на грани банкротства,

получаешь минимальную зарплату и проводишь вечера в одиночестве за компьютером, трудишься над блогом, который никто не читает. А твоя сестра жила яркой жизнью, не боялась нового, видела пустыню с белым песком, гору Рашмор, национальный парк Эверглейдс и Стеклянный пляж. Ты завидовала, да? — Он изучающе смотрел на ее лицо, представляя, какую кровавую дыру оставит револьвер тридцать восьмого калибра. — Кстати, ты совершенно не представляешь, какой Кэмбри была на самом деле.

Сказав это очень презрительно, он ждал ее реакции.

Она никак не отреагировала.

«Чудесно».

— Знаешь что? — продолжал он. — Когда мы только приехали сюда, я думал, что ты просто интроверт, физически непривлекательная, девушка, которая и с мужиком-то в одной постели не бывала. Мне было тебя жаль. Я искренне хотел успокоить тебя, облегчить горе. А потом я узнал, что ты привезла с собой пистолет, все заранее продумала. Ты упоминала… Точно, ты же хотела жутких подробностей?

Он не дал ей времени ответить. Но она и не отвечала.

— Да, хотела. Ты хотела узнать, как выглядело тело Кэмбри вон там внизу, на камнях. И вначале я не стал рассказывать, потому что это было бы неуместно. Но теперь мы прошли тот этап. Мы зашли слишком далеко. — Он уставился на пистолет. — Твоя сестра выглядела так, словно она *расплавилась*, Лена.

У нее задрожала челюсть. Чуть-чуть дернулась губа, и он это заметил.

— Она летела на скорости свыше ста футов в секунду. При ударе о твердый гранит масса каждого органа в теле увеличивается в десять тысяч раз по сравнению с обычной. Поэтому, хоть ее тело и сохранило форму… Это чем-то похоже на разрыв на клеточном уровне. Полное уничтожение. Ее органы взорвались и растеклись по всему телу. Мозг превратился в жидкость. Кости потрескались. Под кожей образовались огромные шары с коричневой жидкостью. Это кровь собралась.

В глазах Лены блестели слезы. Она уже потянула руку к волосам, но передумала, предпочтя держать оружие обеими руками.

У Рая в груди бешено колотилось сердце.

«Ну, дерни уже свои волосы».

Он был готов выхватить револьвер. Его большой палец, да и остальные тоже, месили воздух

в предвкушении. Он решил еще надавить на девчонку.

— Лоб у Кэмбри был вдавлен, словно грейпфрут, по которому врезали каблуком. Во рту копошились какие-то насекомые. Глазные яблоки набухли и болтались на ниточках, из глазниц вытекали кровавые слезы. Вокруг кружили мухи, они сидели на ней, откладывая яйца.

Лена все это слушала, не шелохнувшись. Не произносила ни звука. Своих чувств не выдавала.

«И она выглядела совсем как ты», — чуть не добавил он.

Он знал, что сказанное задело ее за душу. Каждое слово оставило свой отпечаток. Некоторые оставили вмятины. И одно добавлялось к другому, наслаивалось. Лена вот-вот расплачется, снова начнет накручивать волосы на палец. И Рай был к этому готов.

«Ты понятия не имеешь, с кем связалась, — подумал он, изучающе глядя на нее. — *Бедная, глупенька девочка. Ты считаешь, что волчица здесь ты, просто потому что умеешь стрелять»*.

Его револьвер тридцать восьмого калибра напоминал опухоль на лодыжке, он будто просился

на свободу. Лена снова поправила стрелковую стойку — рука Рая чуть не потянулась к револьверу. Лена пыталась справиться с привычкой — старалась изо всех сил — но сопротивляться собственной природе не могла. Ей требовалось снова накрутить прядь волос на палец. Так она успокаивалась, это была ее слабость, и сегодня она умрет из-за нее.

«Скоро я снесу твою самодовольную физиономию. Всего пару секунд…»

— Погоди-ка. У тебя ведь остались наручники, так ведь? — Лена посмотрела ему на пояс. — Надень их, ублюдок.

Лена удивилась: полицейский заметно упал духом. Он посмотрел вниз на свои штаны, затем снова на нее. Он будто не мог поверить.

«Хорошо». Она будет лучше себя чувствовать, если эта огромная человекообразная обезьяна окажется скованной наручниками. Он был слишком опасен, даже когда она держала его под дулом пистолета. Лена направила прицел «Беретты» ему в лицо, стараясь скрыть дрожь рук.

— Я сказала: *надень наручники*. Медленно.

Он стал смотреть на нее еще более гневно. У

нее внутри зашевелился страх.

Она поставила палец на спусковой крючок. Райсевик это увидел.

Его правая рука начала движение…

— Эй! *Медленно*.

…к поясу, он отстегнул два металлических кольца. Они слегка звякнули — такой же звук в фильмах про полицейских.

— Руки за спину, — приказала она. — Не перед собой.

— Мне нужно встать на колено, — отозвался он, показывая на лодыжку. — Мне будет проще застегнуть их за спиной, если я нагнусь и…

— Нет. Делай все стоя.

Он снова гневно на нее посмотрел.

— Давай, — она махнула «Береттой».

Райсевик долго держал серебристые наручники в руке, словно отчаянно пытался придумать, что бы еще сказать. Как бы потянуть время. Затем с явной неохотой он надел их на одно запястье и завел руку за спину. Потом он завел за спину вторую руку. Прозвучал щелчок, будто кто-то чикнул ножницами.

— Готово. Довольна?

— Нет, — ответила она. — Повернись.

— Не понял.

— Повернись, чтобы я могла проверить.

Закатив глаза, он неохотно повернулся и показал ей. Но как она и ожидала, наручник надет только на правую руку. Вторую часть он держал в левой ладони.

— Ты на самом деле думал, что я клюну?

На его лице появился волчий оскал.

— Стоило попробовать.

— Старайся лучше.

— Повтори.

– *Старайся лучше*.

— Ты говоришь точно, как твоя сестра. У нее была такая же интонация.

— Теперь, Рай, можешь надеть наручник на вторую руку.

Он встал боком, чтобы она могла видеть, как он надевает наручник на левое запястье. Вдруг он завертел его, словно ничего не получалось.

— Я… я не могу это сделать за спиной. Помоги мне…

— Ты серьезно, Рай?

После еще одной паузы из его взгляда пропало фальшивое удивление. Он попробовал еще одну уловку, но и от нее пришлось отказаться.

«Все правильно. Продолжай меня недооценивать».

— Стоило попробовать, — повторил он, потом правым большим пальцем надел наручник на левое запястье, после чего раздвинул в стороны свои огромные ручищи. Металлические челюсти плотно защелкнулись. — Довольна?

— Движемся к этому, — сказала Лена, расслабив немного руки с пистолетом. Пальцы затекли. — Кстати, все то, что ты рассказал про тело Кэмбри. Оно, конечно, было ужасным, если кишки превратились в жидкость, а глаза у нее вырвало из глазниц, но кошмары, которые мучили меня по ночам, были хуже. Поэтому спасибо тебе, Рай. Все оказалось не так уж и плохо.

— Будь осторожна, когда о чем-то просишь, — улыбнулся он.

Между ними снова пролетел серый пепел, который неслышно принес ветер, бросая его то в одну, то в другую сторону. Это были крошечные точки, которые, казалось, летели в глаза. Лена моргнула.

Райсевик не моргал. Он холодно и неотрывно смотрел на нее, частички пепла собиралась у него на плечах, словно апокалипсический снег.

— Если ты меня пристрелишь, то никогда не узнаешь, что с ней случилось.

— Я уже знаю.

— Правда?

— Ты это подтвердил. Когда мне врал.

— Да? Пока единственный человек, доставший оружие, — это ты, Лена. — Он прищурился, глядя вдаль, где все было затянуто дымом. — А если кто-то вдруг проедет мимо и решит, что ты напала на сотрудника полиции штата?

— Как хорошо, что ты запер ворота.

— Хорошо, — у него сузились глаза.

«Для нас обоих», — имел он в виду, и она это знала.

Не имело значения то, что они сейчас говорили. Это было только сотрясение воздуха. Если она даже на долю секунды утратит бдительность, Райсевик воспользуется шансом и ударит ее головой об асфальт, выбьет пистолет у нее из рук и размозжит ей череп огромным ботинком. Даже в наручниках он мог ее убить. Безжалостно. Точно так же он убил Кэмбри. Она представила вдавленное лицо сестры. «Лоб был вдавлен, словно грейпфрут, по которому врезали каблуком».

Все было так. Абсолютно все. И это на самом деле произошло.

Она никогда не признается в этом Райсевику, но на протяжении последних недель она лелеяла наивную надежду: приехав сюда, на мост

Хэйрпин, она поймет, что все мифы, гуляющие в Интернете, это не мифы. Увидит призрака или услышит шепот. Пелена между настоящим и прошлым окажется здесь тонкой, и получится, что ее сестра еще в этом мире. Может, Кэмбри в эти секунды заново переживает свои последние часы, ее история разворачивается параллельно истории Лены, и они являются отражением друг друга.

Надежда — яд. Лена об этом знала.

Выдохнув, она попыталась подумать о другом. Никаких призраков нет. Никакого эха из прошлого и никаких посланий от мертвецов. Только преступник, смотрящий прямо на нее.

Он сморщил нос.

— Ты на самом деле пишешь о ней книгу?

— Да.

— Зачем?

Она знала, что не должна отвечать. Но все равно ответила, и на этот раз у нее просто не было сил врать:

— Меня беспокоит, когда другие говорят о Кэмбри. Когда она умерла, получилось так, словно она прекратила быть человеком и превратилась в общую собственность. Мол, из-за одиночества она спрыгнула с моста. Если кто-то и может поде-

литься правдой… то это я.

На этих словах она собиралась закончить. Но он все еще ждал. Поэтому она произнесла самое тяжелое:

— Моя мать — ревностная католичка. Она убита горем, потому что считает: Кэмбри в аду. Потому что она совершила… ну, ты сам знаешь.

— Понятно.

— Вот и все. — Она почувствовала, как у нее краснеют щеки. — Думаю, что в этом все дело. Я… наверное, мне просто хочется доказать маме, что ее дочь не в аду.

— И поэтому ты оказалась здесь.

— Да, я здесь.

Молчание.

Ей не нравилось делиться с ним наболевшим. Она знала, что таким образом только вручает ему ножи, которыми он сможет ее зарезать. Но у нее появилось странное ощущение, что он тоже оплакивает Кэмбри. Словно и он был для нее чем-то родным.

В любом случае всю правду она ему не рассказала.

После поминальной службы она поехала в родительский дом в Олимпии, чтобы принести им ужин, и заметила, что все фотографии Кэмбри

исчезли. Некоторые стены и полки опустели совсем недавно — пыль еще не успела собраться. Вначале Лена предположила, что фотографии теперь в других местах или что родители заказали новые рамки, но на следующей неделе они не появились. Смерть сестры переживали все, они испытывали что-то более глубокое, чем обычное горе после того, как теряешь родного человека: вот он жил, вы его любили, а потом потеряли. Но стоит сказать, что Кэмбри для них никогда не существовала. Она всегда куда-то неслась, а теперь находилась где-то бесконечно далеко, гораздо дальше Техаса или Флориды. А что еще хуже, так эта проклятая дилемма из-за веры. Если Бог существует, то их дочь горит в аду. Если не существует, она полностью исчезла на клеточном уровне. Что хуже?

В тот вечер мать Лены выпила слишком много вина и сильно схватила Лену за запястье — так, что синяки остались. И произнесла с блестящими от слез глазами:

— Ты моя дочь, Лена, и я тебя люблю. Ты моя единственная дочь.

Это было тошно — в одно мгновение стать единственным ребенком.

И в это мгновение Лена решила, что не просто

поймает убийцу сестры. Она еще и расскажет историю Кэмбри. Только ей это под силу. Она расскажет родителям правду, после которой они снова полюбят Кэмбри. Они забудут, что она крала у них деньги, что ее арестовывали за кражу в магазинах, что от нее пахло травой и сигаретами, что в восемнадцать лет она убежала из дома и после этого ни разу им не позвонила.

Истинная Кэмбри была где-то здесь. И Лена найдет ее. Любой ценой.

Райсевик изучающе смотрел на нее. Она уже пожалела, что сказала ему то, что сказала.

— Можешь мне поверить: если ад существует, Кэмбри точно там, — ухмыльнулся он.

— Будешь дальше так говорить, я и тебя туда отправлю.

— Вот испугала. Из кино цитата?

— Я знаю, кто ты такой, Рай.

— Нет, не знаешь. Сюда ты приехала с уже сложившимся мнением. И это твой главный недостаток, Лена. Понимаешь, я не виновен. Если бы даже и был — давай предположим, что я убил твою сестру — я также и спасал жизни. Многие прямо сейчас живут только благодаря мне. Ты же собирала обо мне информацию. Поэтому знаешь мой послужной список. Ты же читала про жен-

щину, которую я спас из реки.

Читала.

— Про то, как меня представили к награде за спасение заместителя шерифа во время пожара.

Да, и это читала.

— По детей, которых я вытащил из горящего трейлера.

Да, да, *да*. Губернатор вручил ему медаль. Где-то в Биллингсе[18], в парке есть скамья, названная в честь доблестного святого Райсевика, который героически бросился в огонь. Она жалела, что чертовы дети там не сгорели — только бы он не хвастался.

— Ты можешь меня ненавидеть, но назвать меня преступником, Лена, нельзя. — Он распрямил спину, казалось, что он раздувался и рос прямо у нее на глазах. — Понимаешь? Ты не можешь спорить с тем, что три больше одного. Три человека, которые к этому времени должны были превратиться в пищу для червей, но не превратились благодаря мне. Благодаря тому, что я делаю. Я напряженно работаю. Я рожден для этого. Я защищаю граждан. А если точнее, я *спасаю* людей. Я уже спас людей. Бог даст, я продолжу их спасать.

---

[18] Примечания: 18

Биллингс — крупнейший город штата Монтана.

Почему все эти жизни, спасенные в прошлом, и те, которые я могу спасти в будущем, должны значить меньше, чем жизнь твоей сестры?

У него с подбородка свисала слюна. Он слизнул ее, будто ящерица.

«Наконец мы начали куда-то двигаться», — подумала Лена и спросила вслух:

— Это признание?

— Нет, — ответил он. — Я защищаюсь от твоих нападок.

— Ты веришь в ад?

— Я верю в уравновешивание весов.

«Уравновешивание весов». Словно все сводится к математике и так можно быть хорошим человеком.

— Так, хорошо. Вот еще одна нападка: ты убил мою сестру, черт тебя побери, Рай. И тебе нужно было скрыть убийство. Поэтому ты сбросил ее тело с моста, чтобы представить как очередное самоубийство…

— Нет. Попробуй еще раз.

— Вначале ты избил ее до смерти…

— Тогда остались бы синяки.

— Или ты задушил ее.

— Тогда остался бы след на шее…

— Он не всегда остается. Не остался бы, если бы

ты держал ее голову в пластиковом пакете.

— Она умерла от удара о землю. Таково заключение патологоанатома.

— Хорошо, в таком случае ты сбросил ее с моста, пока она все еще была жива. — Лена прилагала усилия, чтобы держать себя в руках и не дать голосу задрожать. — *Только зачем это?*

— Ты все равно ошибаешься.

— Так расскажи правду, Рай.

— Зачем мне это делать? — Он пожевал губу, глаза у него больше не горели. — Ты ждешь определенный ответ, Лена. А это значит, тобой можно управлять. Пока тебе что-то от меня нужно, ты не посмеешь в моей голове прострелить дырку.

Лене нечего было ответить. Это привело ее в ярость. На секунду она задумалась, а не прострелить ли ему яйца.

«А я к этому готова?»

Она не была уверена. Руки у нее воняли порохом от уже сделанных трех выстрелов. Стреляя здесь, а не на стрельбище, она испытывала волнение. Теперь все стало по-настоящему. От этой мысли Лена чувствовала напряжение и некоторую неуверенность в себе. Как, например, если бы вела машину босиком.

Райсевик ухмыльнулся.

— А ты думала, что я буду тебе помогать?

Он раскусил ее. На работе он научился разбираться в людях, и он уже понял, что Лена всегда следует установленным правилам. Из-за волнения ее щеки горели. По своей природе она была пассивна — строила планы только тогда, когда другие предлагали это сделать, говорила только после того, как к ней обращались, делала что-то только в случае крайней необходимости. И теперь она оказалась на мосту Хэйрпин, на этой проклятой Шпильке, держит в руках пистолет, выдвигает требования.

— Что теперь, Лена?

«Здесь должна была бы находиться Кэмбри, — знала она. — *Не я. Умереть должна была я».*

В детстве Лена и Кэмбри на лето уезжали на ферму к своему дяде в восточном Орегоне. Сама ферма навевала на детей скуку: телевизор работал плохо, живущие тут альпаки казались суетливыми мерзкими тварями. Но примерно в миле вниз по дороге тек ручей, и соседские дети сделали там тарзанку, а еще их отец взрывал пни. Однажды, когда близнецам Нгуен было по двенадцать лет, они возвращались на ферму дяди под темнеющим вечерним небом и увидели лежавшее на дороге коричневое тело.

Это была самка белохвостого оленя, которую задавил грузовик. На девочек она посмотрела своими сонными глазами. Лена помнила, как сама глядела на это животное — как оно пыталось встать с поврежденным позвоночником, а задние ноги не слушались и волочились по дороге. Когда олень попытался опереться на переднюю ногу, колено согнулось назад, словно сломанная палка, и он закричал. Но вышел странный шепот, идущий из горла, напомнил скорее кошачье мурлыканье. За свои двенадцать Лена никогда не чувствовала себя такой беспомощной. Она не могла прикоснуться к страдающему животному. Она не могла уйти. Она вообще ничего не могла сделать и ненавидела себя за это. Она просто смотрела и ревела до боли в горле.

А в это время Кэмбри спокойно сняла с плеч рюкзак (она уже тогда предпочитала рюкзаки), опустилась на колени и одной рукой провела по ребрам оленя: почувствовала, как вздымается и опускается грудь.

Другой рукой она перерезала животному горло.

«Тут должна была быть она. — Лена стерла с глаз слезы. — *Она должна была бы говорить с этим двуличным, лживым убийцей в полицейской*

форме. Не я».

— А тебе не нужно… — Райсевик уставился на ее кассетный магнитофон. — Не нужно менять кассеты в этом куске дерьма?

Про это она забыла. Кассеты рассчитаны на девяносто минут. Она попыталась вспомнить — сколько прошло времени? Семьдесят минут? Восемьдесят? На кассете вряд ли осталось много места. Меняя кассету, Лена станет уязвимой. — Ну и странная же ты. — Он внимательно на нее смотрел. — Ты работаешь в магазине электроники, и не смогла найти ничего лучше? Цифровые микрофоны стоят где-то сорок баксов…

— Боеприпасы дорого обходятся.

— Тебе следовало остаться дома, Лена. На моей работе учишься отличать волков от овец, а ты овца на сто процентов. — Он взглянул на нее сверху вниз. — Попахивает чем-то спиритическим? Думаешь, дух Кэмбри послал тебя за мной? Она тебе снилась?

«Лена, давай».

Она попыталась вытолкать голос сестры из своего сознания.

«Пожалуйста, действуй…»

— Хочешь доказать, что такая же крутая, как и она?

— Нет. Крутой всегда была Кэмбри, и я это признаю. — Она осознавала, что Райсевик уводил разговор в сторону, пытался загнать ее в угол. Хотя это она держала его на мушке. Лена прикусила губу и сказала, несмотря на то, что не хотела этого говорить, но это вылилось, как кровь из перерезанной вены:

— Иногда я думала, что мы с сестрой — один и тот же человек, просто разрезанный на две части. И на самом деле это так — на клеточном уровне. У нас неполные, неровные формы. Я оказалась умной в плане учебы, зубрилкой, а она обладала смекалкой совсем другого рода — она могла выжить даже на улице…

Райсевик пренебрежительно фыркнул.

Лена посмотрела ему прямо в глаза.

— У Рика были высокие моральные качества, да?

— У Кэмбри точно не было.

— Что?

— Ты меня слышала.

— Что это значит?

— Сама знаешь. После того, что она устроила своему парню во Флориде.

Лена замерла на месте.

— Ты… знал об этом?

Она покачала головой. Райсевик закатил глаза.

— Твоя сестра уехала после того, как им починили ветровое стекло. Просто оставила несчастного Блейка на автозаправочной станции у Форт-Майерса с несколькими долларами в кармане. Она украла *все*. Деньги в маленьком сейфе, их общие пожитки, его трейлер…

«Нет, — хотелось сказать Лене. — *Нет, все было наоборот. Это Блейк бросил ее».*

Он оставил ее. Он был Ужасным Парнем № 17.

— Она также украла его пистолет, — продолжал Райсевик. — Маленький «Браунинг» двадцать пятого калибра…

— Блейка допрашивали?

— Да, допрашивали.

— Значит, он наврал. Он украл у нее…

— Мне любопытно услышать твою версию, Лена. Если шестого июня у твоей сестры был пистолет Блейка, почему она им не защищалась? Когда я ее преследовал?

«Его не было. Вот поэтому».

В данных, которые предоставили семье, не значилось никакого маленького «Браунинга» двадцать пятого калибра. И ее складного боевого ножа тоже.

«Ее обокрали во Флориде». Вот как это случи-

лось.

Лена была к этому готова. На кону стояла жизнь капрала Райсевика. Конечно, он будет врать. Она собиралась не слушать его, не спорить. Этот разговор стал ошибкой. Ей не следовало отвечать ему. Он сделает все, чтобы выбить ее из колеи…

Он резко взглянул налево. Он что-то увидел.

Лена проследила за его взглядом — отступив на шаг на тот случай, если это очередная уловка, и чтобы держать его в поле зрения — и осмотрела возвышенности в окрестностях моста Хэйрпин, но ничего не увидела. Только пелену ядовитого дыма. Теперь он стал гораздо гуще. В этом тумане сосны превратились в угловатые тени.

Отведя от него взгляд, она нервничала. Тут же снова посмотрела на Райсевика.

Он кивнул.

— Видишь?

– *Что* я должна увидеть?

— Вон там.

Она снова прищурилась. Только акры грязного дыма.

«Он издевается».

— Сними с меня наручники, — сказал он. — Тогда я тебе покажу.

— А ты смешной.

— Твоя сестра тоже так думала. — Он ухмыльнулся, демонстрируя все зубы.

И снова она чуть не пристрелила его прямо на месте. Ее палец лежал на спусковом крючке «Беретты», а кишки в животе шевелились, словно клубок сороконожек. У нее перед глазами появилась красная теплая струя, которая запачкала руки Кэмбри, когда та перерезала горло оленя. Ей захотелось закричать Райсевику в лицо: «Что ты там видишь, Рай? Хватит загадок. Что, черт побери, ты там углядел?»

Довольная улыбка медленно расплывалась по его лицу.

— Едет.

Лена снова посмотрела на ленту дороги, петляющую среди деревьев. Теперь она видела долину Сильвер-Крик. Может, полмили. И там в грязном воздухе двигалось темное пятно, становившееся все более четким.

Приближающаяся машина.

Глава 11

— Это же перекрытая дорога, — прошептала Лена.

Райсевик театрально пожал плечами.

— Я *видела*, как ты запирал ворота…

Он снова пожал плечами.

— Комбинация становится известна не только полиции.

— Ты кого-то вызвал? — Лена оглядела его с головы до ног, пытаясь найти на форме песочно-коричневого цвета рацию или микрофон — что угодно, что она могла проглядеть. — Это твой сообщник?

— Я же тебе говорил. Эту дорогу используют водители грузовиков, чтобы сократить расстояние по пути на север и добраться до автострады I-90, не заезжая в Магма-Спрингс. Вообще-то ездить тут нельзя…

— *Ты кому-то звонил?*

— Я никому не звонил.

— Когда ты недавно садился в свою машину, то по рации…

— Если бы я кому-то позвонил, то ты услышала бы сирены, — холодно заметил он.

Лена переместилась влево, чтобы наблюдать одновременно за Райсевиком и приближающейся машиной. Хоть на здоровяка и была нацелена «Беретта», ее руки продолжали дрожать. Тело уставало. Если бы она сейчас находилась в клубе «Меткие стрелки» и стреляла бы по постеру с изображением пятидесяти двух карт, то наверняка бы начала промахиваться. Она даже не была уверена, что смогла бы попасть по дорожному знаку.

Райсевик рассмеялся, словно смог прочитать ее мысли. Его смех шел откуда-то из живота, по звуку напоминал цепную пилу. Лена еще ни разу не слышала, как смеется этот мужчина, и это было просто ужасно.

— Этот мужик… сейчас проедет мимо. Он все увидит…

— Заткнись.

— И кто у нас здесь преступник?

Нельзя ему показывать, что она нервничает — это только обрадовало бы его. Но с приближающейся машиной нужно было что-то делать. Райсевик абсолютно прав: со стороны кажется, что это она преступник. Ведь она держит полицейского на мушке.

«Проклятье». Этого она не ожидала. Предпо-

лагалось, что дорога закрыта. По ее подсчетам здесь никого не должно было быть, именно поэтому она не стала встречаться с этим убийцей в «Старбаксе»…

— Он увидит твой пистолет, — прошептал Райсевик.

— И что? — она заставила себя уверенно пожать плечами. — Он позвонит в полицию. Приедут твои дружки. Мы все вместе отправимся в полицейский участок, и я им все расскажу. Мне только на руку.

— Неужели?

— Правда будет раскрыта.

— Уверена? — спросил он. — Да, все это время ты меня записываешь, но что ты на самом деле узнала? Давай, прослушай все. Ты держишь полицейского под дулом пистолета, поэтому для начала арестуют тебя. Думаешь, у тебя достаточно доказательств? Уже можешь подтвердить, что это я убил твою сестру?

— Ты признался, что преследовал ее. Это есть на записи.

— Записи могут исчезнуть.

— Ты говоришь это под запись.

Она задумалась о его связях. Насколько он хорошо общается с коллегами? Под шумок, когда ее

будут арестовывать, он что, сможет обеспечить исчезновение записей? И останется служить в полиции после дополнительного расследования? Это не повлияет на его карьеру? Подобное казалось невозможным. Ей даже не верилось! Мир не настолько жесток!

— А если мои коллеги тебя пристрелят? — высказал предположение Райсевик. — Ты же держишь в руках оружие.

— Разберемся.

Она наблюдала, как приближается машина. Теперь было видно, что это была красная фура. В облаке задымленного воздуха она поднималась на возвышенность. Солнечный свет отражался от лобового стекла.

Через минуту фура подъедет. Может, даже быстрее.

— Ну? — Райсевик облизал губы, переводя взгляд с Лены на приближающийся грузовик. — Думаю, Лена, тебе не очень хочется, чтобы кто-нибудь вмешивался. И мне тоже не хочется. Ты приехала сюда, чтобы узнать правду, что мучает тебя по ночам. И ее ты не узнала.

— А ты все еще меня не убил.

Он улыбнулся.

«У нас обоих остались незаконченные дела, так

ведь?»

— Предлагаю тебе сделку, — снова заговорил Райсевик. — Я расскажу все, что произошло с Кэмбри. Только, пожалуйста, убери свой пистолет, чтобы кретин в грузовике решил, будто я просто остановил тебя за нарушение правил дорожного движения. Тогда он просто поедет дальше.

Лена ничего не ответила. Фура будет рядом через тридцать секунд.

— Если он увидит на мне наручники, то все поймет. У меня в машине есть от них запасной ключ. Помоги мне их снять, — сказал он. — Я буду стоять здесь и делать вид, что выписываю тебе штраф…

— Придумай что-нибудь получше, Рай.

— А у тебя есть предложения?

Нет, предложений у нее не было.

Она бросила взгляд на все еще работающий магнитофон и задумалась: а что к этой минуте ей удалось узнать. Можно ли верить словам Райсевика? Он приказал Кэмбри остановиться. Она помчалась вперед. Он бросился в погоню. Ей удалось от него оторваться, вначале сделав смелый поворот на сто восемьдесят градусов, а затем очень хитро свернув в сторону. Все испортила только сверкнувшая молния.

Почему Кэмбри пыталась сбежать? Почему Райсевик за ней гнался? И что произошло потом?

Одни вопросы. И все жгли ее изнутри.

Отправляясь на мост Хэйрпин, Лена была уверена, что у нее все под контролем. Она сомневалась: стоит ли впутывать в дело водителя фуры. Похоже, мысль о разрушенной карьере Райсевика не остановит, он вряд ли что-нибудь скажет. Пленки из магнитофона могут исчезнуть. И правды Лена так и не узнает.

А она ведь подошла так близко.

«Я должна узнать. Я должна узнать, что точно с тобой случилось, Кэмбри».

— Время идет. Выбор за тобой, Лена.

— Я думаю.

— Думай быстрее. Он вот-вот увидит в твоих руках пистолет.

Грузовик добрался до противоположного въезда на мост Хэйрпин и изрыгнул целое облако черных выхлопных газов. Ему осталось сто ярдов — всего несколько секунд до того, как водитель их увидит. Все может закончиться плачевно.

Лена знала, что этот человек мог оказаться сообщником Райсевика. И приехал сюда, чтобы убить ее.

Она не могла отделаться от этой мысли. Воз-

можное развитие событий не давало ей покоя. Как удобно все выходит! Некий незнакомец вдруг появился на заброшенной дороге, и как раз в нужный момент. А это значит, что ее планы накрываются медным тазом. Время шло, голос Райсевика стал для нее ядом, этаким гнусным шепотом:

— Ты получила то, что хотела, Лена? Душа Кэмбри может уйти на покой?

«Он это говорит только для того, чтобы я опустила пистолет. Тогда его брату-близнецу будет проще меня пристрелить».

Она представила копию Райсевика — большого брата Рика, живого и здорового, который прямо сейчас едет к ним в затененной кабине грузовика. С таким же суровым взглядом полицейского. С такими же огромными накаченными ручищами, как у героя боевика, и короткой стрижкой. С винтовкой, которую вот-вот достанут и из которой в нее стрельнут. Если играть в «камень-ножницы-бумага», только огнестрельным оружием, то винтовка победит пистолет. Всегда.

После этой мысли она приняла решение.

Она снова поменяла положение и резко кивнула.

— Стой здесь. Не двигайся.

— Что ты делаешь?

— Я сказала, *не двигайся*, Рай.

Она обошла его и наставила «Беретту» сзади в шею. Палец на спусковом крючке был напряжен. Сердце судорожно билось, отдавая в шею. Лена встала так, чтобы Райсевик оказался между ней и водителем фуры.

Получился живой щит.

Выглянув из-за огромного плеча полицейского, она наблюдала за приближающимся грузовиком. Если водитель — сообщник Райсевика и собирается стрелять в Лену, то для начала придется пристрелить Райсевика. Попасть в нее будет непросто — только если он не снайпер, победитель всех соревнований.

«Правильно?»

— Сообразительная девочка, — прошептал Райсевик.

— Заткнись.

— Поверь, Лена: мне *хотелось бы*, чтобы он был моим сообщником.

Грузовик замедлил движение и теперь катился на скорости пешехода. Тонированное лобовое стекло. Водителя внутри не видно. Но их он определенно видел. Лена пыталась представить этого незнакомца, как он прищуривается, глядя на них

сквозь стекло. Зачем он приехал сюда — до конца непонятно. Наконец тормоза в последний раз взвизгнули, и грузовик остановился.

В тридцати футах. На противоположной части моста.

Мир висел на лезвии ножа. Легкий ветер приносил пепел, двигатель грузовика продолжал тихо рычать. Словно зверь в клетке.

Лена приложила «Беретту» к загорелой коже на шее Райсевика, она старалась не показываться. Она чувствовала себя преступником из фильма. В таких фильмах вскоре появлялся хороший парень, и одним уверенным выстрелом он бы вынес мозг им обоим.

«Со стороны можно решить, что это я преступник», — поняла она.

— Прекрасно, Лена. Я думаю, что он испугался…

— Хватит болтать.

— Или что? Пристрелишь меня? Прямо у него на глазах?

Она стерла пот со лба. Что дальше?

Думать было трудно. Дым и солнечный свет жгли глаза. Во рту пересохло. Лена снова поменяла положение, чтобы за Райсевиком ее не было видно, она плотно прижимала палец к

спусковому крючку. Может, стоит совсем немного надавить, и тогда она убьет Райсевика. Она готова была это сделать. Лена затаила дыхание, рассматривая огромный грузовик, она ожидала, что тишину вот-вот нарушит звук выстрелов. Лена ждала, что что-то случится, хотела, чтобы хоть *что-нибудь* случилось и этот бесконечный миг кончился.

Снова пронесся порыв ветра, а вместе с ним пришел и дым. Казалось, что под ногами задрожал мост.

Из грузовика не доносилось никаких звуков. Только вылетали выхлопные газы.

— Идиот, — пробормотал Райсевик себе под нос.

— Что ты сказал?

— Я сказал, что этот водитель — полный *идиот*, черт его побери. Остановил десятитонную фуру на аварийном мосту. — Он раздраженно вздохнул. — Мы все сдохнем.

«А разве могло быть иначе? — подумала Лена. *— Что еще сегодня пойдет не так?»*

Мост Хэйрпин построили в тридцатых годах. Закрыли в 1988 году. Он проржавел, краска потрескалась и стала напоминать сухую кожу. Суровые зимы и безжалостное солнце тоже

сыграли свою роль. Лена до этой минуты не задумывалась, как опасно может быть парковать на нем машины. А ведь мост висит в воздухе, на высоте двухсот футов.

На этом мосту даже дышать опасно.

Напряженная тишина затягивалась. Лена прочитала надпись на трейлере: «УКУС ЗМЕИ». Слово показалось ей знакомым. Оно крутилось у нее в голове. Может, в прошлой жизни она уже была на этой проклятой Шпильке…

«Змея? Что еще за укус змеи? Странное название».

Резкий визг, скрип стекла.

Лена дернулась, чуть не нажала на спусковой крючок и не прострелила шею Райсевику. Это наполовину опустилось стекло в кабине грузовика. Из темноты кабины высунулось лицо и посмотрело на них. С расстояния тридцати футов он могла только сказать, что водитель — пожилой мужчина, по крайней мере, не брат-близнец Райсевика. Нечесаные седые волосы. Красные щеки. И — что странно — черная повязка на глазу.

— С вами все в порядке? — крикнул он. Еще одна странность: он говорил с сильным ирландским акцентом.

— На меня напали… — закричал Райсевик.

— Заткнись. — Она ткнула стволом ему в шею.

Одноглазый водитель замер. Он уже заметил пистолет в Лениной руке. Он все понял и теперь раздумывал, в какой передряге он оказался: в заложники взяли *полицейского*…

— Вылезайте из грузовика, — приказала Лена.

Дверца кабины со скрипом открылась, и старик подчинился, фактически соскользнул с подножки и неловко приземлился на ноги. Он был маленького роста, походил на толстого карлика, одет в футболку и бриджи. Ноги бледные, тонкие, как две палочки. Лена не сомневалась, что с такого расстояния легко попадет ему в туловище, в самый центр. Если потребуется.

Однако ирландский акцент испугал ее. Так же девушки пугаются, когда у них ломается длинный красивый ноготь. Она никак не ожидала, что у водителя грузовой фуры в сельской Америке будет ирландский акцент.

Лена взяла себя в руки.

«Вначале — главное».

— Руки вверх, — крикнула она. — Поднимите футболку.

Водитель подчинился: поднял футболку, обнажая белое рыхлое тело.

— Теперь повернитесь.

Он выполнил приказ. На спине оружия тоже не оказалось.

— У вас есть оружие в кабине?

Он покачал головой. Тупо. Свалилась шляпа.

— Я постоянно останавливаю таких мужиков, — проворчал Райсевик. — Гарантирую: у него в кабине карабин…

На его слова Лена внимания не обратила.

— Что вы здесь делаете?

— Пожар…

Водитель показал рукой назад, слова заглушил очередной порыв ветра.

— Что?

— Я сказал: пожар уже подбирается к I-90. А если так, то эвакуация пойдет по этой дороге. Меня послали отпереть вторые ворота, чтобы открыть путь к МТ-200.

«Ворота, которые мы проезжали».

Проклятый лесной пожар. Тем не менее Лена не могла проверить, врет он или нет. У нее не было оснований верить ему. Но с того момента, как они приехали на мост, горизонт заметно потемнел, дым окрашивал небо как масляная коричневая краска. Воздух имел привкус золы.

По крайней мере, этот маленький толстячок был не вооружен. И Лена почувствовала себя

увереннее.

Она прищурилась, пытаясь заглянуть в его темную кабину.

— У вас… есть рация в грузовике?

Он кивнул.

— В таком случае свяжитесь с одной из экстренных служб. — Она попыталась объяснить ситуацию, но язык с трудом ворочался, а слова во рту напоминали арахисовое масло: — Этот полицейский очень опасен. Шестого июня он убил мою сестру, но подстроил все так, что теперь все считают это самоубийством. Свяжитесь с властями и вызовите всю полицию Монтаны прямо сейчас. У меня есть доказательства.

— Прямо-таки есть? — прошептал Райсевик.

Старик с повязкой на глазу, не шелохнувшись, все еще смотрел на Лену. Руки оставались приподняты. Живот обнажен. Лучше бы он заправил футболку в бриджи.

— Позвоните в полицию, — повторила она. — *Немедленно*.

Сработало. Он кивнул, повернулся и полез вверх — фактически проскользнул в захламленную кабину. Красная дверца на несмазанной петле поехала за ним.

До Лены донесся тихий голос: он взял в руку

трубку портативного устройства:

— Экстренный вызов! Срочно! У меня тут, э-э, полицейский, которого держат на мушке…

«Полицейский, которого держат на мушке». Неправильные слова он подобрал.

Тихо щелкнув, дверца закрылась, остальное услышать было нельзя.

Капрал Райсевик выругался себе под нос, его огромные плечи опустились. Вероятно, до него наконец стало доходить, что вскоре придется объясняться с начальством. Но вначале, и Лена это понимала, ее арестуют. Представители власти заберут у нее оружие, что ее вполне устраивало, и ее кассетный магнитофон, что тоже было нормально. Как Райсевик правильно заметил, магнитофона может не стать. Но на этот случай у нее тоже был план. Она не была наивной дурочкой.

Но она все равно беспокоилась.

«У меня достаточно доказательств? Я знаю достаточно…»

Она подпрыгнула от металлического щелчка. Ее охватил страх.

Лена бросила взгляд назад, на автомобили. Пленка на кассете в магнитофоне, стоявшем на капоте «Короллы», закончилась. Надо было

поменять ее.

Слишком далеко. Не дотянуться.

Райсевик это тоже понял.

— Хорошо, Лена.

Он резко развернулся к ней лицом. Ее удивила эта быстрота. Она знала: надо отступить назад, чтобы защититься от, например, удара головой, но показать ему свою слабость было еще хуже. Она осталась на месте, целясь ему прямо в лоб. Их разделяло несколько дюймов.

— Я скажу тебе правду, — заявил он, бросая взгляд на магнитофон. — Теперь, когда запись не идет.

«Не отступай, Лена. Ни на дюйм».

Она и не стала.

— То, что я собираюсь тебе сказать… Ты сможешь повторить это всем в участке в Магма-Спрингс, но они тебе не поверят. — Он улыбнулся. — Можешь об этом протрубить везде. Написать в своем блоге для идиотов. Где угодно. Все решат, что ты врешь. Или что ты сумасшедшая, как и твоя шизоидная сестра…

— Я жду, Рай.

Он облизал губы. Он получал от этого слишком большое удовольствие. Казалось, что ничто никогда надолго не выбивает Райсевика из колеи. Ей

хотелось вдавить ствол ему в глазницу и повернуть, заорать, чтобы перестал юлить, прекратил издеваться и просто все ей рассказал. Она снова мысленно вернулась к сну, который видела прошлой ночью, к чуши, что несла Кэмбри, к тому, как она твердила, глядя на нее глазами, полными слез:

«Давай, Лена, действуй…»

Она не сказала: «Я люблю тебя, сестра».

Она не сказала: «Я всегда буду с тобой».

Каков был смысл? Посмертное желание сводилось к: «Оставь меня в покое».

От этих мыслей Лене было не по себе. Сердце сжималось в груди. А положение дел на мосту Хэйрпин, на этой Шпильке, снова изменилось, исказилось, осложнилось, стало куда более серьезным, чем когда она держала капрала Райсевика под дулом пистолета и ждала его следующих слов.

Прошлой ночью она проснулась до того, как смогла ответить Кэмбри. И тогда она не знала, что скажет призраку своей сестры, настоящему или воображаемому. Но теперь знала.

Во что ты втянула меня, сестра?

Глава 12
История Кэмбри

«Кэмбри, не останавливайся».

«Ни в коем случае не останавливайся».

Судя по показаниям спидометра, она несется уже со скоростью почти девяносто миль в час. На неровной дороге «Тойоту» трясло. Справа и слева мелькают деревья. В бензобаке все меньше топлива. Смотреть на электронные часы на приборной доске она боится, но все равно смотрит. 20:44.

«Жить осталось шестнадцать минут».

Красные габаритные огни впереди снова исчезли, но она знает: они там. Где-то впереди есть свидетель. Ей просто нужно его догнать. Прежде, чем закончится бензин.

Полицейский был у нее на хвосте. Его «Додж» вырывался вперед, и от него не уйти. Сквозь окна она четко видит темный силуэт. Рука с выступающими костяшками лежала на руле, он все еще в ней сжимал «Глок». Между ними менее десяти футов — он запросто в нее попал бы. Но он даже и не попытался. Почему?

«Он тоже увидел впереди идущую машину», — решила она.

Неожиданно появившийся незнакомец меняет ход игры. Полицейский, видимо, подумал, что тот услышит выстрел. Но через секунду или две он, вероятно, решит, что на расстоянии четверти мили выстрелы легко могут сойти за раскаты грома, и в любом случае в нее выстрелит.

«И что?»

«И то».

«Кэмбри, выбирай».

Она решила, что уже достаточно ждала. Она резко вывернула руль влево и собралась таранить бок машины Райсевика. Он видит приближающуюся «Тойоту» и резко сбрасывает скорость. Визг тормозов. Ей все равно удается задеть переднее крыло «Доджа», но едва-едва.

В глубине души она жалеет, что не врезалась в «Додж» со всей силы и не разбила обе машины. Это было бы самоубийство, но зато она бы этому ублюдку испортила вечер. В этом определенно что-то есть.

Теперь она на встречной полосе, несется на скорости восемьдесят миль в час, ей удалось отбросить Райсевика назад. Поскольку она на встречной полосе, она лишила Райсевика воз-

можности обойти ее слева и атаковать он сможет ее только справа, а стрелять — левой рукой. Так ему хотя бы будет неудобно. А если говорить о тактике, то это провал.

Еще один подъем на дороге, снова визг металла, когда подвеска целуется с дорожным покрытием — и Кэмбри снова видит красные габаритные огни. Они стали больше и ближе. Но недостаточно близко.

— Давай! — шепчет она, снова нажимая на газ. — Давай.

Райсевик, вероятно, тоже меняет стратегию, потому что пристраивается за ней. Больше он не держит пистолет в руке. Обе руки на руле, все внимание на вождении. Теперь дальний свет его фар освещает дорогу справа от Кэмбри, пересекает центральную разделительную линию, и она понимает, как опасно они оба едут. Это безрассудство. Столкновение будет смертельным. За последний час вокруг все так изменилось — с того момента, как она впервые заметила четыре странных костра.

Четыре ритуальные пирамиды из камней, проемы между ними, сквозь которые видны языки пламени, будто пойманные в капканы.

Странный момент, словно из сна, изменил все.

«Додж» приближается, напоминая хищника, который преследует жертву. Кэмбри не может отделаться от пролетающих в голове беспокойных мыслей. Ужасных мыслей — тяжелых, как пушечные ядра, вдруг попавшие в желудок. Она представила патрульного в майке-алкоголичке, обгоревшего на послеполуденном солнце, как он тщательно пилит на куски человеческое тело, а потом скармливает эти кусочки каждой маленькой печке. Ступню в один костер. Предплечье в другой. Он сливает кровь? Должен бы, ведь для того, чтобы треснули кости, нужна достаточно высокая температура. Может, он перерезает горло и переворачивает трупы вверх ногами — кап-кап-кап, капает кровь в жестяное ведро…

Его передние фары обжигают ей глаза. «Додж» подбирается ближе справа. Еще ближе.

«Сосредоточься, Кэмбри. Он тебя догнал».

Она не может. Мысли яростно крутятся в голове. В них только одно: капрал Райсевик напрягается, кряхтит, водя слесарной ножовкой по горлу трупа. Останавливается, чтобы вытереть пот со лба. А может, он предпочитает не пилить, а рубить? Громоподобный удар топора, и бедро распалось на кусочки…

«Сосредоточься-сосредоточься-сосредо-

точься».

Потом обескровленные куски тела он бросает в каменные печи, куски плоти и кости, пока не остается труха…

«Кэмбри».

Она с трудом сглотнула.

«Ты умрешь прямо сейчас, если не сосредоточишься».

Патрульная машина идет параллельно. Вдалеке мелькнула вспышка молнии, в салоне показался силуэт. Шляпа, уши, огромные плечи. Винтовка на сиденье, словно пассажир. Странно, он мог бы в нее выстрелить, но он сосредоточен на вождении. Сжимает руль своими огромными лапищами с выступающими костяшками. Он мог бы ее убить. Почему он этого не делает?

20:46.

«Осталось четырнадцать минут».

Впереди снова появляются огни другой машины. Яркий красный лучик надежды вдали. Но дорога в очередной раз завернула, они исчезли.

У нее учащенно бьется сердце. Она сократила расстояние. Теперь та машина ближе. Может, между ними ярдов двести? На следующем прямом участке пути станет ясно. Она все ближе и ближе.

Это означает, что Райсевик по ней стрелять не может. Слишком рискованно. Прохладной летней ночью, подобно этой, ничего не подозревающий водитель или даже целая семья в машине впереди могут ехать с открытыми окнами. На таком близком расстоянии грохот выстрела уже не принять за гром. И даже в случае раската грома выстрел с ним, скорее всего, не сольется. Полицейский-психопат не убьет больше одного. Да, стрелять он не станет. Это радует Кэмбри. Похоже, это победа. Райсевик в отчаянии, все его оружие теперь ни к чему — Кэмбри приближается к машине своего тайного спасителя.

Значит, у Райсевика остается всего один вариант…

«Нет».

Кэмбри не хочет об этом думать. Она заталкивает эту мысль в дальний уголок сознания. Пусть побудет там. Она хочет насладиться моментом, этим восхитительным поворотом событий, когда Райсевик понял, что не может ее застрелить. В некотором роде она от него уже сбежала. Цивилизация где-то рядом.

Но он может напасть еще раз.

«Нет, нет, нет».

Она все понимает, не думать об этом не может.

Внутри все сжимается, сердце бешено колотится в груди. Она все-таки признает:

«Кэмбри, он тебя протаранит и сбросит с дороги».

«Прямо сейчас».

«Это единственный оставшийся вариант».

Она видит, что поза полицейского изменилась. Он поднял левый локоть — через десятую долю секунды его патрульная машина петляет в ее сторону.

Кэмбри рефлекторно давит на тормоз.

Ее бросает назад. Ремень безопасности опять впивается в плечо, «Додж» петляет перед ней, при сцеплении с покрытой песком и мелкими камешками дорогой визжат покрышки. Машины танцуют странный танец в клубах пыли, кружатся, словно исполняя до-си-до[19] на скорости семьдесят миль в час. На долю секунды перед ее передними фарами оказываются боковые дверцы его машины. Она читает белую надпись: «ДОРОЖНЫЙ ПАТРУЛЬ». Она моргает. Надпись видна четко, как днем. Райсевика продолжает кружить, его задний бампер оказывается слишком близко к ее переднему крылу, внутри у

---

[19] Примечания: 19

До-си-до — особый шаг в танце (кадрили и польке).

Кэмбри все сжимается. Но машины расходятся, не врезавшись друг в друга. Между ними остается несколько дюймов.

Райсевика продолжает заносить влево. Слишком далеко…

Кэмбри понимает, что на его месте должна была быть она. Предполагалось, что он врежется в «Тойоту» в районе заднего крыла, сработает кинетическая энергия и ее машину закрутит. Но она нажала на тормоза. Все это время его заносило влево, повернуть в другую сторону он не мог…

Следя за ним, Кэмбри выглянула.

«Получай, ублюдок!»

Его продолжает вертеть, головокружительный поворот на сто восемьдесят градусов, скрип шин на гравийной обочине. Ее снова осветил свет фар, только на этот раз не сзади, а спереди. Теперь он вылетел с дороги, на неровной поверхности подвеску сильно выгибает. Бампер задел скалу — вспышка оранжевых искр. Облако пыли и дыма, подсвеченное фарами, вонь жженой резины.

Кэмбри чувствует, как кренится машина, теперь она полностью остановилась.

Как и вылетевший с дороги «Додж», что в тридцати футах впереди. После столкновения.

Сдерживать себя она не может, поэтому сме-

ется, из-за чего больное горло сводят спазмы. Ее окно все еще открыто, как и у Райсевика, и Кэмбри знает, что ее смех он может услышать, поэтому смеется еще громче.

Она быстро приходит в себя и набирает скорость. Ее впечатывает в сиденье, проезжая мимо остановившейся полицейской машины, она пригибается, готовится к выстрелам. Давящая тишина. Ее машина проносится сквозь облако пыли, маленькие камушки стучат по лобовому стеклу — она вздрагивает.

Никакой стрельбы. Ничего.

Кэмбри обернулась и посмотрела на Райсевика, хоть и понимала, что это небезопасно. «Додж» так и стоял на дороге, прикрытый кустами. На этот раз никакой молнии, в салоне ничего не разглядеть. Может, у него там взорвалась воздушная подушка или он ранен. Кэмбри снова злорадствует — надеется, что он стукнулся лбом и у него сотрясение мозга. А вдруг он себе откусил язык.

В следующее мгновение она уже далеко. Несется в ночи.

Она кричит из окна, в поток холодного воздуха, что срывает листья. Кэмбри начинает с «Так тебе…», потом пытается добавить «долбанный урод», в результате получается путаница из руга-

ни. Это дикий, радостный гимн во славу того, что ей удалось выжить, прожить еще одну секунду. В честь того, что не встретилась со смертью. Она жива!

Еще одна вспышка молнии мелькает в небе, освещая лиловые тучи. Она такая яркая, такая близкая. Похоже на прожекторы в концертном зале. Это самая поразительная буря, которую Кэмбри когда-либо видела, деревья становятся зелеными, а скалы белыми, земля словно оживает от несущихся по ней теней. Ничего подобного она еще не испытывала. Она физически ощущает электричество, а перед следующей вспышкой его становится еще больше. Ведь мы же все — звездная пыль, так ведь говорят?

Искореженную полицейскую машину в зеркале заднего вида она больше не видит. Вперед, вперед, и только вперед. Она проезжает следующий поворот и увеличивает скорость. Нервы на пределе. Она готовится к следующему неизбежному раскату грома, небесной артиллерии. Но как полицейский не стрелял, так и гром не гремит. Только слышны рев двигателя и вой ветра. Только молчаливая ярость бури.

А впереди снова красные габаритные огни.

— Спасибо тебе, Господи, — шепчет Кэмбри. —

Спасибо, Боже, спасибо, Иисус Христос.

Она быстро приближается к все еще далекой машине. После каждого поворота серпантина расстояние между ними в темноте уменьшается. Кэмбри ее догоняет.

— Спасибо, Святой Дух.

На этом божественные сущности, которых можно поблагодарить, заканчиваются. Кэмбри не религиозна, по крайней мере, свою религиозность не признает. Но есть что-то невероятное в этой дикой гонке под сверкающими молниями, когда тебя преследует загадочный незнакомец в черном «Додж Чарджере». А впереди — спасение.

Кэмбри яростно засигналила.

Слишком далеко — водителю впереди не слышно. Из-за того, что она тормозила, расстояние между ними увеличилось. Она смотрит в зеркало заднего вида.

Позади появляются фары полицейской машины, погоня возобновляется.

— Проклятье!

Но этого следовало ожидать. Райсевик — герой кошмарного сна. Таких не убьешь, они никогда не выходят из игры. Кэмбри снова смотрит на далекие габаритные огни и жмет на гудок, снова и снова ударяет по нему костяшками пальцев.

Сигнал ее «Тойоты» всегда был тихим. Она включила и выключила дальний свет.

Никакой реакции.

Она еще слишком далеко, поэтому прибегает к тому, что делать не хотела — полностью выключила фары. Потом снова включила. Выключила, включила. Выключила, включила. Словно испуганное бьющееся сердце, дорога пульсирует в кромешной темноте.

Выключила. Включила. Выключила. Включила. Погружаясь в ночь, она понимает, что Райсевик приближается все быстрее.

Впереди огни тоже начинают мигать. Это ответ!

«Меня заметили».

— Да, — прошептала она.

Габаритные огни становятся ярче. Как два больших красных фонаря, что светят в темноте. Водитель уходит вправо, на обочину.

— Да, да, да…

Кэмбри понимает, что тоже давит на тормоза и снижает скорость — хочет остановиться рядом с незнакомцем. Но Райсевик прямо на хвосте, он все ближе и ближе.

Впереди скрипят тормоза. Машина остановилась.

Кэмбри знает: нельзя терять ни секунды. Надо убедить водителя, чтобы он впустил ее в салон, и поехать вместе. Прежде чем Райсевик их догонит. Прежде чем он начнет стрелять. Иначе все, чего она добьется, — это втянет вторую жертву в прицел убийцы. Или третью? Еще тела для маленьких костров.

Она давит на тормоза. Тоже останавливается, за ним.

Отстегивает ремень. Распахивает дверцу. Она вылезает в тишину, от которой мурашки бегут по коже, а в ногах, что встали на потрескавшуюся дорогу, странные ощущения. Будто вышла из бассейна после нескольких часов плавания. Позади в темноте Райсевик включает на крыше красно-синюю мигалку. *«Конечно, он же опять изображает из себя полицейского».* К мигающим огням добавляется сирена. Завывающий звук, словно его издает призрак.

Как только Кэмбри его услышала, она бегом бросилась к фуре. Она тяжело дышит, и тут до нее доходит, что в этой ситуации у капрала Райсевика, который находится менее, чем в тридцати секундах езды, есть огромное преимущество. Раз уж на то пошло…

«Если вы видите, как кто-то убегает от

патрульной машины, кто, по вашему мнению, преступник? Кому вы поможете?»

К этому времени водитель увидел мигалку Райсевика. Прямо сейчас он задумывается, а не бежит ли к нему беглый преступник. Вероятно, он уже опустил руку на рычаг переключения передач и готов поехать.

Она бежит быстрее. Помогает себе руками. Она почти у кабины. Пытается кричать, но в легких нет воздуха.

«Кэмбри, ты выглядишь как настоящий преступник».

— Помогите! — удается ей выкрикнуть.

Ее голос глушит сирена. Она не может в это все поверить. Безумие, жуткое, но такое нелепое. Как и молния, сверкнувшая в неподходящее время, этот загадочный незнакомец обладает какой-то неведомой силой, и независимо от того, какой выбор она сделает, Кэмбри Нгуен суждено умереть сегодня вечером. Уже через несколько минут. Она уже вынула из колоды карту с черепом. Ничто не изменит ее судьбу.

Именно поэтому карты таро, доска «Уиджа», ясновидение и гадание по руке всегда ее пугали. Сколько я себя помню, сестра всегда жутко боялась узнать, что ей суждено умереть. Боялась не

самой смерти, а знания того, когда это случится — и это объяснимо. Она всю жизнь была в движении. Почему бы ей не бояться того, от чего ей не убежать?

Здесь мне следует предупредить вас, дорогие читатели: информация о Кэмбри после того, как она вышла из машины в 20:48, неполная. Показания, которые я записала на мосту Хэйрпин, ненадежные. До сих пор рассказ капрала Райсевика о событиях шестого июня был проверен с точностью до минуты. А теперь вам придется положиться на меня и читать продолжение, которое я собрала из кусочков.

Пожалуйста, верьте мне.

Моя сестра бежит к фуре и, прищуриваясь, рассматривает темный силуэт водителя. Фары Райсевика начинают светить еще ярче, озаряя все за спиной Кэмбри. Ее тень бежит по бетону, свет фар отражается от блестящей поверхности грузовика, на котором полно заклепок, а теперь еще и видна надпись: «УКУС ЗМЕИ».

Глава 13
Лена

— Рай, а что было дальше?

— Я пытался ее догнать. Находился сзади и не видел, как это произошло.

— Что именно произошло?

Он облизнул губы.

— Давай вернемся к началу. К тому, что происходило до шестого июня. Ты хотела правду? Вот. Получай.

Лена не сводила взгляд с грузовика, что все еще стоял на противоположной стороне моста. Водитель сидел в кабине и говорил по рации со службами экстренной помощи. Райсевик прерывисто дышал. Тут он сделал глубокий вдох и прошептал:

— Кэмбри была моей девушкой.

– *Что?!*

— Она была моей девушкой, — повторил он.

— Боже мой. Нет.

— Да.

— Еще что-нибудь скажешь?

— У нас с ней были отношения, — он заставил

себя улыбнуться, улыбка получилась натянутой. — Знаешь, моя жена растолстела.

— Врешь.

— Я врал *раньше*. До этой минуты. Я направил расследование ее смерти в другую сторону. Я скрывал романтические отношения с Кэмбри, потому что женат и мне нужно было думать о карьере. Не хотел терять ни жену, ни работу.

«Романтические отношения». Эти слова Лена восприняла как удар в живот или, скорее, как клубок шевелящихся червей, который вдруг оказался внутри нее. Извивающихся, вызывающих отвращение и дрожь.

— Подумай об этом. Только, пожалуйста, выслушай вначале, а потом подумай обо всем, что я расскажу. Подумай про пропавшие блокноты — что происходило между тем днем, когда она ограбила Блейка во Флориде, и днем, когда она умерла на этом мосту? Это бóльшая часть ее путешествия. Эти четыре месяца нужно как-то объяснить. Она вела кочевой образ жизни, воровала и платила наличными, не называя своего имени. Чем можно заниматься все это время?

— Она рисовала. Читала. Курила. Наслаждалась одиночеством.

— Четыре месяца?

— Она путешествовала.

— Нет, Лена, она путешествовала *до* марта. Но говорю тебе: апрель, май и июнь она болталась по округу Хауард. Черное озеро. Каньон Гремучей Змеи. Магма-Спрингс. Это нигде не зафиксировано в материалах расследования, потому что я подчистил улики.

«Я подчистил улики». И он так спокойно об этом говорит.

Лена не верила. Он врет! Ее охватило раздражение, язык словно распух во рту и не желал шевелиться. Голова отказывалась работать.

— Лена, зачем мне врать?

То, что он рассказал, не укладывалось в общую картину. Салон машины Кэмбри оказался почти пустым — но такой минимализм всегда можно было увидеть в ее спальне. Лена это помнила. На протяжении всего детства Кэмбри не любила лишние вещи. Она не обращала внимания на мягкие игрушки. Она стерла куклам Барби лица. Кэмбри не собирала вещи. Она коллекционировала виды и звуки.

Наконец Лена заставила себя ответить:

— Ты… ты признаешь, прямо сейчас, что уничтожил улики?

Он кивнул.

— Те, которые связывали бы меня с ней, но не с этим регионом. Чеки. Ее нож. Украденный пистолет. Мой номер в ее телефоне. Ее… — он запнулся.

«Ее рисунки». Сердце Лены сжалось от ярости.

Но все равно это было нелогично и неубедительно. Самый главный вопрос:

— Тогда как она умерла?

— Я уже сказал. Она прыгнула…

— Рай, это чушь собачья. Моя сестра даже разговаривать с тобой не стала бы. И, черт побери, она точно не была твоей девушкой!

— Лена, я это докажу.

— Правда? Было бы прекрасно.

— Я могу это доказать, — он повертел запястьями в наручниках и запустил пальцы в задний карман брюк.

— Докажу прямо сейчас. Покажу нашу совместную фотографию на Черном озере, куда мы с ней ездили на рыбалку за день до…

— Я должна поверить в то, что ты носишь в бумажнике фотографию мертвой девушки?

— Это все, что у меня от нее осталось.

У него задрожал голос — похоже было, что у него разбито сердце. Лучший образец актерского мастерства за весь день. Лена замерла на месте.

А что, если он говорит правду? Вдруг он на самом деле один из Отвратительных Парней Кэмбри, которыми ее сестра пользовалась, а потом бросала?

Немыслимо. Лена не могла с этим смириться.

Полицейский в наручниках все еще пытался из кармана достать фотографию. Ему было неудобно делать это пальцами у себя за спиной, но в конце концов с сухим хлопком бумажник упал на бетон.

Райсевик снова посмотрел на нее. Почти виновато.

— Я ее любил.

«Я ее любил».

У нее скрутило живот. К горлу подступила тошнота.

— Лена, у нас с тобой разное горе. Но ты должна знать: я тоже ее потерял, — Райсевик сглотнул. — И мне жаль, что я тебе врал, не рассказал раньше про наши отношения…

«Я любил ее, — его слова крутились у нее в голове, отдаваясь жутким эхом. — *Зачем мне врать?»*

Бумажник лежал на дорожном покрытии у его ног. Совсем *рядом*. Вон там. Может, потянуться за ним? Лена заставила себя этого не делать, решив, что это точно еще одна подлая уловка. Райсевик

воспользуется моментом. Она отвлечется на бумажник, а он выбьет «Беретту» из рук, врежет ей по голове ботинком…

— Два шага назад, — приказала она. — Мне надо наклониться.

Он подчинился.

Лена не сводила «Беретту» с полицейского, ее палец так и оставался на спусковом крючке. Она быстро нагнулась и подхватила бумажник. Опасность миновала; Райсевик на нее не набросился. Одной рукой она раскрыла бумажник. Вылетела дисконтная карта какого-то кафе, где продают тако. Несколько квитанций и чеков.

Он наблюдал за ней.

— В последнем отделении. Самая последняя фотография.

Но теперь появилась другая проблема. В плотно набитом бумажнике Лена не могла просмотреть все фотографии одной рукой. Нельзя было сводить «Беретту» с Райсевика. Это даже не обсуждалось. Она не могла ослабить бдительность.

И не станет.

«Зачем мне врать?» — снова отозвалось у нее эхом в сознании.

В голову Лене Нгуен ударили две мысли — словно одинаковые раскаты грома внутри черепной

коробки. Первая: за последние полминуты расстановка изменилась. Теперь Райсевик стоял слева от нее в пяти шагах. Он постепенно и осторожно уходил вбок с той самой секунды, как уронил бумажник на дорогу. Это не было случайно. Совсем нет. Он действовал преднамеренно и обдуманно, как во время шахматной игры. Он отступал от нее, словно ожидал удара молнии.

Вторая: на вопрос Райсевика наконец появился ответ. От него у Лены по спине пробежал холодок.

«Он пытается меня отвлечь».

Теперь она стояла спиной к припаркованному грузовику, на котором было написано: «УКУС ЗМЕИ». Пришлось повернуться, потому что Райсевик ввел небольшую перестановку. *«Он отвлекает мое внимание!»* Теперь она не видела кабину с затененными стеклами и не смела повернуться, потому что тогда, возможно, лишится единственного имеющегося у нее преимущества. *«Он отвлекает мое внимание!»* Он не должен узнать, что она все поняла: его рассказ про романтические отношения — это хитрость и отвлекающий манер. И еще в эти минуты она чувствовала, как по шее сзади бегут мурашки, она поняла: на нее навели прицел.

«Он, черт побери, пытается меня отвлечь».

Глядя на Райсевика, Лена задержала дыхание. Казалось, воздух распирал ей грудь, пытаясь вырваться наружу. Она держала бумажник в левой руке, «Беретту» — в правой. Она боялась выдохнуть. Боялась пошевелиться.

«Он отвлекает меня, чтобы его приятель в грузовике мог меня пристрелить».

Глава 14
История Кэмбри

— Помогите!

Кэмбри не знает, слышал ли ее незнакомец в грузовике. Теперь она почти у кабины, сердце готово выпрыгнуть из груди.

За спиной Райсевик давит на тормоза.

На посыпанной песком и гравием дороге визжат шины, преследующий Кэмбри «Додж» резко остановился. Сирена продолжает завывать. Красно-синяя мигалка все еще отбрасывает вокруг дикие тени. Кэмбри знает, что у полицейского на пассажирском сиденье все еще лежит та жуткая винтовка. Здесь и сейчас он готов поднять ее и прицелиться ей в спину.

Она тянется к кабине, подпрыгивает на подножку, хватается рукой за серебристую ручку как раз под очередной вспышкой молнии, разрезающей небо на две части. Кэмбри подтягивается на ноющих руках, добирается до бокового окна и заглядывает внутрь. В кабине совсем темно. Хоть глаз выколи. Кэмбри водителя не видит. Она стучит по грязному стеклу.

— Помогите! Мне нужна помощь!

Она настойчиво стучит еще раз. Пытается не выглядеть угрожающей.

У нее за спиной слышится резкий металлический щелчок. Это Райсевик открыл дверцу и вылез наружу. Его ботинки опускаются на дорогу, слышатся быстрые шаги.

Черт с ним. Кэмбри стучит по стеклу кулаком.

— Кэмбри! — кричит полицейский. — Прекрати…

Несмотря на то, что из машины он вышел, его голос звучит приглушенно, но Кэмбри знает почему.

«Он склонился внутрь за винтовкой».

Времени не остается, она нажимает ручку на дверце. Не заперто! Она открывает дверцу и чуть не падает с закругленной подножки. Удержать равновесие ей удается.

Внутри непроглядная темень. Водителя так и нет.

— Эй?

Ответа нет. Из-за полицейской мигалки она толком не может вглядеться во тьму. Но она знает, что не может здесь оставаться, не может висеть на боку кабины, иначе Райсевик пристрелит ее из винтовки, которую он уже почти точно

достал из машины и прямо в эту секунду на нее прицеливает.

Кэмбри ныряет внутрь.

В кабине жарко и душно. Она нащупывает ладонями обтянутое кожей кресло, липкое от влаги. Запах как в раздевалке бассейна — пахнет потом и старыми носками и чем-то еще, одновременно сладковатым и протухшим, возможно гнилью, которую она не может распознать. Запах органический, тяжелый, животный. Кэмбри моргает, трет глаза, судорожно хватает ртом воздух.

Да, кабина пуста. Водителя нет. И слишком темно, чтобы рассмотреть что-то еще.

«Куда делся водитель?»

Она знает, что провалиться сквозь землю он не мог. Куда он делся-то, черт побери? Он не мог просто исчезнуть. Фура не катилась сама по себе. Она вспоминает Смерть с косой, которая терпеливо ждала в сибирской пещере.

«Мне сообщили, что ты будешь здесь».

На машине капрала Райсевика резко смолкает сирена. Внезапная тишина давит. Кэмбри слышит, как быстро бьется ее сердце, в ушах стучит кровь.

Она в панике тянется к замку зажигания — ключей нет. Фары грузовика включены. Приборная

доска освещена — тусклое оранжевое свечение за выделяющимся в темноте рулем. И опять же это невозможно. Человек был здесь, сидел на водительском сиденье, которое до сих пор хранит тепло его тела. Всего несколько мгновений назад он ехал по дороге, дышал и потел в этой кабине. Куда он делся? В воздухе растворился?

«Что ты делал на Марди Гра?»

У нее за спиной дверца водительского места с грохотом захлопывается и пугает ее. Это просто ветер. Кэмбри мечтает об еще одной вспышке молнии, чтобы в кабине стало светло. В темноте она чувствует себя беззащитной. И эта вонь в воздухе, влага, плесень и будто тут еще лежит собачья подстилка.

«Рация, — вспоминает она. — *В грузовиках обычно есть радиостанция, так ведь? Вроде должна быть»*.

Сиденья покрыты хрустящей бумагой. Газета? Журналы? Слишком темно, чтобы рассмотреть. Глаза постепенно привыкают к темноте, и она видит какой-то большой комок на приборной доске. Справа от руля, в нескольких футах. Что-то черное, без огоньков, лампочек и заметных деталей, которые можно было бы разглядеть. Радиопередатчик?

Кэмбри тянет к нему руку.

Ее вытянутые пальцы касаются холодной поверхности. Она усыпана какими-то крошечными бугорками. По ощущениям — мягкая кожа, гораздо мягче, чем влажная и скрипучая обивка сиденья. И форма какая-то не такая. Похоже, нет ни четких углов, ни краев. Вместо этого ее пальцы идут по гладкому спуску. Изгибы, закругления. Она описала бы это как свернувшиеся кольца.

Снаружи раздается голос Райсевика, приглушенный дверцей.

Кэмбри осторожно продолжает свое исследование, ищет кнопки, ручки или приемник на проводе, все что угодно, что она сможет узнать, но находит только гладкие изгибы. Сейчас она душу продала бы за вспышку молнии. Ее указательный палец останавливается на самом верху одного из колец и идет вверх по следующему закругленному подъему. Она чувствует крошечные бугорки, следующие один за другим. Подобно косточкам под кожей, словно позвонки.

Их слишком много, и они слишком маленькие для лысой кошки или собаки.

Снаружи снова что-то кричит Райсевик, на этот раз громче, но звук все так же получается приглушенным, Кэмбри слышит тихий свистящий звук.

Легкий ветерок приподнимает ей волосы, она чувствует его на щеках. Словно из проткнутой шины вылетает воздух, по крайней мере, так ей показалось вначале.

«Змея».

Кэмбри застывает на месте, кончики пальцев лежат на холодных чешуйках.

«Ты касаешься гигантской змеи, черт побери».

Змея бросается на нее с приборной доски, Кэмбри словно ударили кнутом по лицу, она чувствует острую боль, кричит, отшатываясь на обтянутые кожей сиденья, разливает на панель какой-то напиток. Кэмбри хочется удрать прочь, ее нервы на пределе, животный страх, который она испытывает, выбрасывает адреналин в кровь. Она ударяется спиной о дверцу водительского места, неподалеку стоит Райсевик.

В панике она напрочь забывает о полицейском и его черной винтовке. Все мысли только о змее, она — единственное, что волнует сейчас Кэмбри. Это абсурдно! Бред! Но ведь эта проклятая змея только что находилась в нескольких дюймах от ее лица. Как она оказалась в кабине брошенной фуры? Все происходящее подобно галлюцинации, словно она под грибами.

Кэмбри снова кричит, ругает змею последними

словами. Она ядовитая? Она ее укусила? Кэмбри думает, что нет, касается щеки. Крови нет.

Но да, на приборной доске грузовика лежит гигантская змея и продолжает на нее шипеть. Это невозможно. Она что, там живет? Когда змея двигается, слышится сухое трение чешуек. Ее длина примерно десять-двенадцать футов, змея свернулась черной кучей на приборной доске. Это питон, удав или анаконда? Несколько секунд Кэмбри, ничего не видя, ощупывала ее, докучая ей.

Слышатся шаги Райсевика, он быстро идет и снова отчаянно кричит.

Кэмбри Нгуен тоже в отчаянии, потому что находится внутри грузовика без ключей и с проклятым питоном. Ситуация хуже некуда, ей нужно куда-то деться. Боковая дверца у водительского места ведет назад к Райсевику — это мгновенная смерть. Кэмбри ползет к дверце у места пассажира, через коробку передач, через какие-то хрустящие бумаги.

Шипение становится громче. Змея снова бьет ее слева.

Кэмбри врезается в дверцу у места пассажира, нащупывает ручку, открывает дверцу. Та распахивается наружу, Кэмбри вылетает в холодную

ночь, уже в воздухе пытается ухватиться за поручень, промахивается и падает на грунтовую обочину.

Шаги меняются. Райсевик теперь бежит с другой стороны грузовика.

«Убегай, убегай, убегай!»

Она поднимается на ноги и отступает. На фоне полицейской мигалки виднеется черный прямоугольник прицепа. Лес густой, у края дороги Кэмбри видит густые заросли можжевельника. Ветки сосен переплелись, некоторые деревья в человеческий рост, другие еще выше. Можно бросить «Тойоту» и спасаться бегством. У нее есть возможность исчезнуть среди зарослей. Главное — спасти жизнь.

Она слышит металлический скрип — это Райсевик открывает дверцу фуры. Он не знает, что Кэмбри уже снаружи, и потратит несколько драгоценных секунд. Или еще больше, если его укусит змея. Да, шанс у нее точно есть.

«Идиотка, не медли».

Она развернулась и побежала прочь от грузовика.

Вдруг поскальзывается.

Под ногами странная полиэтиленовая поверхность. Скользкая, как застывший лед на пруду.

Маслянистая, странно скрипящая, будто с каким-то повизгиванием. Кэмбри подвернула лодыжку, поэтому расстроено ковыляет.

Наконец вспышка молнии, о которой она мечтала. При свете ей виден скользкий лист, выложенный на обочине дороги. Смятый серый брезент площадью с комнату разложен на земле. Слева в шести футах от нее низкорослое дерево, но на самом деле это совсем не дерево.

А человек.

Он поворачивается и смотрит на нее с не меньшим удивлением. Под вспышкой молнии, ярко освещающей все вокруг, он выглядит как астронавт. И даже после того, как все снова погрузилось во тьму, образ остался запечатленным у Кэмбри на сетчатке глаз, она начинает осознавать, что только что видела.

Незнакомец одет в полиэтилен с головы до ног. Что-то типа плаща, но блестящее и прозрачное. Это одеяние прилипло к телу мятыми складками. На руках — голубые хирургические перчатки, на ногах — что-то вроде бахил. Открыто только лицо, да и то потому, что он как раз надевал респиратор, когда сверкнула молния.

«Стерильная форма, — появляется у нее мысль. *— Как у хирурга».*

Кругом снова беспроглядная тьма, Кэмбри будто ослепла, но она его слышит. Незнакомец идет за ней, подходит совсем близко. Она слышит шуршание пластика.

Пластикмен.

Она хрипло кричит. Внезапно все ужасы сегодняшнего вечера — преследовавший ее полицейский, четыре ритуальных костра в окружении пирамид, даже питон в грузовике — рассеиваются и исчезают. Внутри нее все сжимается. Шатаясь, она делает шаг назад, но все идет кругом. Надо бежать — выбрать направление и бежать прямо сейчас, но ее туристические ботинки теряют сцепление на липком полиэтилене, а колени подгибаются.

Она слышит скрип, так зашуршал пластик, эти звуки приближаются к ней в темноте, быстро, но неторопливо. За ней идет Пластикмен.

Глава 15
Лена

Кэмбри, каждую ночь ты умираешь в моих снах.

Каждый раз по-разному. Иногда ты задыхаешься в пакете — и каждый раз сон немного другой. Иногда тебя застреливают. Иногда в рот вставляют кляп, насилуют, а потом сбрасывают с моста как мусор. Бывают варианты и поинтереснее — тебя обезглавливают быстрым ударом лопаты или потрошат, кишки выпадают из живота как блестящие черные змеи.

Понимаю, что большинство этих смертей просто невозможны — это работа слишком яркого воображения. Но это замкнутый круг. Я все время оказываюсь в этих снах. Надеюсь, завтра что-нибудь выясню у капрала Райсевика, хотя бы полученная информация заменит воображаемые ужасы на реальные.

«Прекрати об этом думать, — говорят мне люди. — Лена, просто прекрати».

Как будто я могу просто взять и, как свет, вы-

ключить эти сны.

«Не вспоминай плохое, — говорят они мне. — Вспоминай хорошее. Не прокручивай в голове ужасы, которые ты придумала сама, вырезанные внутренности и сдерживаемые крики. Не мог патологоанатом не заметить следы изнасилования, даже о таком и не думай. Сосредоточься на счастливых воспоминаниях о своей сестре-близняшке, вспомни все, что было до ее смерти».

Но я знаю правду, которая хуже, чем вы могли бы подумать: воспоминаний о Кэмбри у меня совсем немного.

Хороших воспоминаний? Плохих воспоминаний? Их просто мало. Здесь мне нужно сделать еще одно признание, дорогие читатели, и оно неприятное: мы никогда не были близки с моей сестрой.

Ужасно, да?

Говорят, что близнецы неразлучны.

Я знаю, что это ужасно. Но мы совсем не были похожи. Или, может, мы были слишком похожи — как отрицательные концы магнита — и мы отталкивались друг от друга, не признавали друг друга на протяжении всех восемнадцати лет жизни под одной крышей в Олимпии. Мы вращались в разных кругах: мои друзья играли в настольные

игры, а ее друзья переворачивали биотуалеты и мочились в бензобаки строительно-дорожных машин.

«Забудь плохое, Лена. Вспомни хорошее».

А в ответ я лишь улыбаюсь, как улыбается незнакомка в окне запертого дома. Никто не понимает: нет ничего хорошего. А если и есть, то этого хорошего так мало, как проклятого анабтаниума[20]. Моя сестра была для меня чужой, и я страшно жалею, что не знала эту незнакомку. А теперь не узнаю никогда.

Разве это не печально, не трогательно? Я — горюющая сестра-близнец, еду в Монтану рисковать собственной жизнью, а в планах у меня расследовать ее убийство. При этом никто не понимает, что я едва ее знала. Если не считать редкой переписки, мы не разговаривали больше года.

Если ее призрак со мной встретится, то, вероятно, сморщится.

— Почему тебя это так волнует, Крысиная Морда? Лично меня не волнует. Просто отпусти меня.

Наверное, я боюсь. Трудно отпустить человека,

---

[20] Примечания: 20

Анабтаниум — несуществующий, гипотетический, воображаемый материал.

которого ты знаешь только частично. Кэмбри — это набор черт и наблюдений в моем мозгу, что-то типа использованной копировальной бумаги. Она любила классический рок, любимым праздником был Хэллоуин, во все добавляла кориандр, ненавидела закрытые помещения и не любила сидеть дома. В детстве она часто сбегала в лес за нашим домом — иногда на весь вечер, что раздражало наших родителей. Она возвращалась грязная, покусанная комарами и с банкой, в которой сидели слизни и сороконожки, а иногда еще и с ужом в руках.

И я помню, когда мы играли в прятки, она всегда выигрывала. Даже если играли дома, она могла скрываться часами. Мы искали ее, а она, как тень, перемещалась из комнаты в комнату. Когда ей наконец становилось скучно, она возвращалась и по-деловому объясняла: «Я сняла обувь и ходила в носках, чтобы вы не слышали мои шаги».

Представляете?

Иронично, но мои самые яркие воспоминания о сестре связаны с ее прыжком с моста.

Дело было летом, много лет назад. Мы перешли в последний класс. Элленсбург, утро после

концерта в амфитеатре «Гордж»[21]. Это был тот редкий случай, когда мы вместе пошли на какое-то мероприятие. Она была со своими друзьями, включая парня — того, с которым она тогда встречалась (думаю, то был Отвратительный Парень № 10 или № 11). Не помню его имя. Помню только, что ему было двадцать восемь лет, а нам по восемнадцать. Ворчливый голос, бритая голова. Он даже вроде снимался в сериале.

— Ты должна напрячь ягодицы, — говорит он.

Через реку Якима у Холмса перекинут черный бревенчатый железнодорожный мост. Деревянные опоры поднимаются на тридцать футов — совсем невысоко в сравнении с мостом Хэйрпин. Для ныряния река под мостом достаточно глубокая.

— Сжимай их, — повторяет он. — Это наука.

Моя сестра стоит на самом краю моста, загорелая, как альпинистка, руки сжаты, икры напряжены. Ноги с ненакрашенными ногтями свисают над голубой водой.

— Зачем? — спрашивает она.

— Я это узнал у бойскаутов. Понимаешь, ты летишь с огромной высоты, потом входишь в воду

---

[21] Примечания: 21

«*Гордж*» («Ущелье») — огромная открытая концертная площадка в штате Вашингтон у реки Колумбия.

ступнями — тебе будто делают огромную клизму. Так что советую сжать ягодицы.

— Не понимаю.

— Все просто.

— А поподробнее можно?

— Это наука, Кэмбри, — теперь он раздражен. — Я знаю, о чем говорю. Нужно сжимать ягодицы, чтобы вся эта вода под давлением не разорвала твою задницу и не смыла все, что там у тебя есть…

— Понятно.

Ей становится скучно с ним разговаривать, и она переводит взгляд на меня, стоящую у одной из конструкций моста.

Мне жарко и некомфортно. Я устала после концерта, на котором мы пили простенькое пиво, а от дешевой травы, которую мы курили, у меня дерет горло. Я стою на железнодорожных шпалах, заляпанных маслом, вместе с ней, Отвратительным Парнем № 11 и еще несколькими людьми. Нет, я не буду с ней прыгать. Ни за что. Это была идея Кэмбри. На мгновение мне становится страшно — что она снова начнет надо мной издеваться. Я не вписываюсь в компанию ее друзей. Никогда не вписывалась. И никогда не впишусь.

Она улыбается мне.

— Думаешь, я умру?

— Что?

— Как думаешь, Лена, я умру?

— Не умрешь, если сожмешь ягодицы, — влезает ее парень.

Но она спросила меня и теперь ждет моего ответа, а я не уверена, что нужно сказать. Черная железнодорожная шпала разделяет нас, как прилавок, из нее течет липкая смола, словно шпала кровоточит. Кэмбри немного отклоняется, хватается за края конструкции кончиками пальцев рук и согнутыми пальцами ног. Даже у меня в памяти она — это живая, дышащая тайна.

На черном дереве между нами мелом нарисовано несколько различных версий динозавра Боба, рядом валяются сплющенные пивные банки.

Она сильнее наклоняется. Подальше от меня, ближе к пропасти.

Ее вопрос так и висит в воздухе: «Как думаешь, Лена, я умру?»

Я решаю, что не могу ей ответить, не стану. «Я не знаю, — хочется мне сказать. — Это тебе одной приспичило прыгать с моста в полную комаров реку». Мы страдаем от похмелья, хотим пить. Никто больше не надумывает исполнить смертельный трюк и нырнуть в воду. В любом

случае ни у кого нет с собой запасной одежды. Не думаю, что есть у нее.

Но Кэмбри на мосту, и ей нужно с него спрыгнуть, хочет попробовать во время прыжка ухватиться за деревянную балку, которая выходит из каркаса на несколько дюймов в десяти футах под нами, в двадцати над водой. Словно гимнастка на трапеции. Или же ей просто интересно, удастся ли ей этот трюк. Помню, я тогда подумала: *«Я ее ненавижу. Я ненавижу ее импульсивные желания. Ее безбашенное любопытство».*

— Как ты думаешь, Лена, я умру?

Нет. Я не стану ей отвечать.

Она отводит плечи назад, теперь свисает с деревянной конструкции на одной руке, я вижу ее обгрызенные ногти. Вторую руку она отпускает, и та свободно болтается. Она задает мне другой вопрос, не менее идиотский:

— Как ты думаешь, есть жизнь после смерти?

— Типа рая и ада?

— Что угодно.

— Типа призраков?

— Что угодно.

Прежде чем ответить, я думаю.

— Да.

Кэмбри в задумчивости кивает, свисая над голу-

бой водой. Словно что-то там внизу зовет ее. Она снова смотрит на меня, откидывает волосы с лица, у нее на губах появляется печальная улыбка.

— А я нет.

Это меня удивляет. Я видела, как моя сестра хмурится и плачет, но я никогда не видела такого выражения лица.

Потом она соскальзывает с края моста, отпуская руку, та разрезает воздух. Тело Кэмбри и звук голоса, ее тайны исчезают в одно мгновение, я выглядываю и слежу за ней в проемах между пересекающимися балками, она летит…

— Напряги ягодицы…

По ощущениям она парит в воздухе целую секунду, но я знаю, что это невозможно при расстоянии тридцать футов. Я вижу, как в воздухе она тянется к выступающей балке, но ухватиться за нее вытянутыми пальцами не получается.

На самом деле я не одобряла эту выходку.

Она летит вниз, ее рука болезненно отскочила от дерева, я отчетливо слышу этот звук, почти щелчок, чем-то напоминающий движение маятника высоких напольных старинных часов.

Потом она исчезла, врезалась в поверхность воды с громким шлепком, в воздух взмыл гейзер зелено-белых капель и ударил по нижней части

моста. Потом капли упали назад на поверхность воды. Я замечаю разбегающиеся по воде круги в проемах между деревянными костями строения, и этого достаточно, чтобы знать: она вошла в реку ступнями вперед, как и советовал Отвратительный Парень № 11, хотя я никогда не стану спрашивать, напрягала или не напрягала она ягодицы.

Мы ждем, когда ее голова появится над поверхностью воды. На самом деле я чувствую себя одинокой. Ее друзьям нечего мне сказать. Мне нечего сказать им. Я менее веселая копия Кэмбри, и мы оказались тут вместе только потому, что билеты на шоу покупались через «Групон». Я просто провожу пальцем по нарисованному мелом динозавру Бобу, рисунку Кэмбри, и случайно смазываю его глаза большим пальцем.

Кто-то роняет банку пива. Она со звоном ударяется о балку, за которую хотела ухватиться Кэмбри, и со всплеском падает в воду.

Круги, разбегавшиеся по воде там, где нырнула Кэмбри, унесло течением.

Ее парень проползает мимо меня, щурится, задевает ногой еще одну банку пива. Теперь все столпились поближе к краю. Он первым произносит это вслух, хотя все уже думают об одном

и том же.

— Она…

Я чуть отхожу. Я смотрю на воду и жду хоть какое-то движение — в груди нарастает страх. Жду появление ее темных волос. Руки, ноги, любого признака жизни…

— Она исчезла.

«Пусть она исчезнет».

Говорилось в написанной от руки записке.

Писали тонкой синей ручкой витиеватым почерком на бумаге в широкую линейку. Ее прикрепили к встроенной в приборную панель грузовика великолепной радиостанции. Ее явно готовили на заказ, и обошлось это в кругленькую сумму. Приемник ловил девяносто шесть каналов, шесть из них на частотах служб быстрого реагирования, причем две частоты могли использовать только органы правопорядка.

Вторая записка, прикрепленная выше, гласила:

«*Лена Нгуен. Мост Хэйрпин. Без оружия*».

Над радиостанцией, на приборной доске, в лучах яркого солнечного света лежала самка краснохвостого колумбийского удава. Она свернулась в клубок размером с футбольный мяч, но если вытянется в полную длину, то получится одиннадцать футов. Цвет чешуек отливал серебром и варьировался от бледного землистого до цвета высохшей крови. Веки на глазах отсутствовали, глаза не мигали.

На приборной доске виднелись засохшие полосы коричневой и белой, как мел, жидкости, стекавшей сверху вниз. Испражнения змеи не вытерли салфетками из ресторанов быстрого питания. Весь пол был усыпан скомканными обертками от бургеров, упаковками от картофеля-фри, возвышались стопки «Плейбоя» и «Хастлера».

В самом центре, в держателе для чашек, стояла бутылка «Голден Рул» — «Сладкий чай с настоящим сахаром, никаких искусственных добавок!» Она была выпита наполовину, стеклянное горлышко блестело в солнечном свете. На ободке остался жирный отпечаток губ.

В нескольких дюймах от бутылки на водительском сиденье стояла коробка на двадцать патронов для «Винчестера», калибра.30–30 —

«Доказанная убойная сила для дичи среднего размера». Коробки были раскрыты, виднелись золотистые капсюли в пластиковых гнездах. Не хватало семи штук.

Недалеко от коробки в затененном пространстве скорчился один-единственный человек. Мужчина, обитавший в этом гнезде с шуршащими порнографическими журналами и змеиным дерьмом, стоял на коленях на полу у педалей грузовика, правый локоть лежал на руле для более устойчивого положения при стрельбе. В руках он держал винтовку «Винчестер» с рычажным взводом, которую еще называют ковбойским карабином, со стволом из вороненой стали и прикладом из полированного орехового дерева. На нем были выгравированы подписи всех актеров и съемочной группы фильма «Настоящее мужество» 1969 года, с Джоном Уэйном в главной роли. Оружие обитатель кабины пристроил у окна водительского места, в небольшой выемке между стеклом и корпусом — так, что только последний дюйм ствола вылезал на улицу.

Зазубренный железный прицел был направлен в позвоночник Лены Нгуен — единственной и неповторимой Лены Нгуен, для отлова которой его вызвали, как отловщика собак, и которая

сейчас стояла рядом с капралом Райсевиком на мосту, в идущей на север части «шпильки», в тридцати футах от него. Она не видела человека с оружием в грузовике. Она держала пистолет в правой руке, направляя его на Рая. А все ее внимание было сосредоточено на чем-то слева. Это Рай ее так отвлекал — как-то связано с его бумажником.

Пока Лена рассматривала бумажник, Рай украдкой сделал еще один шаг назад, таким образом увеличив расстояние между собой и Леной до пяти футов. Этого будет достаточно, если водитель промажет. Потом Рай украдкой повернулся и посмотрел на грузовик.

— Стреляй, — произнес он одними губами.

Стрелок снял винтовку с предохранителя. В свой прицел он увидел, как Лена резко подняла голову на Рая. Она не могла услышать щелчок предохранителя. Может, она заметила движение его губ? Или обратила внимание, что он отодвинулся? Могла она что-то заметить? Лена снова взглянула на бумажник (что это за отвлекающий маневр?) и робко сделала шаг назад. Стрелок перевел прицел вслед за ней, аккуратно прицелившись в середину ее спины.

У Рая раскраснелось лицо. В ярости он снова

сказал одними губами:

— Стреляй. Стреляй.

Стрелок начал жать на спусковой крючок, но как раз в это мгновение Лена сделала еще один шаг назад. Обитатель кабины следил за ней в прицел, заметил робкий полушажок, потом она бросила бумажник Рая на дорожное покрытие.

Еще один шажок. Прицел следовал за ней.

Наконец она остановилась, одна нога была приподнята. В этот момент Лена напоминала птичку на одной лапке. Она медлила, смерть уже поставила точку у нее на позвоночнике. Стрелок смотрел на нее сквозь прицел. Все решено — она его. Девчонка наклонила голову в сторону, словно прислушиваясь к какому-то шуму вдали, как будто какой-то шепот в сознании предупредил ее о нарастающей опасности у нее за спиной. Но было слишком поздно.

Стрелок продолжал жать на спусковой крючок, еще, еще…

— Стреляй немедленно…

Затем девчонка резко развернулась и уставилась на него, оказавшись лицом к прицелу. Появился черный пистолет, ее вторая рука сомкнулась на нем. Она подняла его и прицелилась. Весь маневр занял меньше полсекунды. Только

водитель-снайпер понял, что происходит, как она уже выстрелила, и из дула ее пистолета вылетел дым.

Боковое стекло у водительского места пошло трещинами — вокруг отверстия мгновенно образовался рисунок, похожий на паутину. Удар был сильным, а стекло хрупким. Пуля разрезала воздух, потом прогремел оглушительный звук удара свинца о металл. Звук выстрела прозвучал через микросекунду — металлический хлопок, преодолевший звуковой барьер. К тому времени в кабине стрелок уже рефлекторно нырнул за дверь, скорчившись.

«Винчестер» свалился ему на колени, его кисти теперь напоминали неудобные боксерские перчатки.

Все произошло так быстро. Эхо пистолетного выстрела затихало. Теперь обитатель кабины сидел на заднице, на куче мусора из хрустящих упаковок кафе быстрого питания. Он поднял голову, глядя на только что появившуюся в окне дыру в форме звезды на фоне белого неба. Судя по ее расположению на стекле, девчонка чуть не попала в него. Промазала на какой-то дюйм или два. С тридцати футов, за какую-то долю секунды приняв стойку для стрельбы. Она резко разверну-

лась и сразу же выстрелила!

Поднимая винтовку и готовясь выстрелить в ответ, он с удивлением прошептал:

— Где же, черт побери, она научилась так стрелять?

Глава 16
История Кэмбри

— Хватай ее. Хватай немедленно…

В темноте Кэмбри узнает встревоженный голос капрала Райсевика. Он где-то рядом, но думает она не о нем. Чьи-то большие пальцы схватили ее за горло. Мужчина в полиэтиленовом одеянии оказался рядом с ней слишком быстро.

Она пытается закричать, но ее шея сдавлена. Его пальцы в перчатках плотно сжимают ей горло. Холодный полиэтилен прикасается к ее коже. От асфиксии кровь приливает к мозгу, мысли в голове плывут.

Она слышит голоса:

— Ты ее схватил?

— Да.

— Точно?

— Рай-Рай, я же сказал, что держу ее.

Второй голос Кэмбри слышит прямо над правым ухом, он приглушен маской. Голос низкий, такое впечатление, что дыхание у этого человека жаркое и влажное. Кэмбри улавливает какой-то сладковатый запах, что-то типа чая.

— Она только что застала меня врасплох. Мог бы предупредить, что она близко…

Говоря это, он сдавливает сильнее ее горло, болезненно выворачивая ее челюсть вверх и в сторону. Горло горит, на глаза наворачиваются жгучие слезы. От давления ее грудь вздувается, яростный крик застревает между ребер.

— Осторожно, — обеспокоенный голос Райсевика звучит громче. — Осторожно. Не оставь на коже синяков…

— Ради всего святого, Рай-Рай…

— Не должно остаться никаких пальчиков, никаких синяков. Вообще никаких улик. Если ты раздавишь ей трахею, будет улика. Просто держи ее крепко. Надо быть осторожным, понял?

Давление руки Пластикмена не ослабевает, но он немного меняет захват под челюстью, ее локти, напоминающие крылья птицы, попавшей в силки, болезненно выкручены. Кэмбри даже не помнит, как так получилось. Этот тип точно использовал этот захват раньше. Они точно проделывали это раньше. Для нее весь вечер представлял собой череду несчастий, но для этих двоих, что между собой бранились, нет ничего необычного. Это пугает больше всего. Кэмбри не может поверить в происходящее.

«Меня убивают. Прямо сейчас».

«Человек, одетый в целлофан, с голосом мультяшного лепрекона из рекламы детского завтрака „Лаки Чармс“».

Кошмарные сны сбываются, но не так, как она ожидала. Ее тащат назад, она с неистовой яростью бьет ногами по земле, пытаясь уцепиться хоть за что-то. Но под ней только ярды скользкой, отвратительной клеенки. Словно стенки в ванне.

«Вот это и случилось, Кэмбри».

«Вот как заканчивается твоя жизнь».

Здесь, на пустынной, богом забытой дороге в округе Хауард, штате Монтана. Ее убивают оборотень в погонах и жирный водитель грузовика. Душит человек, замотанный в пищевую пленку с головы до ног, его руки в перчатках сжимают ее горло. Но она все равно сопротивляется. Ее каблуки царапают пластик. Слышится поскрипывание, похожее на визг.

Спокойный голос снова доносится до ее уха:

— Эй! Знаешь, как удав душит кролика?

«Мне на это плевать», — она сказала бы, если бы могла.

Это продолжается уже двадцать, тридцать секунд, она не может сделать вдох, в груди все горит. Так Кэмбри скоро потеряет сознание. Запас

кислорода в мозгу уменьшается, мысли плывут.

— Ах, да, забылся на мгновение, что ты не можешь мне ответить. — Пластикмен фыркает, звук получается низким и противным. — Видишь ли, у удава розовая пасть с большим количеством искривленных, тонких, как иголки, зубов. Он хватает кролика и впивает в него десяток зубов, похожих на маленькие рыболовецкие крючки, обвивая его тельце, петля за петлей…

Кэмбри чувствует, что хватка на ее левой руке ослабевает. Она вертится, извивается, теперь она может повести левым плечом, захват позволяет. Но надо действовать медленно. По дюйму за раз. Она обливается потом, сил у нее все меньше…

— А затем эти петли сжимаются, очень медленно — как веревочная петля на виселице. Удав давит несильно, но это постепенное, постоянное давление, подобное крепкому рукопожатию. У кролика в груди даже может оставаться воздух, если тот сделал полный вдох перед нападением. Наверное, кролик думает, что с ним все будет в порядке, ему удастся выжить. Но это до тех пор, пока он не выдохнет.

Сил у Кэмбри осталось совсем чуть-чуть…

Она начинает вертеться сильнее, к ее ужасу, на нее спускается новая и более плотная тьма, обво-

лакивающая ее мысли. Во рту Кэмбри ощущает запах какой-то гнили. Он везде — даже на зубах. Речная вода. Зеленые водоросли.

— Понимаешь, как только кролик выдыхает, его грудь немного сжимается, а захват удава усиливается, плотнее сжимает кролика, чьи легкие больше никогда не наполнятся воздухом полностью. При этом несильном, но постоянном сжатии каждый вдох становится чуть меньше, чуть слабее…

Кэмбри продолжает вертеть рукой, пытаясь освободиться, мучительно, дюйм за дюймом, не совсем понимая, что происходит. Но вот она уже снова в реке Якиме под железнодорожным мостом, попала в капкан под стеклянной поверхностью воды, ее легкие раздувает от ужаса. Она мечется, бьет ногами под тяжелым одеялом холодной воды, и никто не спешит ей на помощь.

— А через три, четыре или десять вдохов… легкие кролика никогда не смогут расширяться.

Мышцы Кэмбри Нгуен превращаются в желе. Ее тело обмякает.

Она все глубже и глубже уходит в разрушительную черноту реки, тонет и тонет. А его гнусный голос продолжает раздаваться у нее в голове:

— Не ты первая. Не ты последняя. Для удава ты

не представляешь собой ничего особенного. Ты просто удовлетворяешь его потребности. Тебя не станет, а он о тебе и не вспомнит.

«Лена, — думает Кэмбри, погружаясь на глубину. *— Обо мне будет помнить Лена. Она придет за мной. Она уже выехала…»*

Глава 17
Лена

Я ударилась о воду, и на долю секунды она показалась мне твердой и непробиваемой, как асфальт. Кажется, что я влетела в нее, словно насекомое в лобовое стекло. Из груди вылетает воздух. На голенях и коленях останутся синяки — я сразу чувствую в них боль.

Не помню, как я решила прыгнуть вслед за ней.

Просто взяла и прыгнула.

Но я помню само падение, как Отвратительный Парень № 11 и остальные исчезли за моей спиной под шум свистящего воздуха, напоминающего рев турбинного двигателя. Падая, я ничего не понимала. Небо, опоры моста и вода поменялись местами. Приземлившись, я почувствовала, что все сделала неправильно: ударилась о воду боком. Совершенно точно ягодицы я не напрягала.

И теперь я не знаю, где поверхность. Я все еще кручусь, хотя под ледяной водой, затуманенной многочисленными пузырьками, движение за-

медляется. Болят зубы. Звон в ушах. Я открываю глаза, вокруг все расплывается, вдали прорезаются солнечные лучи. Пальцы жутко болят. В темноте я пытаюсь нащупать сестру. Но ее нет.

По крайней мере, я теперь знаю, где небо, ожидаю, что кто-нибудь еще пробьет блестящую поверхность и, падая, сломает мне шею. Требуется еще несколько секунд, чтобы понять: никто из друзей Кэмбри — даже ее парень — не собирается прыгать с моста и искать мою сестру.

Решилась только я. Только я прыгнула.

Я одна под тяжелым холодным одеялом. Нечем дышать. Давление. От удара о воду у меня перехватило дыхание. Понимаю, что надо работать ногами и плыть вверх сквозь слои более теплой воды, надо пробить поверхность, которую освещает солнце, сделать большой глоток воздуха перед тем, как снова нырнуть.

Я не смогу. Я плохо плаваю. Пловчиха из меня никудышная. Я не могу нырять слишком глубоко. Поэтому только сейчас, в эти секунды, когда, прыгнув с тридцатифутового моста, я погрузилась достаточно глубоко, у меня есть возможность — моя единственная возможность — найти Кэмбри. Так глубоко я больше не нырну, а у нее заканчивается воздух. Я для себя уже ре-

шила: если моя сестра здесь утонет, то утону и я.

Я нахожу искривленные корни деревьев. В моих пальцах путаются скользкие неведомые растения. Я их сбрасываю, но тяжелыми кликсами ко мне прилипают другие. Мои легкие горят огнем, мозг, требуя кислорода, сигнализирует в глупом отчаянии, убеждает меня открыть рот или вдохнуть этой темной воды.

Буду честна. Я почти не помню, как искала сестру в этом холодном давящем склепе.

Только знаю, что нашла ее.

Мы вместе выныриваем на поверхность. Жадно хватаю ртом воздух, чувствую боль в горле, давлюсь зеленой водой. Яркий солнечный свет бьет в глаза. Я не помню, чтобы день когда-либо казался мне таким ярким. Я держу сестру, не знаю, в сознании она или нет, и вообще жива ли.

Я пытаюсь держать наши головы над поверхностью воды, потом ложусь на спину и плыву на спине. Берег не вижу. Только огромное голубое небо, а также черный, как смоль, мост, с которого мы прыгнули, его балки и перекладины. Он расплывается у меня перед глазами, периодически на нас накатывает волна. Грудь пульсирует, после каждого гребка разбитые руки и ноги, кажется, болят еще больше. У меня заканчиваются

силы. Я слабею. Мы снова тонем.

Голова Кэмбри у меня на плече. Волны накрывают ее лицо, я боюсь на нее смотреть. Боюсь, что она уже мертва. Если бы у меня хватило дыхания, я бы извинилась перед ней, потому что я не смогла ее удержать. Я позволила ей умереть. И сейчас мы обе исчезнем под этими волнами. Нас тянет вниз…

Каменистая почва царапает мне спину.

Мы на берегу.

Вылезаю на холодный берег и вытягиваю Кэмбри, тащусь по мокрому песку. Кашляю, выплевывая воду, потом еще траву и какие-то веточки. Появляются остальные: ее парень и друзья пошли по шпалам, потом спустились с моста. Они выбрали долгий путь — и только сейчас окружают нас, спрашивают, все ли с нами в порядке. Лес рук, ног, плеч закрывает солнце. Кэмбри рядом со мной растянулась на песке, а Отвратительный Парень № 11 пытается ее посадить. Я боюсь посмотреть ей в лицо. О Боже, если она без сознания, никто из нас не знает, как делать искусственное дыхание.

Ее глаза широко раскрыты.

Он обнимает мою сестру, но я вижу ее взгляд — она прекрасно осознает происходящее. И во

взгляде есть благоговение и ужас, словно она только что встретила Смерть с косой и стала свидетельницей окончания своей жизни в черной воде. Это трудно описать, но мне показалось, будто я ее уже потеряла каким-то неосязаемым образом.

От ее брови вниз спускается свежая красная царапина, капельки крови скатываются на ресницы. Она смаргивает их. И только сейчас я понимаю, что случилось. Тот стук, который я слышала, не был ударом запястья о балку.

Мы молчим. Только сидим и дрожим, сил у нас нет. Потоки слов льются из других. Они хлопают нас по спинам, подбадривают, шутят. Кто-то открыл еще одну банку пива и сует мне под нос. Вскоре мы оттуда ушли. Ее друзья отправились каждый своей дорогой. Большинство из них я больше никогда не видела. Один из них умер в прошлом году, как я узнала из «Фейсбука». Чем-то передознулся.

Мы с Кэмбри об этом никогда не говорили. Домой мы поехали на разных машинах, а на следующей неделе она съехала. По комнатам словно летало торнадо — хлопали двери, летали вещи. Не думаю, что она еще когда-либо появлялась у реки Якимы или у того моста. Если быть абсо-

лютно честной, то я даже не могу сказать, знала ли она, что это я прыгнула за ней и вытащила ее. Наверно, она решила, будто ее спас парень. Уверена, он от этого в восторге. Кто знает, может, кто-то из друзей рассказал ей, как все было на самом деле? Лично я ничего не говорила.

Я делюсь этим не для того, чтобы похвастаться. Просто есть вероятность, что меня убьют и поделиться этим рассказом с вами я не смогу. А мне это воспоминание нравится, всегда нравилось. И я вспоминаю эту историю, когда мне говорят, что надо помнить хорошее. Думаю о спасении Кэмбри не из тщеславия, а просто потому, что совсем ненадолго, на несколько ужасных мгновений наши неполные сестринские отношения стали полными и значимыми. Ей требовалась помощь, и я ей помогла.

Надеюсь, что она знала: спасла ее я.

Не ее парень, этот давно забытый мешок с дерьмом.

Надеюсь, что она знала, что я любила ее. Что люблю до сих пор. Может, я ее почти не знаю, но, несмотря на пропасть между нами, что тогда, что сейчас, если бы ей потребовалась моя помощь, я без колебаний последовала бы за ней.

Поэтому завтра я снова без раздумий прыгну в

темную воду.

И на этот раз, что бы ни случилось, я знаю, что не смогу ее вытащить. Боже, а как бы мне этого хотелось. Мне хочется, чтобы рассказы о призраках у моста Хэйрпин оказались завтра реальностью, и я обнаружила бы, что ткань времени и пространства там очень тонкая, и я смогу проскользнуть из настоящего в прошлое, в тот момент, когда Райсевик ее убил. Я потяну за нить и изменю ее судьбу, сделаю так, чтобы Кэмбри никогда не останавливалась на этом мосту и осталась навсегда в моей памяти как бегущая девчонка, исследующая трассы и проселочные дороги от Уайт-Сандс до Эверглейдс. Эта девчонка все время была в движении вместе со своим блокнотом, и она никогда, вообще никогда не останавливалась. Я готова была поменяться с ней местами. Не думая ни секунды. Как жаль, что я не могу этого сделать.

Но, может, когда на том мосту я брошу вызов ее убийце, то пойму, что с ней случилось. Может, я узнаю немного больше о том, какой она была на самом деле. Может, я стану лучше спать, закончатся ночные кошмары, и прекращу видеть пластиковые пакеты, вылезающие кишки на потолке своей спальни и слышать вырывающиеся

из горла крики ужаса.

А если у меня ничего не получится…

Всегда остается месть.

Меня устроит и она.

Лена сомневалась, что ее единственный выстрел задел стрелка в кабине. Она видела, как трещины пошли по наполовину открытому тонированному стеклу. Вверх взметнулся ствол винтовки, а потом упал.

И тишина.

Звук выстрела ее «Беретты» прокатился, как раскат грома, по открытому ровному месту. Стреляная гильза с легким звоном ударилась о бетон. Лена бросила сумочку и поправила стойку для стрельбы, прицеливаясь на дверцу у водительского места. Старик нырнул вниз, теперь его не было видно. Он залег на полу, или, возможно, она по нему попала. Лена надеялась, что попала, но знала, что ей вряд ли повезло. Не сегодня.

Мысли проносились в голове на огромной скорости. В руке слегка подрагивала «Беретта».

«Они убили мою сестру. Оба».

Все сходилось на этом: одноглазый водитель грузовика с дурацким акцентом и коррумпиро-

ванный сотрудник дорожно-патрульной службы. Она была готова поймать убийцу Кэмбри. Но не *убийц*. Несмотря на все планирование и стратегию, она допустила серьезную ошибку, которую осознала только сейчас. Предположение было неправильным, но до сегодняшнего дня она и не думала встретить на мосту Хэйрпин, на этой проклятой Шпильке несколько врагов. Под дулом пистолета она могла держать одного человека. Но не двух. Точно не этого незнакомца с винтовкой в грузовике и Райсевика одновременно…

«Райсевик», — вспомнила она и дернулась в ужасе. Она о нем забыла и дала ему передышку, которую он только и ждал.

Она резко повернулась влево, целясь в закованного в наручники полицейского. Она боялась, что он готовится к броску, вырвет из пальцев «Беретту». Но нет. Он опустился на дорожное покрытие и ворочал руками в наручниках у себя за спиной, повел их вниз к лодыжкам, подобрался к ботинкам…

— Эй! — крикнула она, не зная, что еще сказать. — Прекрати.

Эхо ее выстрела все еще звучало вдали. Странное время, чтобы чувствовать неловкость при общении.

Райсевик на бетонном покрытии продолжал как-то странно ворочать кистями у ступней. Вроде хотел продеть ноги в образовавшееся кольцо. Выглядело это странно умилительно, подобно перевернувшейся на спину черепахе. Он поднял голову, посмотрел в сторону грузовой фуры и заорал:

— Убей ее.

Лена инстинктивно прицелилась в него. На долю секунды ее охватила дикая паника, нервы были на пределе, и она чуть не пристрелила Райсевика. Прямо здесь, в живот.

Он закричал громче, у него на губах повисла слюна:

— Стреляй в нее! Стреляй! Стреляй же…

«Грузовик, — кричало ее сознание. — *Чертов грузовик со стариком и винтовкой…»*

Воздух стал липким. Лена тонула в адреналине, словно в зыбучем песке. Девушка резко повернулась к фуре. Да, винтовка снова торчала в окне, над дырой от выпущенной ею пули. Ствол был направлен прямо на нее. Вспышка невероятно яркого света…

Лена упала на бетон под грохот оглушительного взрыва. Пуля большого калибра рассекла воздух и унеслась дальше, просвистев прямо у

нее над головой. Лена лежала, распластавшись на дороге, потом повернулась, прицелилась и выстрелила.

Плохой выстрел. Она даже не уверена, что попала в грузовик.

Винтовка дернулась, съехала в сторону. Лена не видела скорчившегося в кабине мужчину — только мелькание темной движущейся тени. На несколько дюймов показалась верхняя часть головы, он снова в нее целился. Вероятно, ударной волной выбило потрескавшееся окно — сине-белым дождем посыпались кусочки стекла. Лена не знала, какое именно у него оружие, но однозначно оно было большим. И стреляло громко. А он был готов палить по ней снова.

«Я на открытом пространстве».

Ей требовалось укрытие. Надо было спрятаться за чем-то твердым и прочным. В двадцати футах позади слева стояла «Тойота» Кэмбри. Она должна подойти.

Лена стала подниматься.

— Она сейчас сбежит, — прозвучал голос Райсевика.

Вначале Лена оперлась на ладони, ствол «Беретты» царапнул по дорожному покрытию — скрежет и скрип песка — затем приняла беговую

стойку для низкого старта и сорвалась с места.

«К машине! Времени нет…»

Мужчина из грузовика снова выстрелил. И снова Лена почувствовала, как пуля пронзила воздух и врезалась в дорожное покрытие слева, осыпав ее кусочками бетона. Покачиваясь, она бежала дальше. В глаза попала пыль, а в воздухе продолжал звучать грохот выстрела. На бегу Лена повернула голову влево и проверила, что делает Райсевик. Он тоже встал с дороги, но нагнулся к одной ноге, приподнял штанину и продолжал орать:

— Пристрели ее, пристрели ее!

Она высоко поднимала пятки. Работала руками.

«Не останавливайся».

Лена приближалась к голубой машине сестры, последние пять футов она почти летела: бросилась на машину, прокатилась по багажнику и больно приземлилась на спину, а потом еще проехалась по неровному грубому покрытию. Копчик спасли джинсы, но она сильно расцарапала правый локоть, словно по нему прошлись теркой для сыра.

Лена вскрикнула, продолжая катиться.

Выстрел ударил по «Тойоте» — слетел номерной

знак. А Лена так и катилась дальше и остановилась, только врезавшись коленом в ограждение моста. Но уже в безопасности за машиной. У нее получилось.

До нее долетело облако пыли, накрыло и пошло дальше. Сердце судорожно стучало в груди. Ничто из этого не казалось реальным. То, что произошло за последние двадцать секунд, просто не могло случиться. Ее наполнил грубый, примитивный, бессознательный страх оттого, что в нее стреляли и она стреляла сама.

«Беретту» она теперь держала в левой руке, не помнила, как перекладывала оружие из одной руки в другую, но, вероятно, сделала это. Коленная чашечка пульсировала в том месте, где она ударилась о столб ограждения. Жгло локоть, где она содрала кожу. Она чувствовала, как горячая и липкая кровь катится по ее руке вниз, намочив рукав. А солнце, которое било в глаза, было странного, неестественного оранжевого цвета. Воздух потемнел от дыма лесного пожара. Происходящее напоминало странный сон: солнце казалось умирающей звездой у какой-то чужой планеты.

«Сосредоточься». Мысли текли в различных направлениях. Ее отвлекали миллион деталей и ощущений. Лена перекатилась на живот и

поползла к переднему крылу «Тойоты», прижалась спиной к металлу, чтобы ее защищал блок цилиндров. Самая мощная, самая труднопробиваемая часть любой машины.

С другой части «шпильки» снова выстрелили из винтовки. Пуля влетела в «Тойоту», послышался звук удара о металл. Лена почувствовала отдачу у себя в костях. Она тоже содрогнулась и чуть не выронила «Беретту» между колен.

«Упокойся».

Дрожащими пальцами она протерла глаза от пыли, пытаясь собраться с мыслями.

«Успокойся, Лена. Подумай».

Водитель грузовика стрелял, словно из снайперского укрытия, устроившись у себя в кабине на другой половине моста. Но он не попадет, если не поменяет положения. Она защищена машиной Кэмбри. Лена едва сюда добралась, сильно повредила локоть — потребуется его зашивать — но временно в безопасности.

Хотя его громоподобное оружие — что бы это ни было — определенно превосходит по дальности стрельбы ее «Беретту Р×4». И по мощности. И точности. И шуму. И вообще по всем параметрам.

«Сосредоточься. Что бы сделала Кэмбри?»

Лена, сидя боком, только одним глазом выгля-

нула из-за капота. Водителя грузовика видно не было. Хотя Лена заметила движение: ствол винтовки двигался в окне, прицеливался, готовился снова стрелять…

Поэтому Лена выстрелила первой.

Она приподняла «Беретту» над разогретым капотом и выстрелила по тому месту, где, по ее прикидкам, находилось лицо ублюдка. Один выстрел за другим. Это была паническая стрельба по теням, которые мелькали в кабине. Она стреляла быстро и считала оставшиеся патроны в уме: *«Осталось двенадцать, одиннадцать, десять, девять, восемь»*. При этом она знала, что отправляет пули, не приносящие ему никакого урона, они свистят у него над головой, влетают в одно окно, вылетают из другого. Он спрятался в укрытии и ждет. Она надеялась, что ей повезет, одна из пуль срикошетит, или же он получит пулю в лоб, просто решив выглянуть из окна.

Вдали в жарком и спертом воздухе с каким-то металлическим отзвуком прозвучал голос. Лена узнала дурацкий акцент лепрекона из рекламы, и, в замешательстве, все внутри нее опустилось.

— Она расходует патроны.

В ярости она выстрелила еще раз (*«Теперь осталось семь, черт побери»*) и разбила зеркало у

кабины грузовика. Кусочки стекла полетели на дорогу. Она даже его не задела. Какой постыдный промах. Сколько игральных карт она уже пропустила? В клубе «Меткие стрелки» она никогда, вообще никогда так не мазала.

— Как думаешь… — водитель грузовика разразился гнусным смехом. — Как думаешь, у нее есть запасной магазин?

Лена прекратила стрелять и нырнула за капот.

Райсевик на вопрос не ответил. Но ответ был «да». Она взяла с собой второй магазин для «Беретты» на семнадцать патронов, но в кобуре на поясе не имелось отсека для запасного магазина. В карманы джинсов она его засунуть не могла — это сразу же выдало бы ее. Поэтому она положила его в сумочку. А сумочка сейчас валялась в центре моста, в двадцати футах от нее, где она ее уронила после того, как первая пуля просвистела у нее над головой.

И теперь она прячется за капотом «Короллы», заслоняясь ее двигателем. А больше половины магазина уже израсходовано.

«Проклятье».

Ей хотелось врезать кулаком по бетонному покрытию.

— Тупая сука, — из кабины грузовика послы-

шался легкий смешок. — Наверное, это первая в ее жизни перестрелка…

Кто бы ни был этот человек, она испытывала к нему отвращение и ненависть. И еще она презирала себя за то, что поддалась давлению. За то, что зря потратила ценные боеприпасы. За то, что сделала все так, как они предполагали, за то, что показала себя испуганным профаном, как они и считали. Но она была лучше, должна быть лучше.

Она покраснела от грустной мысли: *«Что подумала бы Кэмбри?»*

И ответила сама себе: *«Она посоветовала бы мне быть жестче. Быть умнее и хитрее. Она сказала бы: сопротивляйся изо всех сил, Крысиная Морда».*

Еще один выстрел из винтовки, пуля с грохотом вошла в блок цилиндров «Тойоты». Лена дернулась за капотом и боковым зрением заметила движение — Райсевик переместился в другое место. Теперь он стоял перед своим черным «Доджем», слева от нее. Ничем не защищенный, на открытом месте, словно контуженный солдат. Она прекрасно его видела. И на какое-то мгновение они встретились глазами. Это не укладывалось в голове.

На его лице отсутствовали эмоции. Никакой спешки. Просто спокойствие, хотя и немного окрашенное отчаянием, как и когда он просил ее уйти. По ощущениям это было так давно. Странно — это чем-то напоминало стокгольмский синдром, но при виде капрала Райсевика Лена на самом деле испытала небольшое облегчение. Может, все дело в том, что он представлял меньшую опасность в наручниках и без оружия, но Лена почти обрадовалась при его виде, словно приветствовала старого друга.

Затем Райсевик поднял обе руки, скованные наручниками, и мгновенно она узнала маленькую вещь, которую он в них держал. Компактный револьвер. Его глаза смотрели холодно, так ничего и не выражая.

«О, как же это он…» — успела она подумать.

Оружие рявкнуло, и боковое зеркало «Тойоты» разлетелось на части, осыпав Лену кусочками стекла и пластика. Она снова легкая мишень. Лена рухнула на живот, выставила пистолет на Райсевика, сжала его так, что побелели костяшки пальцев, и сделала два выстрела в ответ. Она даже не смотрела в прицел, а действовала рефлекторно.

На лобовом стекле «Доджа» появились трещи-

ны в форме морской звезды, справа от Райсевика. Он нырнул за машину. Скрылся из вида.

Он вернется.

«Теперь у меня осталось пять выстрелов».

Она на корточках передвигалась вдоль машины, а встревоженный голос в ее голове говорил: *«Это нехорошо».*

Она жалась к машине, с одной стороны ее поджидал огонь винтовки, а с другой — полицейский револьвер. Она попала в перекрестный огонь под углом в девяносто градусов. «Тойота» не могла закрыть ее с обоих углов. Лена это понимала. И они это вскоре поймут. Она прижалась к горячему металлу машины, подтянула голени, расправила плечи, но этого было недостаточно.

«Лена, они достанут тебя с двух сторон».

Простая геометрия. Она ничем не защищена. Слева, с ее незащищенной стороны, из-за своего «Доджа» снова вылезет Райсевик и выстрелит по ней.

«Это нехорошо. Это совсем нехорошо».

Она прижала правую руку, из нее опять пошла кровь. Между пальцев Лена видела капли, яркие, как кетчуп, чувствовала запах пороха. Больше деталей, больше отвлекающих моментов. Она убеждала себя: *«Будь как Кэмбри, которая бро-*

дяжничала на своей машине. Сосредоточься на важном. Отбрось все остальное».

Она поймала себя на том, что с отсутствующим видом накручивает пряди волос на указательный палец и яростно их дергает. Она не могла в это поверить. Она дергает себя за волосы даже сейчас?

Даже во время перестрелки?

Снова прогрохотала винтовка. «Тойота» содрогнулась, жидкость из двигателя выплеснулась на дорогу. После последнего выстрела из грузовика прошло какое-то время — может, водитель перезаряжал винтовку. А если так, то теперь в ней всего пять патрон. Но это также был отвлекающий момент, потому что главную опасность представлял не жирный ублюдок в другой части моста. Опасность исходила от Райсевика. Слева от нее.

Она снова прицелилась в патрульную машину и выждала, когда он опять появится. Соленый пот жег глаза. «Беретта» подрагивала в руках, а вместе с ней и картина, которую Лена видела сквозь прицел. Она не могла сосредоточиться и использовать центральную и боковые линии прицеливания.

Она понимала, что шансов почти нет. Райсевик мог воспользоваться прикрытием. Лена — нет.

Она была у него на виду. Он же рисковал только своим лицом. Если вспомнить ее любимый постер, то из пятидесяти двух карт она попала бы в половинку одной.

«Не промахнись».

Ее указательный палец пополз к спусковому крючку и нажал его до половины — с точностью до миллиметра. По руке пробежала судорога. Ребята в «Метких стрелках» называли это «спуск с предупреждением».

— Рай-Рай, — раздался в спертом воздухе с другой части моста знакомый голос с ирландским акцентом, таким непривычным в Монтане. — Слышь, Рай-Рай!

Из-за машины прозвучал голос Райсевика — слишком близко к Лене.

— Что?

— Ты ее видел?

— Да, видел эту маленькую сучку.

«Они сговорились».

Услышав их разговор, Лена почувствовала, как по коже пробежал холодок. Им было плевать, что она их слышит. Их было больше. Они ее окружили.

— Знаешь… — голос Райсевика стал тише и напоминал рычание. — Она у меня как на ладони.

Лена прицелилась. У нее не было выбора. Чуть сдвинешься — и мгновенная смерть. Снова раздался выстрел из грузовика, но Лена не обратила на него внимания. Она знала, что это еще один отвлекающий маневр, чтобы не дать ей выстрелить. Она должна была оставаться на месте, так Райсевик ее бы точно пристрелил.

Теперь она заметила расплывчатое очертание его фигуры за габаритными огнями патрульной машины. Она снова выстрелила, но слишком поздно. Еще один зря потраченный патрон.

«Идиотка. Осталось четыре».

Она целилась, держа пистолет вытянутыми руками, сильно прикусила язык. В глаза скатилась очередная капля пота — Лена сморгнула.

«Ты проигрываешь».

— Она тратит боеприпасы, — крикнул Райсевик. — В штаны уже наделала.

Ей хотелось крикнуть в ответ: «О себе говори, ублюдок». Но это значило зря сотрясать воздух и тратить силы. Он загнал ее в угол. Прижавшись к машине, она была не в выигрышном положении. И он это понимал.

— Она знает, что деваться ей некуда, — негромко ответил полицейский. — Бежать некуда. Переместиться некуда. Я ее тут прижал. С моей

стороны она полностью открыта — вообще никакого прикрытия. Между нами ничего…

Лена схватилась за дверцу «Тойоты» и открыла ее — хоть что-то между нею и Райсевиком.

— О, черт ее побери…

Она низко пригнулась. Теперь от револьвера Райсевика ее прикрывала открытая дверца. А от винтовки водителя грузовика — блок цилиндров. Уголок безопасности.

— Что там? — закричал мужик из грузовика. — Что случилось, Рай-Рай?

— Ничего. Все в порядке.

— Она от тебя закрылась дверцей?

— Я сказал: все в порядке.

Лена рассмеялась, вдохнула горячий воздух. Она скорчилась у спасительной дверцы переднего пассажирского сиденья «Тойоты», чуть ее не захлопнула. Она придерживала ее одной ладонью и одновременно подсунула под нее колени. Так легче съежиться и стрелять в ответ.

Она все еще участвовала в этом сражении, защищенная с обеих сторон, прижимаясь к машине, словно впившийся клещ. «Беретту» она держала в правой руке. Количество патронов в пистолете уменьшилось, и он стал заметно легче. Лена находилась в ужасном положении:

ее окружили, а в руках был всего один пистолет с четырьмя патронами. Но она не опускала руки! Пыталась выбраться из этой передряги. Ну и знатных же хлопот она доставила этим двоим. Одобрила бы ее действия неуживчивая спартанка Кэмбри? Лена надеялась, что да.

«Хороший ход, Крысиная Морда. Продолжай в том же духе».

— Эй! — внезапно прокричал полицейский своему приятелю. Вопрос прозвучал очень резко. — А какая разница между укрытием и маскировкой?

Странная тишина.

— Не знаю, Рай-Рай, — ответил водитель грузовика. — Какая?

У Лены кровь застыла в жилах.

«Что лучше: укрытие или маскировка». Это вызвало еще одно воспоминание из «Метких стрелков». Что-то похожее там было написано. Где же она это видела? На постере? Да. Постер с картинками у туалетов, слева от питьевых фонтанчиков. Тот же вопрос, а картинки разделены на два столбика. Укрытие — это валуны, цементные блоки, кирпичи. Маскировка — это кусты, стены, мебель…

— Да стреляй же в нее…

…и дверца машины.

Крашеный металл взорвался всего в нескольких дюймах от ее лица. Шрапнель порезала щеку. В ужасе она вскрикнула, рукой прикрыла лицо и рухнула на дорогу. Райсевик выстрелил снова. В дверце появилась вторая дырка, разбилась ручка — она разлетелась на пластиковые обломки.

Его выстрелы отдались эхом в долине, напоминая резкие раскаты грома.

Лена так и лежала, распластавшись на дороге, прижимала щеку к бетону. На зубах она чувствовала кровь с привкусом меди.

— Она закричала! — захихикал водитель грузовика. — Я слышал. По звуку — точно так же, как Кэмбри…

Скорчившись за дверцей в позе эмбриона, Лена перевела дух. Все еще жива? Да. На языке она чувствовала краску с «Тойоты». Еще она чувствовала тепло на щеке, из множества крошечных порезов сочилась кровь. Над головой рассыпалось окно, и ее окатило душем из сине-белых кусочков стекла. Дверца и вправду являлась маскировкой, а не укрытием. Пули Райсевика пробили ее насквозь, словно картонку.

«Глупо, — подумала Лена. — *Как же глупо. Надо было внимательнее читать постеры».*

И она вдруг поняла, что в руке у нее ничего нет,

в панике она уронила «Беретту».

Из кабины грузовика раздался поросячий смех.

— Мне… мне очень понравился тот крик…

Она нашла свой пистолет на дорожном покрытии слева, схватила его ничего не чувствующими, скользкими от крови пальцами и случайно задела спусковой крючок — пистолет выстрелил в бок «Тойоты».

«Осталось три патрона. Три выстрела, тупая растяпа».

— Рай-Рай, ты по ней попал?

— Не знаю.

— Ну так стреляй снова. Ниже.

— Хорошо.

Судя по голосу, он сосредоточился — и снова целился в дверцу.

От ужаса у Лены скрутило живот.

Она уже прижалась к бетону, ниже некуда. Места для перемещения куда-то в сторону не было. Бежать некуда. Она могла только закрыть глаза, прикрыть лицо и ждать.

В эти ужасные для нее секунды, которых оставалось все меньше и меньше, она попыталась представить лицо Кэмбри, выжечь его в своем сознании. Но не могла. Ее мысли, словно вода, утекали. Она пыталась за что-то ухватиться, хоть

за что-нибудь. Вспоминалось только плохое. Выяснения отношений. Полиэтилен. Дымящиеся кишки. Барби без лиц. Нож двенадцатилетней Кэмбри разрезает мех самки оленя, выплескивается теплая кровь. Глубоко засевшая боль после сна, увиденного прошлой ночью, когда Кэмбри отвернулась от нее, ругала и куда-то гнала даже из могилы: *«Давай, Лена. Пожалуйста, действуй. Иди и действуй…»*

Револьвер Райсевика снова рявкнул, и голубую краску над головой у Лены опять пробило. Появилась третья дыра. Ее накрыло взрывной волной, осыпающимися мелкими кусочками и пылью. Лена задерживала дыхание, пока не затихло эхо. Она ждала резкую боль от пробитой кости или окончания своего земного существования, света в конце туннеля. Но ничего не было.

Эхо выстрела стихло.

Все еще жива? Да. Над головой просвистела третья пуля. Ей повезло. Она держала «Беретту» в руках с побелевшими костяшками пальцев, в окружении кусочков стекла и прислушивалась, постоянно моргая из-за того, что капли пота застилали глаза.

— Попал?

— Надеюсь.

Он явно ухмылялся. Она не могла видеть его лицо, но знала: это та самая ядовитая ухмылка, которую она уже один раз сегодня видела, где-то час назад.

«Но себя-то она выбросила».

У Лены перехватило дыхание, в горле стоял ком, сердце судорожно колотилось в груди. В отчаянии она дала себе обещание убить его. Она убьет их обоих. Забудет о своем желании отдать их под суд. Забудет о магнитофоне. Забудет о книге. Происходящее сегодня — это не сбор улик для возбуждения дела, чтобы действовать через официальные инстанции. Сегодня она здесь, чтобы *убить* тех, кто лишил Кэмбри жизни.

Но прямо сейчас ситуация на их стороне.

— Лена, ты все еще жива? — заорал Райсевик.

Она не ответила.

— Ты проехала весь этот путь, чтобы выяснить правду. Ну, так что думаешь? Оно того стоило? Лена, я предлагал тебе уйти. Такой возможностью стоило воспользоваться.

Она не ушла бы. Даже сейчас.

Его голос стал более мрачным:

— Знаешь, ты — это все, что осталось от твоей сестры.

Она молчала.

— Поэтому когда мы сегодня убьем тебя, Лена, это будет означать, что она исчезла навсегда. Стерта с лица земли.

«Он хочет вывести меня, — поняла Лена. — *Пытается заставить меня говорить».*

— Тебе следует знать, Лена, — сказал он и добавил более тихим голосом: — Я с ней спал.

На такое она не клюнет.

— Лена, ей нравился мой член.

Она все равно молчала.

Ждала. И они ждали. Тишина становилась все более и более напряженной.

Над мостом мелькнула тень. Над их головами пролетел стервятник, его черные крылья на мгновение закрыли солнечный свет, а их взмахи звучали как вздохи.

«Лена, жди, — она затаила дыхание. — *Жди и заставь их что-то предпринять».*

— Рай-Рай, ты мог бы предупредить меня, что у нее с собой оружие, черт тебя побери, — наконец резко прокричал водитель грузовика. — Я не остановился бы так близко…

— Я не знал, что она привезла оружие, — оправдывался Райсевик.

— Ты ее не обыскивал?

— Это была неформальная встреча.

— И ты еще удивляешься, почему не прошел отбор в академию?

Водитель грузовика говорил со злостью. С ненавистью.

Лена с наслаждением слушала их перепалку. Теперь она дышала спокойно. Она не смела двинуться с места — ее выдаст даже легкий треск стекла. Она сжимала «Беретту», липкую от ее собственной крови, и целилась в дверцу. Если она изобразит из себя труп, то заставит Райсевика подойти поближе и удостовериться, что он ее убил. Тогда она отправит ему пулю в лицо.

— Она может притвориться мертвой, — снова послышался голос из грузовика. — Чтобы ты подошел к ней.

— Я знаю.

«Ради всего святого!» Она могла бы обойтись без комментариев.

— Будь осторожен, Рай-Рай.

«Рай-Рай». Ей страшно не нравилось это прозвище Райсевика, которое мужик из грузовика произносил еще и нараспев. Никакой любви, симпатии, даже юмора в нем не слышалось. Это была насмешка — сарказм и яд.

Она услышала глухой щелчок, потом еще один. И еще. Ее уши, не отошедшие от выстрелов, по

ощущениям были заткнуты ватой. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы понять: это легкий звук шагов по дорожному покрытию. Ботинки Райсевика.

Он приближался.

Это был ее шанс. Оперевшись на локти, она села прямо, чтобы было удобно стрелять. Под ней захрустели осколки. Сердце в груди билось так часто и сильно, что перед глазами появлялись яркие цветные круги. Она слушала шаги полицейского, он приближался. Казалось, звуки звучали громче, чем были на самом деле. Дуновение ветра. Звон у нее в ушах.

Его шаги изменили курс. Он пошел вправо. Она поняла: вместо того, чтобы подойти прямо к раскрытой дверце, он хочет обойти ее справа.

Лена поменяла положение, теперь ее спина касалась пробитой пулями дверцы. Она прицелилась вправо.

— Ты только не стреляй, я как раз между вами.

С каждым шагом его голос смещался. Стрелок в кабине нацелился на Лену, он прикрывал Райсевика, пока тот шел. Лена не могла двигаться, ее окружали. Это было несправедливо, но в перестрелках вообще не приходится говорить о справедливости. Дуэли — для художественных

фильмов. В перестрелке надо получить преимущество, сделать так, чтобы шансы были в твою пользу, играть грязно и хитро.

Подходя, он замедлил шаг. Теперь Райсевик обходил «Тойоту» спереди, шел мимо фар с взведенным револьвером. Ему предстояло повернуть, и он двигался очень осторожно, дюйм за дюймом.

Лена скорчилась у переднего колеса. Она приподняла «Беретту» дрожащей рукой, прикинула, где должно появиться лицо полицейского. И прицелилась в задымленное небо. Она держала указательный палец на спусковом крючке и сосредоточилась на шагах Райсевика. Скрип кожи. Стук каблуков.

Теперь совсем близко.

— Рай-Рай, она мертва? — закричал водитель грузовика.

Он не ответил. Еще один шаг. Он в десяти футах? Восьми?

— Рай-Рай?

Она держала выбранное место на прицеле и ждала.

Глаза заливал пот. Она часто моргала.

— Рай-Рай! Эй! Поговори со мной.

Небольшое утешение: старик в кабине грузови-

ка, вероятно, раздражал Райсевика, как и ее саму. Хищник и дичь находились всего в нескольких футах друг от друга, с разных сторон машины, и расстояние между ними сокращалось. Оружие было приготовлено к бою, пальцы неподвижно застыли на спусковых крючках, от мгновенной смерти отделял один удар сердца, а ублюдок в грузовике никак не желал заткнуться…

Обгоревшее на солнце лицо Рая появилось в прицеле Лены.

В шести футах.

Над капотом «Тойоты». В прицел попала как раз его покрытая потом переносица между удивленными глазами. Точно посередине! Самое лучшее место для выстрела. Он опустил на нее револьвер, а она уже жала на спусковой крючок.

Ничего не произошло.

Ни отдачи, ни звука. Вообще ничего. «Беретта» внезапно перестала работать.

«Заело».

Лена была в дикой панике, сознание кричало: *«Заело, заело, заело».*

Райсевик в нее выстрелил, она оттолкнулась ногами и сидя отскочила назад. Всего в нескольких дюймах справа пуля вошла в дорожное покрытие и выбила в бетоне несколько кусочков.

Выстрел прозвучал так близко, что Лена в ужасе плотно сжала челюсти.

Полицейский спрятался за передний бампер «Тойоты» и громко дышал. С такого близкого расстояния Лена чувствовала запах его пота, как в его крови бурлит адреналин.

— Ни хрена себе!

Она продолжала пятиться, так и не поднимаясь на ноги. Она задела пробитую пулями дверцу у пассажирского места, та захлопнулась. Идти Лене было некуда. Она оказалась в западне, с бесполезным оружием в руках. Девушка услышала, как слишком близко прозвучал грудной смех Райсевика.

— Она меня чуть не пристрелила.

— Что?

— Думаю, у нее заело пистолет…

Да, у лениной «Беретты Р×4» оказался заблокирован затвор. Она уже поняла, что случилось: глупая, любительская ошибка. Она нарушила важнейшее правило стрельбы. Когда она схватила оружие, держа палец на спусковом крючке, и случайно выстрелила снизу, затвор скользнул по дорожному покрытию. И цикл нарушился. Она видела блестящий латунный патрон, застрявший внутри. «Застревание гильзы, — так называл этот

сбой инструктор по обеспечению мер безопасности на стрельбище в „Метких стрелках“. — Может быть очень неприятным».

Она потянула затвор — с места не сдвинулся.

— Рисковать больше не будем, — она услышала, как, скорчившись у передней части машины, Райсевик облизывает губы. Говорил он спокойно, словно наставлял. — Она за передними дверцами машины. Ты ведь стреляешь патронами.30–30, да?

— Да.

— За передними дверцами. Не задними.

— Понял.

И Лена все поняла. *«Ну, давай!»*

Она поползла еще дальше на локтях и коленях. «Беретта» с заблокированным затвором тряслась у нее в руке. В этот миг еще один выстрел крупнокалиберным патроном прогрохотал рядом. Пуля прошла сквозь дверцу машины у нее за спиной и снова ее распахнула с грохотом. В дверце осталась огромная дыра — кратер по сравнению с крошечными отверстиями от пуль, выпущенных Райсевиком, которые не превышали размерами горошину.

Лена выругалась сквозь зубы.

«Тойота» начала походить на швейцарский

сыр, за ней уже не спрятаться. Только стальной блок цилиндров мог остановить пулю. Больше надежных частей не имелось. Именно поэтому Райсевик и переместился туда — чтобы преградить ей путь.

— Я попал?

— Она переместилась.

— Куда теперь?

— Задние дверцы.

Словно проворный зверек, Лена быстро поползла назад еще дальше. Она остановилась у багажника, потому что ползти было некуда. Она сжалась в позе эмбриона, прикрыла лицо и ждала. Она знала, что сейчас прозвучит очередной выстрел. Но секунду ничего не происходило, и в эту секунду нервы у нее были натянуты до предела.

А затем это случилось: еще один выстрел прозвучал у нее за спиной, опять от грохота сжались челюсти. В задней дверце образовалась огромная дыра. Из окон полетели осколки. Она не знала, какая у него винтовка, но выпущенные из нее патроны оставляли зияющие дыры во всем, куда попадали. Словно стрелял он из пушки времен Гражданской войны.

Вокруг нее появилось что-то желтое и легкое

— летело по воздуху, опускалось на дорожное покрытие. Снег? Пепел?

Нет. Это была выбитая начинка сидений.

Лена схватила «Беретту» обеими руками и под причудливым снегопадом попыталась вернуть ее в рабочее состояние. Она дергала затвор окровавленными пальцами, но механизм двигаться отказывался. Девятимиллиметровый латунный патрон застрял.

«Проклятье, проклятье, проклятье».

— Ей негде спрятаться, — прозвучал противный голос Райсевика, который явно ухмылялся. — Она сейчас за багажником.

Лена знала, что он прав: идти ей было некуда. Прячась за пробитой машиной, она оказалась в ловушке. В руках был заевший, ни на что не годный пистолет, липкий от крови.

Она снова накручивала пряди волос на палец и сильно дергала, было больно. Все слишком быстро пошло не по плану. Проклятье! Пятнадцать минут назад Райсевик стоял в наручниках, она держала его на мушке, но знала, что он связывался с кем-то по рации. Как самоуверенно она себя вела, решив, что со всем справится в одиночку. Она привезла с собой оружие, хотя следовало взять человека, который бы ее подстраховал. С са-

мого начала она думала, что оборотень в погонах, капрал Раймонд Райсевик, работает без напарника. Ведь серийные убийцы всегда действуют в одиночку, так ведь?

Она думала про непокорную Кэмбри из своего сна, у той на душе явно было тяжело. Ничего не объяснив, она отказывалась подпускать Лену к себе близко, не сказала ей: «Я тебя люблю».

«Мне очень жаль, Кэмбри».

Лена продолжала бороться с заклинившим пистолетом и почувствовала, как на глаза наворачиваются горячие слезы. Она ненавидела себя за это. Было совершенно неправильно плакать здесь, за простреленной машиной, с окровавленными руками, испачканными в порохе. Шла перестрелка. А во время перестрелки не плачут.

«Я все испортила, сестра. Я недооценила его, и мне очень жаль».

Вот как оно получалось. Ублюдки, убившие ее сестру, убьют и ее, на том же самом мосту. И все потому, что ей хватило смелости и наглости бросить вызов сотруднику правоохранительных органов. Для этого его специально обучали. А теперь она попала в капкан, ее окружили, у нее почти закончились боеприпасы, и она даже не может выпустить в них три оставшихся патрона.

А в это время стрелок из грузовика раз за разом пронзает тонкий металл автомобиля прямо у нее на глазах…

Она замерла на месте.

«А это значит…»

Эта мысль ударила ей в голову как беззвучная вспышка молнии: *«Это значит, что мои пули тоже пробьют металл».*

Она представила самодовольного ублюдка в кабине, скорчившегося за дверцей-прикрытием. Лена снова попыталась передернуть затвор, тянула его руками все сильнее и сильнее, напрягая пальцы, на глаза навернулись слезы. Наконец механизм раскрылся, издав нечто наподобие вздоха.

Сдавленная гильза выпала ей на колени.

Затвор проскользнул вперед, встал на нужное место на смазанной маслом пружине, отправив в патронник новый патрон. К стрельбе «Беретта» была готова.

«Ура!»

Лена выдохнула. Дыхание у нее было горячим, сама она слегка дрожала. На другой половине моста-шпильки в кабине грузовика послышался подобный звук — щелкнул затвор, и этот звук эхом донесся до Лены. Тут же закричал водитель

грузовика:

— Я готов стрелять.

— Она прямо за багажником.

— Понял.

Лена представила, как одноглазый мужик снова прицеливается своей разрушительной винтовкой, направляя перекрестье прицела на багажник «Тойоты». Его грязные ногти ползут по спусковому крючку, нажимают на него.

— Пристрели ее, — проговорил Райсевик.

У Лены появилась идея. Плохая. Она сидела неподвижно, прижавшись спиной к металлическому багажнику, и ждала. Шум, солнце, песок и какие-то камушки на дорожном покрытии расплывались, а сон, который она видела прошлой ночью, наоборот, приобретал четкость. То, как Кэмбри не хотела на нее даже смотреть. Пронзительная сердечная боль во взгляде, когда она все-таки наконец посмотрела. Ее холодный шепот, смысл которого Лена тогда не поняла:

«Действуй».

Она ждала.

«Лена, давай».

Нет. Пока нет.

«Пожалуйста, действуй».

И все равно она ждала. Второго шанса не будет.

Ей нужно точно рассчитать время. Теперь глаза сестры наполнились слезами, Кэмбри толкала ее, голос дрожал от раздражения:

«Давай. Время на исходе…»

Сейчас.

Она резко развернулась влево, перекатилась от «Тойоты» на открытое пространство. Раздался оглушительный выстрел — пуля пробила багажник, прошла сквозь сложенную одежду ее сестры, палатку, которая лежала внутри, и вылетела сквозь крыло, у которого Лена полсекунды назад сидела. Очутившись на бетоне, она подняла «Беретту» в крепко сжатых руках и нацелилась прямо на противоположную часть моста Хэйрпин, в кабину грузовой фуры. На этот раз Лена не целилась сквозь разбитое окно грузовика, на поблескивающий ствол винтовки и на выглядывающую голову.

Она целилась ниже.

Ниже. Прямо в дверцу кабины. Прямо в логотип «Кенворт» на красном фоне. Как раз туда, где по ее прикидкам должен был сидеть обитатель фуры.

Она выстрелила три раза.

Выстрелы прозвучали, как три удара сердца. Она контролировала эту стрельбу так, как делала каждый вторник во второй половине дня

в «Метких стрелках», когда стреляла по новому постеру с изображением пятидесяти двух карт. Один. Два. Три.

В красной дверце появилось три серебристых отверстия. Как раз там, куда она и целилась.

Третий выстрел по ощущениям отличался от предыдущих — если проводишь много времени на стрельбище, мышцы начинают распознавать укороченную отдачу, когда в патроннике не остается патронов. И Лена знала, что их больше нет. Но какое-то время она продолжала лежать на животе, нацелив «Беретту» без патронов на грузовик и глядя на дырки в дверце.

Тишина. Казалось, весь мир затаил дыхание.

Она ждала, что в окне снова появится винтовка старика. Настраивалась на следующую вспышку огня и яростный грохот.

Она все ждала и ждала.

Лена прекрасно осознавала, что Райсевик находится где-то справа, понимала, что теперь уязвима, что каким-то образом ей следует добраться до сумочки, которую она выронила, перезарядить пистолет и снова вступить в бой. Но она чувствовала, что Райсевик тоже ждет и тоже затаил дыхание. Понимание нарастало, наполняя воздух. Она сопротивлялась ему. Она

не могла себе позволить в это поверить.

«Я попала».

В дверце грузовика появились три дырки, сквозь которые внутрь кабины полился солнечный свет. Это произошло прямо у него на глазах.

Старика отбросило назад, он скорчился, а винтовка, именуемая ковбойским карабином, упала ему на колени. Он моргнул от внезапно наступившей тишины, в воздухе все еще сильно пахло порохом и дымом. Он понял, что на него выплеснулась какая-то теплая жидкость, которую он не в состоянии распознать. Она намочила его волосы. Капли остывали у него на щеках.

Он тупо уставился на эти три отверстия.

По телу пробежал холодок. Он с опаской повернулся и осмотрел внутреннюю часть кабины, пытался понять, как летели пули и попала ли хоть одна в него. Еще одна порция жидкости скатилась сверху ему на бровь, ресницы стали слипаться. Жидкость была теплой и липкой.

«*Кровь*, — понял он. — *Мне пробили череп*».

Он с трудом сдержал крик. Он всегда задумывался, почему женщины кричали, когда он заматывал их в полиэтилен. Ведь рядом никогда

никого не было, никто не мог их услышать. Лишь пустая трата оставшегося кислорода. Это было странное и беспомощное действие, так скорее поступило бы животное, и это ставило его в тупик — точно так же, как его ставили в тупик стоны женщин во время секса. Почему они стонут? Но теперь крик нарастал в его собственной груди. Так что, возможно, он наконец все понял. Крик царапался о ребра и был готов разорвать его изнутри.

«Я умираю. О Боже, я умираю».

Он попытался сфокусироваться на прямых линиях. Он думал линиями, векторами, углами. По геометрии он всегда получал «А» с плюсом. Он никогда не пользовался картами «Гугл» или «Уэйз», как другие водители. Нет, просто дайте ему карту и инженерный калькулятор, и он, как почтовый голубь, найдет дорогу в Юрику, штат Калифорния. Теперь он восстанавливал траекторию полета трех пуль и таким образом справлялся с испытанным шоком. Что-то вроде перезагрузки компьютера.

Пуля номер один. Она пролетела сквозь дверцу прямо под ручкой, пробила сложенную карту, потом скользнула по его животу над линией таза. Его белая футболка пропиталась кровью. На

самом деле было почти не больно, скорее дискомфортно — тянуло, как грыжу. Не смертельно. Ну, вытечет немножко крови…

Гораздо больше крови капало с его лба в глаза. Слишком много, чтобы просто сморгнуть. Полный паники крик снова стал биться у него в груди, пытаясь вырваться наружу.

«Я умираю. Эта сука выстрелила в меня сквозь дверцу и теперь я умираю».

«Не кричи. Пуля номер два».

«Мой мозг превращается в яичный желток, вытекает из черепушки».

Он попытался сосредоточиться. Пуля номер два пролетела дальше. Девятимиллиметровый кусок свинца, вероятно, задел руль, прошел у него под мышкой, просвистел над приборной доской и — предположительно — вылетел из окна. Пуля номер два в него не попала. От этого чуть спокойнее.

Оставалась пуля номер три.

«Та, что принесла мне смерть…»

Пуля номер три пробила дверцу на шесть дюймов выше, слева от него, вырвала хлопковую мягкую ткань из водительского сиденья. Он проследил за ее траекторией до держателя для чашек, где она врезалась в бутылку со сладким

чаем. Блестели куски стекла. От чая, нагретого на солнце, сиденье стало липким…

«*Погоди-ка*».

Чай?

Он провел языком по верхней губе. Попробовал на вкус.

«Меня обрызгало сладким чаем». Не кровью. Спасибо, Господи, что не кровь, не спинномозговая жидкость и не мозг стекают у него по лицу. С ним все в порядке.

Конечно, пуля отрикошетила ему в бедро, и оно сильно болело. Футболка промокла от крови. В лучах солнца она казалась ярко-красного цвета. Но если не будет сепсиса, то не смертельно, и он знал ветеринара, который еще в июне обеспечил его качественными обезболивающими. Нет, три прилетевшие от Лены и пробившие дверцу пули не принесли и половину зла, которого он опасался. Все не так ужасно. Да, она по нему попала, он свалился на пол, но не отключился. На коленях у него все еще лежит «Винчестер». И да, несмотря на то, что в кабине с больным бедром он не мог двигаться, он все еще в игре.

Он поерзал, чувствуя боль над промежностью — словно туда вонзались ножи. С пола ему было не видно, что происходит за дверцей. Но до него

доносились звуки. Если вдруг Лена решит подойти к грузовику и взять винтовку, чтобы убить Рай-Рая, ее шаги он услышит. Он определенно не в форме, чтобы бежать, нырять куда-то и должным образом участвовать в перестрелке. Он будет сидеть на заднице здесь, в этом раскаленном на солнце укрытии. Хотя в любом случае он тут проводит по шестнадцать часов в день.

Это его не беспокоило, но на границе сознания маячила еще какая-то мысль. Он боялся, что что-то упускает. Что-то забывает.

«Куда попала вторая пуля?»

Это не имело значения. Точно не в него. Как и та, что взорвала бутылку со сладким чаем, и еще пять-шесть, которые Лена пустила ему в окно. Они пронеслись у него над головой, не причинив никакого вреда.

«Но эта летела ниже других, — шептало его сознание. — *Куда-то она попала»*.

Отлично. Он снова осмотрелся и поморщился от очередного приступа боли. Он высматривал траекторию пули: она пробила дверцу, пролетела сквозь руль, мимо его плеча, потом продолжила путь над радиостанцией и попала прямо в…

Он замер на месте.

Китти.

Она не лежала, свернувшись кольцами, как обычно. Ее поза была странной, выгнутой. Шея отклонена назад, челюсти приоткрыты в какой-то жуткой гримасе, были видны розовые десны и зубы-иголочки. По приборной доске стекала струйка крови. Вместе с Китти они проехали тысячи миль по автострадам, от гор с белыми шапками в Колорадо до болотистых местностей в Луизиане. Иногда она сворачивалась у него на плече, как холодный, немного липкий шарф. Вместе с ним она поменяла три грузовика, была с ним во время развода и когда ему поставили диагноз рак простаты, вместе с ним пережила самоубийство сына. На следующей неделе Китти должно было исполниться двадцать три года.

И тут Тео Райсевик закричал.

Глава 18

До Лены эхом донесся крик из грузовика. Ужасный вой, который становился громче и напоминал звук сирены. От него ей стало не по себе. Крик — последствие ее выстрелов. Стрельба из огнестрельного оружия — это применение силы, причинение вреда. И она видела, как ее выстрелы оставляли здоровые дыры в окружающем мире, которые уже никак не заделать. Но в отличие от живых, бумажные мишени не кричат.

На долю секунды ей стало жалко человека, которого она застрелила в грузовике, того, который всего несколько мгновений назад сам пытался ее убить.

Она сглотнула, крепко держа «Беретту» в руках. Затвор был заблокирован. Патронов в пистолете больше не осталось, отчего он сделался легким, как пластиковая игрушка. А капрал Райсевик все еще был вооружен и прятался совсем рядом — их разделяла машина. Лена слышала его дыхание, тихие и неторопливые вдохи и выдохи. Он думал, что делать дальше. Бой продолжался. Она ранила одного из нападавших, возможно, смертельно, но потратила на него все оставшиеся патроны. В

перестрелке нужно идти до конца, на полпути не останавливаются.

Она подняла дрожащую руку, намотала прядь волос на палец и сильно дернула.

Крики усиливались, словно мигрень. Лена решила воспользоваться заминкой и пыталась думать, несмотря на вопли. В ее голове крутились мысли: *«Я безоружна. Надо перезарядить пистолет или я погибну».*

— Папа! — закричал Райсевик. — Папа, ты ранен?

Оказывается, ублюдок в фуре — отец Рая. Лена заставила себя об этом не думать. Эта новость ее только отвлечет, она ей никак не поможет.

— Папа, скажи хоть что-нибудь. Пожалуйста…

Но доносившиеся из кабины грузовика крики уже прекратились, оставив после себя жуткую тишину.

— Папа! — закричал Райсевик громче. — Я до нее доберусь. Обещаю.

Внутри все похолодело от ужаса, наверное, такую же панику испытывает попавшее в капкан животное. Лена попыталась сосредоточиться. Не обращать внимания на отвлекающие моменты.

«Мой второй магазин. Где он?»

У нее в сумке.

«Где моя сумка?»

В центре моста. Где она ее уронила.

На открытом месте.

— Проклятье…

Лена видела сумку с того места, где стояла. Двадцать футов? Тридцать? Она вертелась, опираясь на пыльный бампер «Тойоты», и раздумывала, сможет ли добежать до сумочки. Рвануть к ней, в одно мгновение преодолев это расстояние, схватить магазин, вставить его в «Беретту» и выстрелить. Успеть все до того, как Райсевик ее убьет. Нет, ничего не выйдет.

Преграда между ними — всего лишь одна машина и тишина, в которой любой шаг прозвучит громко. Она умрет с пулями в спине.

— Я убью эту маленькую суку, папа. Обещаю…

Лена сжала пустой пистолет, выдыхая сквозь стучавшие зубы. В голове проносились дурные мысли, воображение рисовало одну безвыходную ситуацию за другой.

«Бежать за сумкой?»

Ее застрелят.

«Остаться здесь?»

Ее застрелят.

«Спрятаться под машиной?»

Ее застрелят.

Она загнала себя в угол, и выбраться из него будет сложно. Она не знала, что еще можно сделать, продолжала нервно накручивать пряди волос на пальцы. Снова вернулась эта ужасная привычка, она делала это до тех пор, пока боль не стала невыносимой. На глаза наворачивались жгучие слезы, идеи становились все более отчаянными.

«Напасть на Райсевика?»

Ее застрелят.

«Бросить пустой пистолет ему в лицо?»

Ее застрелят.

Еще одна прядь накручена на указательный палец. Она накручивала ее сильнее и сильнее.

«Молить о пощаде?»

Он посмеется над ней, потом застрелит…

Она вырвала прядь с корнями. Послышался резкий звук, напоминающий треск, потом она почувствовала, как стекает теплая жидкость по голове. Боль была такой сильной, казалось, все тело разрывается на кусочки. Ее чувства обострились, всего на секунду вокруг нее сгустилась темнота, а потом яркая вспышка света. Боль пронзила разбитый локоть. Справа, рядом с «Той-отой» она услышала тихий скрип кожи.

Приближающиеся шаги.

Он шел к ней.

Завтра он может меня убить.

Я это знаю. Я не дура. В таком случае мне нужно рассказать кое-что о Кэмбри. Исправить ошибку и изложить все так, как было на самом деле.

Вот эта история.

Однажды летом в Орегоне, когда нам с Кэмбри было по двенадцать лет, мы наткнулись на самку белохвостого оленя, которую сбил грузовик. У нее были сломаны ноги. Глаза закатились, но когда мы подошли, она посмотрела на нас и издала странный звук — словно из глубины ее горла прозвучало урчание, похожее на кошачье мурлыканье. Если вы из нашей школы, то уже тысячу раз слышали, что было дальше. Я с ужасом наблюдала за тем, как юная Кэмбри Нгуен молча опустилась на колени, достала из рюкзака нож-бабочку и перерезала животному горло.

Это правда. Ее рука не дрогнула.

Но она так поступила только потому, что это я ее попросила.

Сначала она отказалась, тогда я стала ее умолять. Я обещала никому не рассказывать, не могла больше стоять и слушать это странное мурлыканье и видеть вывернутые ноги. Я знала,

что до ближайшей фермы несколько миль, и кто-то из взрослых доберется сюда только через несколько часов, а сама я была жуткой трусихой, чтобы избавить животное от страданий.

Так что в конце концов Кэмбри это сделала.

Я наблюдала.

Затем она помыла руки в ручье, и на всем пути до дома мы не произнесли ни слова. Начался град. Помню, как рыдала на всем пути, как мы шли по двум противоположным сторонам дороги под проливным дождем. Теперь я знаю, что избавить животное от страданий было недостаточно. Мне требовалось кого-то обвинить в случившемся, а ведь обвинить грузовик нельзя.

Когда мы добрались до дома, я не просто нарушила обещание. Я сказала родителям, что во всем виновата Кэмбри: двенадцатилетняя Кэмбри просто взяла и убила оглушенное животное без какой-либо на то причины. Я показала им кровь на ее складном ноже, о котором никто не знал. Оказалось, что до восемнадцати лет нож иметь незаконно. Они поверили мне. Не ей. И в это они верят до сих пор.

Кэмбри Нгуен — убийца оленей.

Это из-за меня Кэмбри была единственной семиклассницей в средней школе Миддлтона, кто

ходил к психотерапевту. Мне очень нравилось быть жертвой сумасшедшей сестры, поэтому я снова и снова рассказывала эту историю, добавляя новые детали и ужасные подробности. К октябрю от нее отвернулась большая часть друзей — никто из их родителей не разрешал им приглашать ее домой. Кто-то даже разукрасил ее шкафчик баллончиком красного цвета. По мере взросления Кэмбри подтверждала свою репутацию все новыми выходками — застрявшая в туалете губка стала гвоздем программы. Но только в старших классах психологи наконец поставили ей диагноз: шизоидное расстройство личности. И я до сих пор не знаю, была ли она такой всегда или это я все спровоцировала.

К тому же психотерапевт был пьяницей. Простите, но именно так и было. Мистер Роджерс приходил к пациентам домой в красном свитере и с красными щеками, а мог вообще нажраться в хлам. Помню, как подслушивала обрывки их сеансов. Никогда не забуду полный боли, умоляющий голос Кэмбри, приглушенный дверью:

— Вы не слушаете. Вы меня не слушаете.

И теперь я задумываюсь: может, если бы тогда, двадцать лет назад, я сдержала обещание, то во взрослой жизни у нас были бы нормальные

отношения. Может, у Кэмбри не возникало бы потребности убегать каждые несколько месяцев из мира, в котором она так и не нашла свое место. Она бы не кочевала в «Тойоте», с цветными кусочками стекла, вынутыми из моря, в бардачке и палаткой в багажнике. Может, тот случай стал первой рухнувшей костяшкой домино, моим единственным шансом, который я упустила. Может, это из-за меня она решила спрыгнуть с того моста в Монтане.

Может, это я виновата в смерти сестры.

Может.

Я этого никогда не узнаю.

Вот, теперь все изложено в письменном виде. Теперь это не только у меня в голове. Я не могу описать, какое это облегчение — видеть эти слова на экране. Один клик, и они опубликуются в «Огнях и звуках», станут частью истории. Если я завтра умру, то правда будет жить.

Я ее отпустила.

Может, когда завтра все пойдет не так и капрал Райсевик решит меня прикончить, на душе у меня будет чуть спокойнее.

Он осторожно приближался с взведенным револьвером тридцать восьмого калибра.

Один осторожный шаг за другим. Под его бо-

тинками, как яичная скорлупа, хрустели кусочки стекла. В воцарившейся зловещей тишине каждый звук и каждый шаг усиливались в два раза. Лена слышала, как он приближается. А если бы пошевелилась она сама, он тоже бы ее услышал.

Но Рай ничего не слышал.

Куда она могла деться? Она засела за багажником «Тойоты» и бежать ей было некуда. А патронов у нее осталось мало, если они вообще не кончились. Если бы у нее имелся запасной магазин, то она уже перезарядила бы пистолет. А если она перезарядила пистолет, то он услышал бы щелчок.

Но Рай ничего не слышал. Под нещадно палящим солнцем его окружала тишина.

Подходя все ближе и ближе, он не переставал целиться, осторожно толкнул переднюю дверцу, та закрылась со щелчком, хотя и была покорежена.

Еще шаг по стеклам, опять треск. Еще один.

— Папа, ты там держись, — крикнул он в сторону грузовика. — Я сейчас ее прикончу.

Никакого ответа.

Рай держал револьвер, наклонив прицел. В учебниках говорят, что такая стойка подходит для стрельбы стоя по мишеням, которые распо-

ложены ниже стреляющего. Его ведущая рука была поднята, локоть второй руки опущен. Ступня опорной ноги стояла под углом девяносто градусов. Это называется «блокировка центральной оси». Жесткий и прагматичный ответ устаревшей фронтальной стойке Лены, которая казалась ему даже забавной. Ведь основываться-то надо на том, что выяснение отношений с помощью огнестрельного оружия происходит не на стрельбищах. В реальной жизни все внезапно и непредсказуемо. И стрелок должен уметь удержать оружие в руках, если начнется рукопашный бой, быстро перестраиваться с ведения стрельбы на близком расстоянии (когда просто не прицелиться) на стрельбу по удаленным мишеням (когда прицеливаешься). В этом есть своя поэзия, и интересно наблюдать, как участники действия меняют положение тела для того, чтобы грамотно отвечать на угрозы.

Да, самодовольная маленькая Лена Нгуен умеет прекрасно стрелять по бумажным мишеням, но она уже узнала, что приобретенные на стрельбище навыки не очень-то сочетаются с по́том и ужасом настоящей жизни. Она уже многократно промазала, ее оружие давало сбой, в нее стреляли сквозь укрытие. Оставался только последний

урок.

Рай подошел к ней. Он сделал шаг влево, обошел багажник «Тойоты», приготовив оружие к бою. Равнобедренная стойка. Прицел точно настроен. Линия прицеливания совмещена с целью. Идеальный фокус. Он осторожно, дюйм за дюймом, преодолевал вражеское пространство за задней дверцей. Это напоминало отрезание куска пирога, когда постепенно тебе открывается…

Пустое бетонное покрытие.

Она исчезла.

Он моргнул.

«Как так?»

На дорожном покрытии стояла пара кед. Их сняли и аккуратно поставили.

Его мозг пытался это переварить. Он был так же шокирован и раздражен три месяца назад, когда Кэмбри, казалось, исчезла в ночи, внезапно растворилась за поворотом на погруженной во мрак автомагистрали. Куда она могла пойти? И зачем ей было снимать…

Что-то прижалось к его шее сзади, напоминающее горячий металл.

— Брось оружие, Рай.

«Боже! — с восхищением подумал он. — *Они на самом деле близнецы».*

Лена поменяла руку и направила на Райсевика оружие, а затем под дулом подвела его к своей сумке. Там она быстро нагнулась, достала запасной магазин и перезарядила «Беретту».

Он наблюдал с угрюмым видом.

— Погоди. Пистолет был пустой?

Она улыбнулась, играя большим пальцем с остановом затвора. Еще семнадцать патронов в пистолете готовы к использованию. Ей начинало это нравиться.

— Пошли, — она сунула его револьвер в свой задний карман. — Давай проверим, жив ли твой папаша.

Райсевик вздохнул. Этот бой он проиграл.

Подходя к фуре, Лена велела Райсевику идти впереди — если старик в кабине с затонированными стеклами все еще жив и способен поднять оружие и выстрелить, то ему придется постараться, чтобы не попасть в сына.

Его сына, Райсевика. Она все еще пыталась это переварить.

— Ты провалил экзамены в полицейскую академию? — уколола она его. — А я-то думала, что ты у нас суперполицейский.

Он ничего не ответил.

— И что ты провалил? Отжимания? Не запом-

нил радиокоды?

Никакого ответа.

— А есть тест на то, как не дать себя обхитрить и обезоружить женщине, что в два раза тебя ниже и легче? Этот тест ты точно провалил, Рай-Рай.

«Рай-Рай». Любимая издевка его отца. Он ненавидел, когда его так называли.

Тем не менее, когда они шли в тишине и дышали воздухом, наполненным дымом, Райсевик продолжал угрюмо молчать, ничего не отвечая. Лена поняла, что дальше его поддразнивать ей не хватает смелости. У нее не было сил на жестокость к человеку, который только что потерял отца. Она сама знала, что такое потеря и какие ощущения при этом испытывает человек. В какой-то момент ей стало не по себе. Лена забыла весь ужас последних десяти минут. Обливаясь потом, она ощутила себя убийцей. *«Я не убийца. Я просто пытаюсь добиться справедливости ради сестры. Так ведь?»*

На мост налетел порыв ветра, и пот на коже Лены сразу стал холодным. Она поежилась. До нее дошло, что первый выстрел в их выяснении отношений сделала она сама, а не отец с сыном. Это не была самооборона. Какой бы ни оказалась правда, ей требовалось обеспечить себе безопас-

ность, подстраховаться от действий и сына, и отца. Только тогда она наконец получит ответы. Наконец она сможет услышать из их уст правду о том, как эти больные на голову ублюдки задушили Кэмбри, а потом сбросили ее тело с моста Хэйрпин, этой проклятой Шпильки, пытаясь выдать ее смерть за самоубийство.

«Все же было так?»

Ответ на вопрос она знала. Ей просто требовалось его услышать от них.

Теперь она подошла слишком близко.

Они добрались до кабины грузовика.

— Стой здесь, — приказала Лена Райсевику.

Он подчинился, поднял голову и с явным опасением уставился на высоко расположенную кабину грузовой фуры. На три отверстия, пробитых в красной дверце.

— Папа? — позвал он дрожащим голосом.

— Заткнись.

Лена приблизилась к кабине с поднятой «Беретой». Крики внутри давно стихли, но это совсем не означало, что старик мертв. Он вполне мог ждать ее в засаде. Лена решила, что если он все еще жив, то она попытается с ним поговорить — объяснить, привести доводы, порассуждать. Если он мертв, то она просто в этом убедится. Что бы

ни случилось, внутри находится смертоносная винтовка, и Лена не может позволить Райсевику завладеть ею.

Она вытерла пыль из глаз, щеку жгло из-за шрапнели, ее крошечные кусочки застряли в коже, а теперь по ощущениям зудели, как укусы насекомых. Пульсировал ободранный локоть. Но расслабляться нельзя, только не сейчас. Не тогда, когда она подошла так близко к правде. Следовало быть на чеку постоянно.

Она поднялась по гладкой серебристой подножке грузовика. Ступени были скользкие, да еще и очень сильно нагрелись на солнце, обжигали ее ступни сквозь носки.

— Папа! — хрипло произнес Райсевик. — Она поднимается…

Лена резко повернулась и гневно посмотрела на него, но он уже закончил предложение:

— …поэтому, папа, пожалуйста, не стреляй в нее.

Лена внимательно на него посмотрела, в душу закралось сомнение. У полицейского в наручниках подрагивала челюсть, он не встречался с ней взглядом и, покорно опустив голову, смотрел на полотно дороги, сморгнув слезинку, которая полетела вниз и блеснула в солнечном свете.

Убедительная актерская работа — а это явно было представление.

«Пожалуйста, не стреляй в нее». Слова ничего не значат, она это знала. *«Она поднимается».* А вот это уже другое, определенно что-то значило.

Она стояла на подножке у кабины так, чтобы видеть Райсевика, а свободной рукой потянулась к тонкой и полированной ручке. Лена коснулась ее липкими окровавленными пальцами. Внутри все сжалось. Она задержала дыхание и приготовилась к тому, что из темноты прозвучит еще один оглушительный выстрел, прорешетит металлическую дверцу, из-за чего Лена лишится нескольких пальцев. На таком расстоянии это будет громоподобный звук и кошмарный удар.

Но ничего не прозвучало.

Ручка щелкнула, Лена потянула дверцу на себя, та открывалась с трудом и скрипом, из нее выпало на дорогу несколько остававшихся в ней кусков армированного стекла. Лена пока не влезала в кабину и опасно балансировала на скользкой перекладине. Она раздумывала, не сказать ли что-то человеку внутри, но решила этого не делать. Райсевик уже сказал достаточно.

Лена заглянула внутрь, как маленькая испуганная птичка, и увидела человека, головой вниз

рухнувшего с сиденья. И кровь. Много крови.

Она чуть отодвинулась от окна и выдохнула воздух.

— Он мертв? — прошептал снизу Райсевик.

Лена на него внимания не обратила, переложила «Беретту» в левую руку и заглянула во второй раз, на этот раз рассматривала дольше. Она держала указательный палец на спусковом крючке, готовая в любую секунду выстрелить. Внутренняя часть кабины была погружена в темноту, ей потребовалось какое-то время, чтобы глаза привыкли к сумраку. Казалось, что мужчина внутри мертв, этого и боялся Рай. Белая футболка с надписью «Я верю в Снежного человека» была заляпана ярко-красной кровью. В него определенно попала выпущенная ею пуля. Он навалился на рычаг переключения передач, голова свесилась вниз и смотрела в сторону колен. Лена разглядела коричневый ремешок глазной повязки, который врезался в седые волосы. Наверное, он был неудобный. В воздухе все еще пахло порохом. А потом она почувствовала мерзкое зловоние: старый пот, неприятный запах изо рта, газы, которые неизбежно испускал мужчина шестидесяти с лишним лет. Вот чем воняло в кабине, где старик, не моясь, проводил много дней подряд.

Лена дышала только ртом. Она увидела старую, но в безупречном состоянии винтовку, из которой в нее стреляли, та лежала у старика на коленях дулом вниз. В пределах ее досягаемости.

«Забери ее, Лена».

Она уже было потянулась, но остановила себя. Казалось, что это была ловушка. Она же повернется спиной к оставшемуся снаружи Райсевику. А если старик только притворяется мертвым? Он может схватить ее за запястье, вырвать «Беретту». А она окажется слишком близко, чтобы вывернуться и снова по нему выстрелить…

«Схвати винтовку у него с колен. Воспользуйся этой возможностью».

Она не стала. Это казалось неправильным. У нее и так уже два оружия. Зачем рисковать ради третьего, причем винтовки, с которой Лена не умела управляться?

«В таком случае сбрось ее с моста».

Нет. Не стоит так рисковать.

«Рискованно и оставлять ее здесь. На коленях у человека, который, возможно, еще жив».

Лена попыталась взвесить варианты, все одинаково плохие. У нее заурчало в животе. Она прищурилась, осматривая окровавленную футболку старика, но не смогла определить, куда

попала. В грудь? Вероятно, это смертельный выстрел. В живот или бедро? Вряд ли…

Она увидела, что Райсевик внизу начал двигаться.

— Эй! Остановись, Рай-Рай.

Он замер на месте, застигнутый на месте преступления.

Лена показала на переднее колесо.

— Возвращайся назад. И стой там.

— Он мертв?

Она не ответила, потому что не знала. По коже бегали мурашки, Лена стояла на ступеньке у дверцы, ведущей в кабину грузовика и одновременно видела их обоих. Она боялась отвести взгляд от залитого кровью старика в кабине и точно так же боялась отвести взгляд от Райсевика внизу. Несмотря на наручники, он находился в опасной близости, ведь за одну секунду капрал может столкнуть ее с подножки, бросить лицом вниз на дорожное покрытие и наступить на горло, прежде чем она успеет выстрелить. Сколько способов убить голыми руками человек типа Райсевика знает?

«Лена, не теряй бдительности».

А отвлекающих моментов становилось все больше.

— Он мертв? — спросил Райсевик в третий раз.

— Да.

— Ты уверена?

— Да, — соврала она, осматривая тело старика с близкого расстояния.

— Можно мне на него посмотреть? Пожалуйста.

Лена покачала головой, и мир поплыл у нее перед глазами. На мгновение к горлу подступила тошнота. И все страхи вернулись: нарастающая паника, когда в тебя стреляют, сильный запах пороха, громкие звуки выстрелов, медный привкус крови, свист пуль, пролетающих над головой. В кабине находится мертвый мужчина, незнакомец, которого она убила выстрелом через дверцу.

— Он… — произнесла она вслух, словно оправдываясь. — Он стрелял в меня.

— Ты выстрелила первой, — прошептал Райсевик. — Мы защищались…

— Чушь собачья. Один из вас задушил мою сестру. Оделся в полиэтилен, чтобы не оставить свое ДНК. Вы душили ее, чтобы не осталось никаких синяков, вообще никаких следов на коже, а в глазах не лопнули капилляры…

«Лена, ты меня не слушаешь!»

— Расскажи мне прямо сейчас. Это был он или ты?

— Ни один из нас.

— Врешь.

— Кэмбри спрыгнула с моста, — пока полицейский говорил, он подошел ближе — слишком близко. — Я пытаюсь донести до тебя правду, Лена. Ты продолжаешь задавать вопросы, ожидая другого ответа…

Она заметила грязный коричневый носок, свернутый в узел на приборной доске. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что же это на самом деле. Из желудка к горлу подкатила кислота, Лена снова потрясла головой, чувствуя, что ситуация выходит из-под ее контроля.

— Нет, нет, нет. Вы, ублюдки, убили мою сестру. Вы сбросили ее тело с моста и притворились…

— Мы не могли ее поймать.

Лена замерла на месте.

— Что?.. Что ты такое говоришь?

Она отчаянно старалась собрать вместе кусочки головоломки, которая рассыпалась на части.

— Что ты имеешь в виду? Что значит «не могли поймать» Кэмбри?

Райсевик сделал еще один шаг, теперь находился достаточно близко, чтобы представлять

опасность, например, схватить Лену за лодыжки скованными наручниками руками.

Он этого не сделал, а продолжал неотрывно смотреть ей в глаза.

— Лена, она *сбежала*.

Глава 19
История Кэмбри

Кэмбри не потеряла сознание. Но это пока. Она притворялась, позволила конечностям обмякнуть и беспомощно повисла на руках у Пластикмена. Она просто играет роль.

И он клюнул.

— Все? — шепчет он рядом с ее ухом.

«Мой нож». Он лежит в правом кармане и слегка давит на бедро, из-за него ее мысли текут в определенном направлении. *«Вот он»*. Всего в нескольких дюймах. А теперь, когда Пластикмен слегка разжал руки, чтобы проверить ее пульс, она наконец-то может дотянуться до ножа.

Пластикмен не видит, что она делает. Кэмбри сжимает пальцы вокруг рукоятки боевого ножа и аккуратно достает его из кармана. Ногтем большого пальца вынимает трехдюймовое лезвие и сжимает рукоятку в кулаке.

— Ну и ну, — произнес он разочарованно. — Знаешь, детка, думал, что ты продержишься чуть дольше…

Она бьет через плечо прямо ему в лицо.

Лезвие входит в мягкую ткань, словно нож режет желе. Все гораздо проще, чем она думала. Кэмбри не видит, куда именно попал нож, но догадывается. Вначале Пластикмен едва реагирует, резко вдыхает носом воздух, полиэтилен сморщивается и потрескивает. Он будто вот-вот чихнет.

Он отпускает Кэмбри, та летит вниз и ударяется ладонями о скользкий брезент. Она потеряла свой нож, потому что тот остался воткнутым в лицо мужчины за ее спиной. Девушка поднимается и пытается выпрямиться, но подошвы скользят, она видит очертания высокого грузовика. Ночной воздух поразительно холодный, жжет ее горло, которое и так болит. Она моргает, пытается найти Райсевика, красные и синие огни его мигалки, но видит только тьму.

Кэмбри резко разворачивается и смотрит на Пластикмена.

Он не сдвинулся с места, стоит, подняв обе руки к лицу, но боится к нему прикоснуться. Двойная вспышка молнии освещает его. Видно, что нож вошел выше респиратора, между скулой и глазным яблоком. Мужчина опускает и поднимает веки, словно пытается проморгаться после того, как в глаз попала песчинка, но вместо реснички у него перед носом покачивается рукоятка ножа.

Пластикмен легко касается ее кончиками пальцев.

— Ух ты, — с благоговением и диким ужасом произносит он. — Ну ничего себе.

Кэмбри чувствует радость от свершившегося возмездия, а потом страх. Пластикмен не умер. Ему даже не угрожает смерть. Сейчас он — раненый зверь, ошарашенный видом собственной крови. Через мгновение она приведет его в ярость. Кэмбри отходит от него, пока не касается спиной холодного металла фуры.

— Ух ты.

В темноте слышится шуршание полиэтилена. Пластикмена Кэмбри больше не видит.

— Папа? — звучит голос у нее за спиной.

Душа уходит в пятки — это голос Райсевика. Но не живой, а какой-то… электрический? Звук идет из рации. Это означает, что полицейского рядом нет. Он ушел.

— Папа, мне вернуться? — снова звенит рация. — Я на мосту…

Теперь Пластикмен яростно топает ногами, руки сжаты, он шипит от боли. Без вспышки молнии Кэмбри толком ничего не видит, но она знает, что он вытаскивает нож из глазницы. Мысли носятся у нее в голове, она думает, не броситься

ли на него. Прямо сейчас. Напасть, свалить на землю и обеими руками вдавить торчащий нож поглубже. Всем весом надавить, чтобы прошел прямо в мозг…

«Это твой шанс, — подбадривают ее фурии. — *Твой единственный шанс. Действуй! Поборись с ним, Кэмбри»*.

Но уже слишком поздно. Он визжит и отдирает руки от лица, нож со звоном падает куда-то на брезент.

— Папа, ответь мне…

Невидимый в темноте Пластикмен набрасывается на нее, но Кэмбри чувствует поток воздуха и ныряет под его руку. К тому же шелест полиэтилена слышен прекрасно. Затем Кэмбри разворачивается, нагибается и ползет под фурой на другую сторону.

— СУКА! — он падает на четвереньки у нее за спиной. — ТУПАЯ МАЛЕНЬКАЯ СУКА…

На четвереньках она пробирается между гигантскими колесами, между свисающих цепей. Она не видит Пластикмена, но слышит, как он совсем рядом тяжело дышит, как шуршит одежда, когда он своей загребущей рукой пытается ухватить ее за лодыжку.

«Поймал…»

Но она выскальзывает из его сжимающихся пальцев. Он действует слишком медленно. А она — слишком быстро. Она рождена, чтобы бегать. Кэмбри всегда любила скорость, она всегда была недосягаемой и неуловимой, на секунду, на один удар сердца впереди, и она умела изящно уйти до того, как вечеринка выйдет из-под контроля и приедет полиция. Она выбирается с другой стороны грузовика, перекатывается влево по жесткому грунту, задевает ногой гравий, и ее осыпает мелкими камешками.

Сверкнула очередная вспышка молнии, теперь она видит свою «Тойоту». Кэмбри срывается с места, Пластикмен в ярости воет у нее за спиной:

— ЧЕРТ!

— Папа, что она сделала? — слышится из рации.

— Она… о, боже праведный! Проклятье! Я не вижу…

— Что?

— Она выколола мне глаз.

«Отлично», — думает Кэмбри, добираясь до своей машины, открывает дверцу, которая все это время была не закрыта, и падает на водительское место. Снова дома. Она поворачивает ключ в замке зажигания, двигатель хрипит. Несколько

секунд уходит на то, чтобы он наконец заработал хотя бы с перебоями. В бензобаке почти ничего не осталось, может, одни пары.

Но ведь отсюда до федеральной автомагистрали всего ничего.

«Ты до нее доберешься, Кэмбри. Не смотри на часы».

Сейчас 20:58.

Она опускает руку на рычаг переключения передач.

«Ты куда-нибудь доберешься, найдешь хорошо освещенную местность, где есть люди, позвонишь в полицию. В настоящую полицию. И оба эти ублюдка будут гореть в…»

— Она в своей машине…

— Погоди. Что случилось с твоим глазом?

Кэмбри жмет на педаль газа, двигатель ревет в ответ. Этот звук приводит ее в невероятный восторг, она всегда ассоциировала его со свободой. «Тойота» несется вперед мимо огромного грузовика. Она включает передние фары — пустая дорога заполняется светом. Кэмбри осматривается вокруг в поисках наполовину ослепшего ублюдка, надеясь задеть его. Не повезло. Их голоса уносит в поток воздуха:

— Она уезжает…

Все остается позади. Грузовик с надписью «УКУС ЗМЕИ», Пластикмен, их споры, давление на горло, нехватка воздуха, мерзкие запахи пота и змеиного дерьма в кабине. От этого она все дальше и дальше.

Спидометр показывает, что она едет уже на скорости шестьдесят миль в час, потом семьдесят, восемьдесят. Дорога поворачивает и петляет. В окна врывается ночной воздух, треплет волосы, откидывает их назад. Она дрожит и смеется. Ловушка этих ублюдков не сработала. Она стала свидетельницей того, чего не должна была видеть. Но ей удалось сбежать, и скоро весь мир узнает, что она увидела. Кэмбри прославит этих двух уродов. Их арестуют, вынесут им приговор, вздернут на виселице. Может, жирному потребуется двухпроводной электрический стул. Веревка-то его не выдержит.

Теперь дорога напоминает извивающуюся ленту и идет под уклон. Последний отрезок предгорий перед федеральной автострадой. Тогда она сможет почувствовать облегчение, все сложное окажется позади. Она смотрит в зеркало заднего вида, не появились ли фары преследующей ее машины. Ничего. Еще одна вспышка молнии это подтверждает. На дороге она одна.

Теперь дорога прямая, она жмет педаль до упора. В салон снова врывается холодный воздух, из-за него на глаза наворачиваются слезы. Она ничего не может с собой поделать: плачет, смеется, кричит, все сразу, с каждым вздохом испытывает что-то новое.

«Мама, папа и Лена, — думает она с радостью и болью. — *Я снова вас увижу. Я обещаю: когда доберусь до Вашингтона, я снова вас всех увижу, мы станем одной семьей»*.

Мне очень жаль, но здесь я прервусь.

Выдаю желаемое за действительное. По правде говоря, я понятия не имею, о чем она думала в этот момент.

В книге мне следовало бы опираться на точные факты.

Но мне нравится представлять, как, пытаясь добраться до безопасного места, сестра думала о нас с теплом. Как она помирится с семьей и загладит свою вину перед мамой и папой. Может, снимет квартиру, перестанет жить только сегодняшним днем, без уверенности в будущем, пойдет на вечерние курсы графического дизайна. А вдруг — я на это надеюсь — Кэмбри даже думала обо мне: *«Я*

тоже скучаю по тебе, Крысиная Морда. Мне очень жаль, что мы никогда не разговариваем. Мне очень жаль, что мы с тобой словно чужие. Как бы мне хотелось, чтобы мы с тобой проводили время вместе по-другому».

Но возможно, что на всем пути в ту холодную июньскую ночь мысль обо мне ни разу не пришла ей в голову. Это никак не узнать. Я основываюсь только на рассказе капрала Райсевика и знаю, что Кэмбри удалось вырваться из лап Пластикмена и поехать дальше на север, в направлении федеральной автострады. А это означает…

Дорога впереди резко поворачивает.

Показывается мост.

Он все ближе и ближе. Появляется из темноты. Вид жуткий и отталкивающий. Похож на скелет. Он собран из балок, закрученных подобно паутине, рисунок повторяется снова и снова. Балки надежно прикреплены к скалам. Дальний свет фар «Тойоты» освещает покрытый ржавчиной дорожный указатель. Проезжая мимо него, Кэмбри читает написанные баллончиком черного цвета слова:

«ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ СЮДА».

Глава 20
Лена

— Что на самом деле случилось с моей сестрой?

Тео Райсевик сидел неподвижно с «Винчестером» на коленях, дуло винтовки смотрело вниз. Его голова тоже была опущена, он почти не дышал и просто слушал. Судя по громкости голоса Лены и месту его звучания, он понял, что вопрос обращен к Рай-Раю.

Слух — это все.

А вот зрение… Ему придают слишком большое значение. Большинство удавов днем почти не видят. Вместо зрения они полагаются на чуть ли не сверхъестественное обоняние и ощущение вибраций. Тео это понимал. Самых больших успехов он добился в темноте, когда закутывался в клеенку, которой художники устилают во время работы пол, и стоял в шкафу мотеля — неподвижно, словно висящее на вешалке пальто. Если не использовать зрение, то включаются другие органы чувств. В крошечном помещении нарастают тактильные ощущения, и это опьяняет и возбуж-

дает. Мягкое дыхание женщины. Позвякивание ее сумочки. Тихие беззаботные шаги от кровати до ванной комнаты. Она не осознает, что делит кислород со своим убийцей.

Сейчас он испытывал те же ощущения.

Рай-Рай, вероятно, никак не мог решиться, потому что голос Лены прозвучал громче:

— Рай, рассказывай.

Она дышала неровно и тяжело. Но Тео напомнил себе: это не кадры из фильма Стивена Спилберга «Супер 8», и она не тупая бродяжка с героиновыми шприцами в сумочке. Лена была борцом, воинственной и полной решимости маленькой азиаткой, как и ее сестра, и после перестрелки у нее в крови все еще продолжал бурлить адреналин. В своем мире она вышла живой из перестрелки у кораля «О-Кей»[22]. Но, прикинувшись мертвым, Тео немного отдохнул, и теперь ему требовалось выбрать момент для контратаки. Не удостоверившись, что он мертв, Лена уже допустила критическую ошибку.

«Для этого боя ты совсем не годишься, — подумал он. — *Не то что Кэмбри. Ты лишь ее тень».*

Он чувствовал запах ее пота. Шампунь с аро-

---

[22] Примечания: 22

Самая известная перестрелка в истории Дикого Запада (1881). Коралем называется загон для скота или скотный двор.

матом зеленого яблока. Может, еще дезодорант, пахло свежим цветочным ароматом. Его жертвы всегда пахли приятно.

Наконец заговорил Рай-Рай.

— Он… он ужасный.

— Твой отец?

— Да, он ужасный.

«О себе говори, Рай-Рай», — он словно слушал надгробную речь о себе.

— Он, э-э… он убивает людей.

«Да ты что!»

— Не просто людей. Его цель — женщины.

«Неужели женщины чем-то хуже? А как же равенство полов?»

— Он их подбирал… э-э… — голос Рая дрожал, ему было не по себе. — На дорогах. Ездил по автострадам, от Чикаго до Остина и Мемфиса, кочующий демон в огромном грузовике. Он предлагал помочь девушкам, попавшим в трудную ситуацию, автостопщицам, пьяным подросткам, которые просто хотели доехать домой. Если ему не удавалось заманить их в грузовик, то он выяснял, где они будут находиться следующей ночью. Он называл их «бродяжками». Молодых девушек с проблемами, живущих в своей машине, убегающих от трудного прошлого… тех, кто легко

мог исчезнуть и кого потом никто никогда не найдет.

«Не гадь у себя на заднем дворе. Сколько раз тебе говорил».

— Помню нам с братом было пять-шесть лет, мы играли в приставку. Выйдя из своей мастерской, он зашел к нам. С головы до пят он был в плаще. В нем он напоминал ходячий труп в мешке — в такой упаковывают тела. Он жутко испугал нас. Я спросил его, что он делает. И, не моргнув глазом, он улыбнулся крокодильей улыбкой, а потом сквозь респиратор ответил дурацким голосом: «Сынок, я Пластикмен!»

Тео этого не помнил. Но ему стало на душе странно приятно оттого, что помнил Рай-Рай.

— Словно супергерой, — продолжал Рай-Рай. — Как Кларк Кент, исчезающий в телефонной будке. Для меня стало нормой, что отец иногда исчезает. Ведь он Пластикмен.

Он стал говорить более мрачным тоном. Словно солнце зашло за облака.

— Мы с братом только потом узнали, что все это означало — когда нам уже исполнилось по восемнадцать. И каждый из нас справился с этим по-своему. Мой брат, как я тебе уже рассказывал, приставил ружье к подбородку и нажал на

спусковой крючок. А мне в это время предстояло начать обучение в полицейской академии в Мизуле, о чем я мечтал всю жизнь. Я только что потерял брата-близнеца и выяснил, что мой отец — единственный оставшийся в живых член семьи — убийца-психопат. Что мне было делать?

Тео почувствовал движение. В трех футах от него девчонка у дверцы поменяла положение тела, чтобы ей было удобнее держаться. Ее внимание было сосредоточено на Рай-Рае, а не на согнувшемся трупе в кабине.

Этот момент подходил как нельзя лучше.

Тео открыл свой единственный глаз. Глубоко вдохнул носом. Медленно повел правой рукой по отполированному стволу «Винчестера» из орехового дерева. Его знакомая форма действовала успокаивающе, хотя и была липкой от крови и холодного чая. Он мысленно отрепетировал свои действия, представил, как поднимет голову, вскинет винтовку и пробьет девчонке легкие. Все сделает за микросекунду до того, как она успеет повернуть пистолет в его сторону. Он мог бы все это сделать прямо сейчас, если бы не одна проблема.

Одна-единственная проблема.

Патрон не был дослан в патронник, его вин-

товка с рычажным механизмом, в которой перезарядка осуществляется вручную. Для того чтобы новый патрон.30–30 оказался готовым к выстрелу, потребуется отчетливый щелчок. Лена его услышит.

«Проклятье!»

Он об этом забыл.

— Я предложил отцу сделку, — продолжал Рай-Рай. — Если он никогда в жизни больше не займется подобным, то я помогу ему замести следы.

— Но он продолжил, да?

«Конечно!»

— Да, у него был рецидив.

— Бедняжка.

Пока они разговаривали, Тео аккуратно и медленно давил на затворный механизм, причем действовать надо было как можно тише. Двигался он миллиметр за миллиметром.

Когда все будет готово, он вскинет оружие и застрелит ее.

— Семнадцать лет, — продолжал Рай-Рай. — Все это время я подчищал за отцом дерьмо. Делал все, что ему нужно. В любой час. Я обеспечивал исчезновение тел. Сжигал улики. Закапывал машины. Путал папки и данные. На протяжении всей моей

карьеры он был моей страшной тайной, а я — его ангелом-хранителем в полицейской форме.

«Мой ангел-хранитель в полицейской форме».

Тео помнил, как сам сказал это — именно эти слова — однажды утром, в День отца, когда они заливали цемент. А сейчас у себя под животом он чувствовал «Винчестер», ощущал, как магазин открывался все больше, больше, пружина ударно-спускового механизма натягивалась…

— Но я действовал только после, — добавил Рай-Рай, словно это было важно. — Я подключался только после того, как все было сделано. У меня никогда не хватало смелости и мужества на… ну, ты понимаешь на что.

Это было правдой. Наверняка его младший сын жутко мучился. Мальчик, который всегда идеализировал парней в полицейской форме, сам с детства мечтал стать полицейским и арестовывал брата, надевая на него пластиковые наручники. А потом он вырос и оказалось, что приходится играть не за ту команду. Никогда не знаешь, как повернется жизнь. Так ведь говорят?

Наконец винтовка раскрылась и использованная гильза от патрона.30–30 неслышно выпала в ладонь Тео, которую он специально подставил. Лена не должна была услышать, как гильза па-

дает на пол.

— И ты не пытался его остановить? — спросила Лена.

— Я… я пытался его остановить постоянно, — заикаясь, выдал Рай-Рай. — Я угрожал сдать нас обоих. Много раз. Но он понимал, что у меня кишка тонка. Он знал: я также замаран, как и он. И мне есть что терять.

Теперь предстояла самая опасная часть.

Тео поудобнее сжал винтовку обеими руками, по чуть-чуть опуская рычаг, и медленно, но непрерывно давил на него, чтобы дослать новый патрон из подавателя в патронник. Он словно закрывал сейф. Наконец дело было сделано — со слабым, почти неслышным щелчком.

Движение. Почти неслышное. Лена повернулась и посмотрела на него.

«Она услышала».

Тео сидел в напряженной тишине, обливаясь потом. В пробитом пулей животе все сжималось, волосы вставали дыбом, по коже бежали мурашки. Он задумался, не узнала ли она звук щелчка рычажного механизма. Она ведь хорошо знает оружие, да? Нетипично для женщины. Ему показалось, что температура воздуха в кабине изменилась, а сам он ходит по краю пропасти.

Если Лена заглянет в кабину и повнимательнее осмотрит его, то обратит внимание, что окровавленные пальцы трупа теперь подозрительно оказались *внутри* спусковой скобы.

Прошла секунда.

Две секунды.

Плотно закрыв единственный глаз, Тео ждал в темноте. Капля пота покатилась вниз по носу и повисла на самом кончике. Стало немного щекотно.

Наконец он услышал, как девчонка выдохнула воздух и снова заговорила, опять обращаясь к Раю:

— Значит, вот как. А я подозревала тебя, но ты даже не убийца, — судя по голосу, она была разочарована, словно вся эта перестрелка и выяснение отношений оказались пустой тратой времени. — А ты, значит, лишь уборщик, прислуживающий убийце.

Его сын вздохнул. Даже по этому вздоху было понятно, что его задели.

Тео почувствовал, как у него внутри зарождается смешок, недалеко от девятимиллиметрового патрона. Может, она ему все-таки нравилась. Может, она все-таки достойна иметь одну ДНК с Кэмбри. Хотя это не имело значения: теперь

«Винчестер» у него между колен взведен и готов к стрельбе. Указательный палец начал огибать спусковой крючок.

Лена колебалась. Ей явно не хотелось произносить это вслух.

— Она…

— Что?

— Моя сестра оказалась среди его жертв?

Вопрос серьезный. На него будет дан сногсшибательный ответ, поэтому Тео понял, что пора стрелять. Надо резко открыть глаз, подняться на ноги, вскинуть заряженный «Винчестер.30–30» и выстрелить ей в грудь. Он ждал в темноте, пока Рай-Рай прочистит горло и ответит. Тогда он устроит этой маленькой суке самый большой сюрприз в жизни…

Лена выстрелила старику в лицо, просто так.

Он дернулся, мелкие брызги крови заполнили кабину, напоминая освещенный солнцем порошок. Его голова соскользнула с радиоприемника, и он тяжело навалился на рычаг переключения передач, сдвинув его вперед. Винтовка с глухим звуком упала на пол. Может, Лене показалось, но она могла бы поклясться, что на долю секунды выражение лица трупа изменилось.

Оно было похоже на *удивление*.

Выстрел прозвучал очень гулко и, казалось, прокатился эхом. Райсевик жутко вскрикнул.

— Я должна была удостовериться, — пояснила Лена. — Он мог притворяться.

Пуля из револьвера прошла сквозь верхнюю губу старика. Низковато, конечно, для ее обычных результатов при стрельбе по колоде из пятидесяти двух карт, но дело в том, что она стреляла левой рукой. Но по цели она все же попала. Большим пальцем она проверила цилиндр револьвера — все капсюли были теперь пробиты — и отбросила пустое оружие.

Райсевик уставился на нее в ужасе и непонимании.

— Зачем… зачем ты это сделала?

«Интуиция подсказала», — чуть не ответила она.

А теперь она интуитивно уловила кое-что другое — какое-то движение. Она поняла, что грузовик едет. Под ногами уходила дорога. Словно она наблюдала за отливом.

Райсевик это тоже заметил.

Труп старика рухнул на рычаг переключения передач и, вероятно, поставил его в нейтральное положение. Десять тонн машины и груза теперь катились вниз по слегка наклонному мосту Хэйр-

пин, одной из частей этой проклятой Шпильки. Тормоза с пневматическим приводом тихо подвывали — устрашающе, но не так уж сильно.

Лена решила, что ее это устраивает. Она уже достаточно постояла у дверцы этой кабины, воняющей старым потом и змеиным дерьмом. Они продолжат разговор у их легковых автомобилей, рядом с магнитофоном, чтобы все остальные признания Райсевика были записаны для истории. Если этой фуре предстоит свидание с нижней частью долины, то Лена точно не хотела быть третьей лишней.

— Отойди назад, Рай.

Он покорно отступил от катящегося грузовика («*Еще назад… еще*»). Лена держала его на мушке, пока спускалась, потом спрыгнула. До земли было несколько футов, она жестко приземлилась и подвернула лодыжку, искры посыпались из глаз. Райсевик смотрел куда-то вдаль. Лена прищурилась в ярком солнечном свете и тоже это увидела.

Ближайшую возвышенность к востоку от моста Хэйрпин, покрытую молоденькими соснами, поглотила стена огня. Там бушевали апокалипсические языки пламени.

Лесной пожар из Бриггс-Дэниелса добрался и

сюда.

Глава 21

— Лена, времени нет.

Она вставила еще одну девяностоминутную кассету в магнитофон, не обращая внимания на Райсевика. Потом нажала на кнопку записи, оставив кровавый отпечаток большого пальца. Она зашла слишком далеко и слишком жестко боролась сегодня, чтобы позволить какому-то пожару вмешаться в дело.

— Лена, — прошептал он. — Надо *ехать*…

— Еще нет. Как умерла моя сестра?

— Ты сумасшедшая.

— Она была среди его… — ей пришлось собраться с духом, чтобы произнести гнусное слово. — Среди его *бродяжек*?

— Нет. Кэмбри была другой, — Райсевик смотрел, как вдали загораются деревья, словно семидесятифутовые фитильки, подпитывая столбы маслянистого огня. — Она не была жертвой. Она увидела мои ямы, и для нее это оказалось слишком…

— Что она увидела?

— Ямы для сжигания отходов.

— О чем ты говоришь?

Он постарался собрать мысли в кучу.

— Если поехать вон в ту сторону по дороге Пикл-Фарм-роад… то там, прямо за сгоревшим сараем, если следовать по грунтовой дороге на юг… будет участок земли, который мой дядя подарил отцу, когда обанкротилась его лесозаготовительная компания. Этот участок мы называем поместьем Райсевиков. Предполагалось, что мы построим огромный дом, но ничего не получилось. Зимой дороги размывает. Грузовики так и не смогли доставить материалы. Потом фундамент потрескался, а колодец, подпитываемый грунтовыми водами, высох, и в конце концов я… Я стал использовать это место как… м-м…

Он запнулся и стыдливо смотрел на разделявший их бетон.

«Место для сжигания отходов».

Лене к горлу опять подступила тошнота. Мерзкий кислый привкус.

— Она… она видела, как ты сжигал тело?

— Дело не только в этом.

— И она должна была тоже исчезнуть?

— Мне очень жаль, что так получилось.

«Ему и вправду жаль». Каким-то образом Лена поняла, что в этот раз он не врал.

Грузовая фура тем временем уже прокатилась

сто футов вниз по мосту. С отцом Рая, лежавшим рядом с его мертвой змеей. Хищником в человеческом облике, который выслеживал свои жертвы на автомагистралях и собирал души, как сорока собирает кусочки стекла. Он был главным ужасом этой запутанной истории — возможно, только он виновен в смерти Кэмбри. Но он уже мертв. До него не добраться. Больше его не наказать. Предполагалось, что если она его застрелит, то почувствует себя лучше. Это и есть сладость мести? Она должна опьянять? Но Лена лишь чувствовала себя вымотанной.

На глаза навернулись слезы, этому, конечно, еще поспособствовал и дым в воздухе.

— Это и есть единственная причина смерти Кэмбри? — у Лены дрожала нижняя челюсть, но она старалась этого не показывать. — Из-за того, что она увидела какой-то дурацкий костер? Только из-за этого у меня больше нет сестры?

— А чего ты ожидала?

Она не знала. Может, заговор? Призраков на мосту? Что угодно было бы лучше. Настоящее чудовище уже подохло внутри огромного грузовика, катящегося вниз по мосту, а у нее остался только Рай-Рай, нюня, жалкий помощник убийцы.

«Кэмбри умерла. И все из-за костра».

Ответы могут разочаровать, как и многое другое в жизни. Лена это прекрасно знала. Друзья могут переехать. Можно вложить много денег, получить диплом по специальности «Английский язык» и работать в розничном магазине. За день до поездки на мост во сне можно увидеть сестру, но она откажется на тебя смотреть, откажется с тобой говорить, отправит тебя куда-то даже из могилы.

«Давай, Лена. Действуй. Пожалуйста, действуй…»

До ее ушей донесся визг. Скрипучий, металлический — словно отверткой провели по школьной доске. Это грузовая фура проехала правым боком по ограждению моста. Теперь в двухстах футах от них.

— Она убегала. Я должен был ее остановить. Мне очень жаль, Лена…

— Правда?

— Да. Я заслужил весь сегодняшний ужас за все то, что сотворил. Нам с отцом следовало знать, что рано или поздно случится что-то подобное. Ты появилась как ковбой в вестерне, который пришел, чтобы избавить это место от страданий и найти серийного убийцу. И это тебе удалось. Теперь он мертв, и ты поймала меня, — он замол-

чал, словно больше не мог говорить, но все-таки добавил: — Я сожалею о том, что случилось с Кэмбри.

— Не произноси ее имя.

— Кэмбри Линн Нгуен. У меня есть все их имена. Мне потребовалось все их запомнить, потому что отец отказывался. Все, как ты и сказала: когда ты умираешь, ты перестаешь быть человеком. Ты превращаешься в мысль, образ.

Металлический визг и скрежет вдалеке стали сильнее. Ограждение моста искривилось, провисло, вот-вот должно было оторваться…

— Анна Рихтер. Молли Уилсон. Кара Патрик. Ингрид Уэллс, — он сделал глубокий вдох и стал произносить слова быстрее и резче, будто читал рэп: — Джанель Росс. Элли Эриксон. Эрин де Сильва. Меган Эрнандес. Мэри Келлер. Сара Смит.

Лена отступила назад. Список имен продолжался.

— Карен Фуллер. Алекс Форд. Келли Слоан. Мелани Лопес, — Райсевик бросил взгляд на магнитофон. — Ты их все записала? Они все бесследно пропали. По большей части отец действовал летом, когда женщины путешествуют в позднее время одни. Никакого продуманного плана не было. Никакой стратегии. Он просто

потакал своим желаниям, как ребенок, заказывающий игрушки в магазине. Мне он обычно звонил после того, как с ними закончит. А я был дома с Лизой или качался в спортзале при нашем полицейском участке. *«У меня есть для тебя бродяжка»*, — обычно говорил он, и тут в игру вступал я.

Лена представила, как он *«вступал в игру»* и прилежно сжигал тело какой-нибудь незнакомки, пока не оставались только почерневшие кости. А Кэмбри, бедная, сбившаяся с дороги Кэмбри случайно увидела эту жуткую сцену, просто путешествуя. Стала свидетельницей семейной тайны Райсевиков, и они приговорили ее к смерти.

Скрежет стал очень сильным. Он напоминал душераздирающий крик. Ограждение прогнулось под десятью тоннами груза, заклепки вылетели, словно пули, и фура склонилась над сухим руслом Сильвер-Крика. Еще несколько дюймов и фура свесится с моста.

— На этой неделе я убил ребенка, — произнес Райсевик тихим голосом.

Лена снова на него посмотрела.

— Отец позвонил мне и сказал, что должна исчезнуть очередная бродяжка. И ее машина. И…

и он добавил, что на заднем сиденье есть одна проблемка.

У Райсевика на глазах блестели слезы.

«Ты не мог, — подумала Лена. — *Не мог*…»

— Года три, может, четыре, — он замолчал, не в силах продолжать, потом опять заговорил. — Маленький мальчик с каштановыми волосам выглядел точно так же, как я или мой брат, когда мы были детьми. Он лежал на заднем сиденье машины, покрытый альбомами со стикерами с изображением супергероев. Капитан Америка, Тор и Халк. Он плакал, потому что только что видел, как его мать куда-то увели. Вот что была за проблемка. И именно с ней мне предстояло разобраться.

Лене хотелось закрыть глаза и не слушать. Ей хотелось, чтобы все это прекратилось. Визг металла со стороны грузовика усиливался.

— Я отвел мальчика в наш сарай и держал его там. Папа сказал, что это плохая идея. Но я не знал, что еще можно сделать. Я приносил ему еду, одежду и старые игрушки, которые валялись у меня на чердаке. Вместе с ним строил что-то из конструктора «Марблворкс». Потом ему что-то попало в ухо, какая-то инфекция, я принес ему антибиотики моего отца. Я думал… черт побери,

я не знаю, что думал. Наверное, что я мог бы его вырастить. Но моя жена не должна была об этом узнать. Тогда я подумал, что, может, стоит отвезти его куда-то на юг, в Аризону или Нью-Мексико, и там посреди ночи оставить перед пожарной частью. Они выяснят, кто он, и вернут родственникам. Правильно?

Он замолчал, словно ожидая, что Лена с ним согласится. Но она не удостоила его даже кивка.

— Но он видел наши лица. Он помнил все.

Райсевик говорил так, будто жертвой был он сам.

— У меня не было выбора, — он сглотнул, а потом выдал все. — Я три месяца перебирал все возможные варианты и отказался от всех. И на этой неделе я завязал ему глаза и сказал, что когда повязка спадет, он снова увидит свою маму. Я отнес его к пересохшему колодцу, который раньше заполнялся грунтовыми водами. Он глубокий — сорок футов до твердого сланца внизу. И я… я сбросил его туда головой вниз и услышал, как он ударился о дно. Все произошло быстро. Слишком быстро, чтобы почувствовать боль. Как и в случае Кэмбри. Я думаю, что он умер сразу, при ударе о дно, и это хорошо, потому что медленная смерть от обезвоживания там, внизу, была бы гораздо

хуже…

Райсевик снова замолчал. Он только пытался оправдать себя. Он посмотрел на Лену — жалкий ребенок-переросток в форме. Он смотрел так, словно ожидал, что она прямо сейчас нажмет на спусковой крючок.

Она над этим раздумывала.

— Это случилось два дня назад. Ты спрашивала, почему я не спал с четверга. Вот поэтому.

Четверг. День, когда капрал Раймонд Райсевик окончательно проиграл сражение за свою душу.

— Получила? — фыркнул он. — Поздравляю. Ты только что раскрыла четырнадцать преступлений, которые копились на протяжении десятилетия. Пропавшие люди родом из разных штатов, от Калифорнии до Филадельфии. Получится невероятная книга. Ты прославишься.

«Как и ты», — подумала она.

Детоубийца обнажил зубы в мученической улыбке. Жуть!

— Лена, ты довольна?

В трехстах футах от них катившаяся сама по себе фура продолжала издавать жуткий скрежет — словно пыталась ухватиться за покрытие моста. Ограждение стонало, фура наклонялась над пропастью, потом машина накренилась и

вот-вот должна была подчиниться силе тяжести — но неожиданно замерла на месте. Десять тонн, запутавшись в ограждении, опасно свесились с моста Хэйрпин.

Проблема не решилась.

Неприятная незавершенность. В душе Лены пустота. Чего-то не хватало. На протяжении всего дня чего-то не хватало, и Лена не могла это объяснить. Она посмотрела в другую часть долины, на лесной пожар вдали, на то, как языки пламени перекидывались с одного дерева на другое, как вверх поднимались оранжевые стены огня. В воздухе пахло пеплом, как пахнет от костра, который разводят, разбивая лагерь.

«*Если они убили Кэмбри, то почему выдали это за самоубийство*?»

Почему они просто не сожгли ее, не стерли все следы, как во всех остальных случаях?

— Ты можешь убить нас обоих, Лена, но прошлое не изменить. Твоя сестра сделала свой выбор — она решила прыгнуть с этого моста, — сказал Райсевик. — Вон там. С того ограждения.

Он помолчал секунду и добавил более тихим голосом:

— Я был там. В ту минуту, когда она прыгнула.

Глава 22
История Кэмбри

Она давит на тормоз, сердце судорожно бьется в груди.

«Нет, нет, нет…»

Впереди в дальнем конце моста стоит знакомая патрульная машина Райсевика. Боком. Поджидает ее. Она видит огромного обезьяноподобного мужика, сидящего на капоте «Доджа», на коленях он держит все ту же черную винтовку. Он поднимает голову и смотрит на нее, прищуриваясь в свете фар. У нее включен дальний свет.

Она тоже видит его ловушку: перед его патрульной машиной растянулись черные тени с когтями — ровный ряд от одного ограждения до другого. Они напоминают притаившихся крокодилов, наполовину погрузившихся в реку. Это полосы с шипами, чтобы разрывать шины в клочья. Из полицейского арсенала.

«Нет, — хочется крикнуть ей. — *Это несправедливо. Я же сбежала…»*

Райсевик, с уставшей улыбкой, как у какого-то работяги, машет ей.

Кэмбри бьет по рулю. Раздается сигнал. Она кричит на него, на себя, на целый мир, потому что знает: ее судьба была предрешена в ту минуту, когда она сбежала от Пластикмена и решила поехать на север. У нее было два варианта: ехать на север или юг, и она сделала неправильный выбор. Как сова пасет души, которые вскоре должны покинуть этот мир, так и Смерть с косой всегда находит свою жертву в нужной пещере. И Смерть уже договорилась о встрече с Кэмбри на этом мосту, этого не избежать.

Ничего не вернуть назад. Остается только подчиниться судьбе.

На часах 21:00.

Она задерживает дыхание и прикидывает — а не сможет ли она проехать по выложенным Райсевиком полосам с шипами и все-таки сбежать? Нет, долго она не протянет. Не на четырех искореженных колесах с хлопающими по дорожному покрытию кусками резины. Райсевик ее легко догонит.

Он качает головой. Словно прочитал ее мысли.

Слезы затуманивают ей глаза.

«Нет. Пожалуйста».

Затем он вскидывает винтовку, смертоносное дуло нацелено на нее сквозь ветровое стекло. В

ужасе она думает:

«Разверни машину, Кэмбри. Поезжай назад к…»

Она также видит свет фар в зеркале заднего вида. Знакомые фары огромного грузовика Пластикмена. Он возвращается, как кошмарный сон. Даже с одним глазом. Как такое возможно?

Она в ловушке. На мосту Хэйрпин, на этой проклятой Шпильке.

Спереди к ней приближается Райсевик, переступает через полосы с шипами, целясь в нее из винтовки. Он с суровым видом машет стволом влево, жестом показывая: «Вылезай».

Она качает головой. По щекам текут теплые слезы.

Он снова машет стволом, движение более резкое. Палец на спусковом крючке.

— Вылезай. Немедленно.

— Пожалуйста, Рай, — ей страшно не хочется произносить его имя. — Пожалуйста. Отпусти меня.

Она наконец видит его глаза в ярком свете. Впервые после того, как спустилась тьма. Он не кажется нависающим над ней монстром, подобным Халку, хотя в его силуэте четко выделяются бицепсы и короткая стрижка. Перед ней стоял обычный человек, из плоти и крови, который

может ошибаться, сейчас он жутко устал. Он не хочет здесь находиться. Он ненавидит свою жизнь.

И его голос тоже звучит устало:

— Кэмбри, если ты не выйдешь из машины, я тебя застрелю.

Она выходит. У нее нет выбора. Скрипит открывающаяся дверца «Тойоты». Дрожащей ступней Кэмбри нащупывает бетонное покрытие моста. Грудь у нее вздымается — она тяжело дышит.

— Вон там встань, — показал Райсевик.

Он показывает на ограждение моста в десяти футах от машины. Оно покрыто ржавчиной, кусочки которой мерцают, подобно углям в свете фар. Кэмбри приближается к ограждению на слабеющих ногах, не сомневаясь, что там умрет. Ужасное и беспомощное состояние, мерзкие ощущения — ты, как во сне, идешь туда, куда тебе приказывают. Она знает, что отходить от машины — ошибка. Ей следовало нажать на газ, поехать прямо на Райсевика и пусть бы пронзил ее градом боеприпасов, способных пробить броню. Она получила бы их в грудь и лицо. Она снова задумалась.

«Нужно попробовать сбежать. Вниз по мосту. Тогда я, по крайней мере, умру при попытке бег-

ства».

Кэмбри Нгуен бегала всегда. Всю жизнь она от чего-то сбегала — от сеансов психотерапии, от визитов к стоматологу, от того, чтобы сказать «Я вас люблю» семье. И она от этого устала, хотя это было странно и грустно. Есть какое-то умиротворение в том, что ее поймали.

Она почти улыбнулась. Этот мост ждал ее всю жизнь.

— К ограждению, — мягким голосом приказал Райсевик. — Пожалуйста.

— Зачем?

— Объясню через секунду.

Он странно вежлив. Это привело ее в ужас.

Она оглянулась на огромный грузовик Пластикмена, который загораживает въезд на мост. Жирный ублюдок стоит у подножки грузовика, его силуэт четко виден. Он наблюдает за ними, прижав руку к лицу. В другой руке держит старомодную винтовку.

Райсевик подошел поближе.

— Тебя зовут Кэмбри Линн Нгуен, — говорит он. — Двадцать четыре года. Авантюристка, дикая кошка. Я видел, как ты нарушила границу и вторглась в чужие владения. Еще в твоем послужном списке умышленное причинение вреда

чужому имуществу. Вандализм. Воровство в магазинах. Вождение в нетрезвом состоянии, одна авария в состоянии алкогольного опьянения. Ты выросла в Вашингтоне…

«Мое водительское удостоверение, — поняла она. — *Когда он приказал мне остановиться. Он проверил меня по базе данных»*.

— Твоих родителей зовут Джон и Мэйзи Нгуен, они живут в доме 2013 на Вест-Седар в Олимпии. Похоже, что это район Ист-Сайд. Им пятьдесят четыре и пятьдесят девять лет…

— Пожалуйста, — шепчет она. — Пожалуйста, прекрати.

— И не забудем про твою сестру. Лена Мари Нгуен. Одного с тобой возраста, и дата рождения у вас совпадает, значит, вы близнецы? Вы с ней близки? Судя по фотографии, выглядит она точно так же, как ты. Она живет в апартаментах под названием «Билтмор» на Уабаш-авеню в районе Уайат-Центр в Сиэтле. Квартира 211.

Кэмбри не может вымолвить ни слова.

Райсевик подходит еще ближе. Она чувствует запах его кислого пота.

— Дела плохи, Кэмбри, и я тебе сочувствую, но должен сказать одну вещь, — теперь он говорит гораздо тише, словно делится с ней какой-то

страшной тайной. — У тебя сегодня вечером только один вариант действий. Никакой другой сделки заключить не получится.

— Ты о чем?

— Помоги мне, — его улыбка больше походила на гримасу. — Понимаешь: все сейчас зависит от тебя. Твоя семья зависит от тебя. Ты можешь спасти им всем жизнь. Джону, Мэйзи и сестре Лене. Они никогда не встретятся ни со мной, ни с моим отцом. Если ты кое-что сделаешь.

Он куда-то показывает пальцем.

— Это несложно, Кэмбри.

Она с ужасом понимает, что он показывает ей за спину. За плечо. За покрытое ржавчиной ограждение моста, в пропасть, в первобытную черноту за ним.

— Прыгай.

Часть 3
Последнее слово

Глава 23

Кэмбри не может вспомнить, как перелезла через ограждение моста. Она оказывается там в мгновение ока, словно телепортировалась. Но она сама перенесла свои ничего не чувствующие ноги через ограждение, по одной за раз. Дыхание неровное, тяжелое. В туристических ботинках она стоит на носочках — балансирует на двухдюймовом бетонном выступе, на самом краю.

— Не смотри вниз, — шепчет Райсевик. — Просто отпусти руки.

Костяшки пальцев побелели. Она сжимает холодный металл и все равно бросает взгляд вниз — там ночь раскрывает огромную и бесформенную пасть. Из-за пугающей глубины у Кэмбри перехватывает дыхание. Она не может прыгнуть. Она не станет. Райсевику придется выстрелить ей в голову. Кэмбри наваливается на ограждение всем телом, чувствуя, как горят щеки, по которым катятся слезы.

— Пожалуйста, прыгни, — голос полицейского становится мягче. — Ради семьи.

Эхом отдается вопль Пластикмена вдалеке, но из-за бурлящего в крови адреналина она вначале

не понимает, что он кричит.

Чтобы осознать слова, ей требуется несколько секунд.

— Просто пристрели эту суку.

— Нет! — кричит в ответ Райсевик. — Вначале я дам ей шанс.

Даст ей шанс. Жуткая формулировка. Она крепко сжимает ограждение и подальше становится ступнями, чтобы они как можно меньше свисали с края. Она клянется Богу, бездонному небу, всем, кто ее слышит, что она никогда, ни в коем случае не разожмет пальцы. Не отпустит ограждение. Им придется отрывать ее окоченевшие пальцы. Даже после того, как Райсевик всадит пулю ей в голову и одного за другим убьет членов ее семьи.

— Рай-Рай, просто пристрели ее.

В глаза лезут волосы — Кэмбри трясет головой, чтобы откинуть их назад, и смотрит на Райсевика.

— Пожалуйста, — у нее пересохло в горле, она хрипит. — Пожалуйста, позволь мне просто уйти.

Он качает головой.

— Я никому не скажу про твои костры.

— Не скажешь — потому что случится следующее, Кэмбри. Я начну обратный отсчет с десяти.

Только я дойду до нуля, как сразу выстрелю тебе в голову. А затем возьму несколько дней оплачиваемого отпуска, добавлю их к ближайшим выходным и поеду в Вашингтон, — он опять ей улыбался, показывая зубы. — Ты можешь их спасти, Кэмбри. Ты можешь сделать так, чтобы они никогда со мной не встретились. Времени у тебя нет.

— Тебе незачем это делать.

— Десять.

— Пожалуйста…

— Девять.

— Нет, — она внезапно замолкает из-за кома в горле. — Давай поговорим. Вдруг мы сможем…

— Нам не о чем говорить. Восемь.

Еще одна вспышка молнии без грома, и опять слышится голос Пластикмена:

— Она не собирается прыгать. А мне нужно в больницу. Просто пристрели ее, Рай-Рай. Или это сделаю я.

— Семь, — он ни на секунду не сводит с нее взгляд темных глаз. — Делай выбор, Кэмбри.

— Вот как это случилось, Лена.

— Тебе не требовалось сбрасывать ее с моста, — прошептала она с нарастающим ужасом. — Ты угрожал ей, тем самым заставив прыгнуть. У

тебя есть доступ к полицейской базе данных. Ты угрожал семье. Мне, моим родителям — мы были твоими заложниками…

— Нет, я пытался ее спасти, — теперь он говорит мягче. — Ты не хочешь признавать очевидное.

— Продолжай врать, Рай.

— Думаю, что ты напишешь о ней захватывающую книгу. В ней будет погоня, отчаявшаяся героиня, которую преследует плохой полицейский. Неожиданно появляется еще один негодяй. Настоящий триллер! Масса острых ощущений.

Лена чуть не нажала на спусковой крючок.

«Пусть это будут его последние гнусные слова…»

— Но… — он облизал губы. — В этом сюжете есть несостыковки.

«Несостыковки в сюжете?» Эта фраза привела ее в ярость.

— Давай начнем с динозавра Боба. Помнишь его? — Райсевик кивнул в сторону патрульной машины. — Каким образом этот мультяшный герой, которого любила рисовать Кэмбри, оказался нацарапанным на виниловой обшивке у меня в машине? Ты утверждаешь, что я под дулом пистолета заставил ее прыгнуть с моста. Ответь мне вот на какой вопрос. В твоей версии собы-

тий шестого июня Кэмбри хоть какое-то время находилась внутри моей машины? И стала бы она тратить время на баловство, когда речь шла о жизни и смерти?

Лена задумалась, вопрос выбил из колеи, но ей удалось найти объяснение несоответствию:

— Может, она нарисовала его как подсказку. Чтобы я его нашла…

— Когда?

— Не знаю.

— Ты о себе слишком большого мнения, Лена. Ты тут ни при чем, — он подошел поближе, облизывая губы. — Скажи мне: почему у Кэмбри заканчивался бензин? По твоей версии.

— Что?

— Ты меня слышала.

— Бензобак был пустой. По твоим словам, когда ты нашел ее тело…

— Я спрашиваю не об этом. Я спрашиваю: твоя сестра могла бесцельно, в одиночестве кататься с менее чем на четверть заполненным бензобаком по дорогам Монтаны?

— Возможно. Если у нее осталось мало денег…

— Какое удобное объяснение.

— Она воровала. Когда было нужно, она сливала бензин…

— Нет, Лена. Когда тебе нужно украсть бензин, ты едешь в город. Поверь полицейскому, хорошо? Едешь к магазину, какому-нибудь боулингу или жилому комплексу. Бензин не сливают в богом забытом месте. А в этих местах можно ехать часами и не встретить ни одного человека…

— Она была в отчаянии.

— Это не отчаяние, это просто идиотизм. А тупой твоя сестра не была.

— Ты ее знал?

— Лучше, чем ты.

И снова ей захотелось выстрелить прямо ему в горло.

— В любом случае я не смог бы заставить ее прыгнуть, — улыбка стала шире. — Я не смог бы войти в базу данных, здесь не ловит интернет. Мне пришлось бы по рации связываться с диспетчером, а это было бы подозрительно. Да и узнать от диспетчера я мог только адрес Кэмбри, который в свою очередь мог оказаться безнадежно устаревшим. Конечно, я мог бы получить информацию, если бы ваши родители были в черном списке авиакомпаний. Знаешь, как террористы?

— Значит, ты блефовал…

— А это даже не самая страшная несостыковка в сюжете, Лена.

Вокруг них парил пепел, жег глаза.

Она знала, что он сейчас скажет, ждала этого.

— Ответить мне: почему я не сжег тело Кэмбри, как сжег все остальные? В этом у меня большой опыт. Все отработано до мелочей. Это было бы самое простое и самое безопасное решение. Она вела кочевой образ жизни, можно сказать, существовала вне системы. Ей следовало стать просто одной из бродяжек моего отца, от таких легко избавляться. Что сделало ее такой особенной?

— Вот ты и объясни мне.

— Зачем мне было заставлять ее прыгать? Вместо того, чтобы просто пристрелить на месте?

— Потому что ты ублюдок.

Он принялся считать по пальцам:

— Инсценировать смерть. Сжечь блокноты. Вымыть ее машину, чтобы не осталось никаких улик. Придумать текст предсмертной записки. Заявить, что я приказал ей остановиться на автостраде. Ты и вправду считаешь, что я все это проделал для забавы?

Лена отступила на шаг.

— Возможно, — ответила она.

— Ты не знала свою сестру, — по-детски жестоко произнес он. — Ты понятия не имеешь, какой она была. Ты встретилась здесь со мной на мосту

не ради мести. Месть — это всего лишь оправдание. Ты просто хочешь что-то узнать, что угодно, чтобы заполнить пустоту внутри, уменьшить боль, потому что правда-то совсем другая! У тебя было почти двадцать четыре года, чтобы узнать ее, но ты не воспользовалась ни минутой. Ты потеряла все это время.

Он плюнул ей под ноги. С ненавистью. Вязкая тягучая слюна оказалась на мосту между ними.

— Ты дерьмовая сестра, — объявил он. — Посмотри правде в глаза.

Еще один пепельный порыв ветра, казалось, что его слова звенят в тишине. Лена ничего не сказала в ответ.

«Отлично, — подумала она. — *Я почти у цели».*

Он был прав. Все, сказанное им, было правдой. Лена чувствовала себя так, словно ее ловко, умело и почти не прилагая усилий разобрали на части. Он разрезал ее на куски, выложил их в ряд и увидел все, что есть у нее внутри. Он со всем разобрался. Каждое слово приносило боль, пронзающую до костей. От этого было не убежать, это было не переиграть.

Но она помнила, как двенадцатилетняя Кэмбри перерезала горло раненой самке оленя. Сделала то, что нужно было сделать. Лена знала, что у нее

такая же ДНК и та же кровь текла по ее венам. У нее были те же самые фурии, недостатки и умение сражаться.

«Ты не ранишь меня, Райсевик». Но он уже ранил, точно знал, куда бить. Но теперь знала и она.

«Я раню тебя сильнее».

— Думаю, я знаю твой секрет, Рай, — прошептала она ничего не выражающим голосом.

— В последний раз говорю: мы не убивали ее…

— Я говорю не про Кэмбри. А про тебя, — она смотрела на него поверх прицела «Беретты». — Я знаю, кто ты на самом деле.

— Да?

— Ты не полицейский.

— Что?

— Ты не полицейский, — повторила она.

— Что ты несешь…

— Ты ненастоящий полицейский, Рай. Ты мошенник.

Он моргнул.

— Потому что ты не Рай, — прошептала она. — Ты — Рик.

Оглушительная тишина.

— Ты же Рик, правда?

Вдали ревел огонь и с треском упало дерево.

Она смотрела ему прямо в глаза.

— Ты украл личность брата после того, как он застрелился, так ведь? Настоящего Раймонда Райсевика — приняли в полицейскую академию в Мизуле в восемнадцать лет. Не тебя. Ты не прошел отбор. Тебя признали негодным для службы в полиции. Лишили права стать полицейским. А затем, когда вы оба узнали, что ваш папочка — серийный насильник и убийца, твой брат Рай выстрелил себе в голову. Он был хорошим человеком, который не смог этого пережить. А ты смог.

Он молчал.

— И ты еще удивляешься, почему не прошел отбор в академию? — она скопировала акцент Тео.

К его лицу прилила кровь, сурово глядя на нее, он перебирал пальцами в воздухе, словно репетировал, как будет ломать маленькие косточки ее позвоночника.

Теперь до Лены дошло. Яд и изощренное издевательство в голосе отца, когда он называл сына *«Рай-Рай».*

И ей это понравилось.

— Так почему Рай на самом деле застрелился? Или это ты его уговорил, как уговорил мою сестру спрыгнуть с моста? Он же был папиным любимчиком, выглядел точно, как ты, ему оставалось сесть в автобус до Мизулы, чтобы начать гото-

виться к работе твоей мечты. Наверное, это было больно и обидно, да?

Он посмотрел на магнитофон, словно тот их подслушивал. Записывал каждое чертово слово.

— Ты ненастоящий полицейский, Рик, — она больше не могла сдерживаться, теперь она рычала и ее слова резали горло, подобно стеклу. — Ты присвоил имя своего брата. Ты прошел подготовку, получил жетон, форму. Но ты недостоин этого, Рик, ты опозорил тысячу людей, которые встают каждое утро и выполняют самую трудную работу на земле. Все, кто считает тебя героем, почувствуют отвращение, когда узнают о тебе правду. Ты — подлец. Ты детоубийца и мошенник, а твой отец тебя использовал. Как тебе такое, ублюдок…

Он бросился на нее.

Человек, лишивший жизни Раймонда Райсевика, набросился на Лену как лайнбэкер[23], несущийся на поразительной скорости, хотя она еще не закончила говорить. Его огромные лапищи взметнулись вверх: то ли он собирался выхватить у нее пистолет, то ли хотел сломать ей шею, то ли повалить на землю и наступить на горло, то ли навести пистолет ей под подбо-

---

[23] Примечания: 23

Лайнбэкер — полузащитник в американском футболе.

родок и нажать на спусковой крючок. Неважно, что он планировал сделать, это не имело значения, потому что она наблюдала за ним три часа. Она отметила его манеры и повадки. Она была готова.

До того как капрал Райсевик успел до нее добраться, она выстрелила ему в грудь.

Три раза.

Три выстрела, прозвучавших вдали. Словно удары кнута. Тео Райсевик очнулся.

Резко открылся единственный глаз и попытался сфокусироваться. Вначале он видел только размытую красную пелену, которая постепенно приобретала телесный оттенок. Она была повсюду. Потом он узнал сиськи Мэрилин Монро и понял, что лежит лицом в пропитанном кровью «Плейбое». На этот раз не в сладком чае. В его собственной крови. Он потерял несколько кварт.

«Она меня застрелила».

Он не мог в это поверить.

«В лицо».

Он должен был умереть. Он не мог выжить!

«Как так? Я жив!»

Он не мог посмотреться в зеркало, но решил, что пуля Лены пробила ему верхнюю губу. Кровь с привкусом меди заполнила рот и стекала между

губ. Челюсть сильно пострадала. Зубы как-то странно цеплялись друг за друга и хрустели. Это было крайне неприятно. Ничего подобного он не испытывал. Ужас какой-то!

«Маленькая сучка».

По крайней мере, грузовик больше никуда не катился, встал, криво приподнятый на покореженном ограждении моста. Тео радовался хоть этому — десятитонная фура могла легко пробить тонкие балки моста и рухнуть вниз. Но ограждение выдержало. Едва.

Кабина странно подрагивала — опасно покачивалась вверх и вниз. Металл стонал. Одно колесо зависло над пропастью.

Он поднял «Винчестер» с пола, винтовка все еще оставалась теплой. Все еще на предохранителе и заряженная. Он с трудом поднял ее на колени.

— Да, — произнес он, исследуя языком новые контуры рта и заячью губу.

«Да, да, да».

Говорят, что у близнецов общая душа. Ужасно, если кто-то умирает. Оставшийся в живых проклят, ему приходится ходить по земле в одиночестве и чувствовать себя неполноценным человеком. Раю и Рику было суждено разделиться

навсегда, и это ничто не могло изменить. Но сестры Нгуен должны уйти вместе. Так и случится, здесь, на мосту Хэйрпин.

Тео это обеспечит.

Глава 24

— Помнишь про десять футов, разделяющих полицейского и подозреваемого? Я тебе это объяснял, Лена.

Она почувствовала его горячее дыхание у себя на лице. Порезы на щеках горели. Он схватил ее руки огромными лапищами и сжал, словно в тисках, пытаясь отобрать у нее «Беретту».

Пистолет выстрелил в небо. Разрывающий барабанные перепонки грохот.

Для человека, получившего три пули в грудину, капрал Райсевик все еще оставался поразительно силен. Лена держала оружие двумя руками, а он мотал ее из стороны в сторону, словно тряпичную куклу, толкая ее назад. Он впился в нее так, как может впиться зубами питбуль. Единственное преимущество — она его смертельно ранила. Ей просто требовалось не выпускать оружие, пока этот гигант в наручниках не истечет кровью, пока его глаза не станут безжизненными.

Но его взгляд все еще был полон жизни.

Его улыбка стала шире, он жарко дышал. Лена чувствовала тошнотворный сладкий запах его пота. Что-то пошло не так.

Легкий звон. Между ними упал какой-то маленький предмет. Монета? Лена боялась смотреть вниз, не сводила глаз с Райсевика. Пыталась выглядеть бесстрашной. Имело значение только оружие в ее сжатых руках с побелевшими костяшками пальцев. Она не собиралась его отдавать.

Еще два странных звука — звяк, звяк — и она почувствовала ужас в груди, словно мотылек коснулся ее крыльями. Райсевик еще сильнее растянул рот в улыбке, теперь Лена могла сосчитать все его зубы и рассмотреть зубные камни. Он словно бросал ей вызов: «Ну, погляди вниз». Он хотел, чтобы она увидела, что там упало.

«Не смотри туда, Лена. Он просто хочет отвлечь твое внимание».

Но она должна была посмотреть.

«Не надо…»

Она посмотрела.

На дороге валялись три металлических предмета. Сплющенные, словно шляпки грибов. Их сдавило после столкновения с твердым и непроницаемым щитом — тем, что было надето у него под формой. Она вспомнила странные звуки, которые слышала несколько часов назад, когда он похлопал себя по груди. Что-то похожее на треск, как в лампе накаливания.

«На нем надет...»

Райсевик вздернул ее вверх. Ну и сила! Ноги Лены оторвались от бетона, она оказалась в невесомости, словно ее крутило в центрифуге. Так в детстве ее качал дядя, у которого она проводила лето. Воздух свистел в ушах — а потом она врезалась позвоночником в дверцу «Доджа». Ребра пронзила острая боль, весь воздух выбило из легких. Лена с хрипом закричала, не узнавая свой голос.

А он снова поднял ее вверх и впечатал в машину. Так повторилось еще несколько раз. Она почувствовала, как дверца «Доджа» прогнулась внутрь, окно треснуло и рассыпалось. «Беретта» опять выстрелила, пуля пролетела в нескольких дюймах от ее лица, в ушах зазвенело, обоих словно окатило взрывной волной, но она все равно не выпускала оружие, держала пистолет двумя руками, отказываясь уступать, не желая сдаваться. Ее указательный палец попал в капкан за спусковым крючком.

— Отпусти, Лена.

Она почувствовала яростное дыхание Райсевика у себя на лице. Она даже не успела ответить, как этот огромный мужик снова поднял ее над землей и снова врезал ею по патрульной ма-

шине, на этот раз лицом по передней панели. Лена почувствовала, как у нее хрустнула скула, она прикусила язык, и из него брызнула кровь. Машина сотряслась от удара.

Магнитофон соскользнул с капота и с грохотом повалился на бетон. Кассета все еще крутилась, запись продолжалась, запечатлелся каждый удар, каждый вздох и крик.

— Мама и папа! — закричала Лена, глядя на магнитофон. — Я так вас люблю…

— Они тебе не помогут, Лена.

— Кэмбри не кончала жизнь самоубийством! — закричала она еще громче, когда Райсевик снова поднял ее и на этот раз швырнул ее на капот. — Я нашла ее убийц!

— Чего ты стараешься? — проворчал Райсевик. — Я все равно его разобью.

— Я всегда буду с тобой, мама, — она пыталась высвободиться, когда Райсевик высоко поднял их сцепленные кисти, в которых был пистолет. — Что бы он со мной ни сделал, Кэмбри не в аду.

Он опять поднял ее. Ну и силища! Вытянул вверх ее руки. На мгновение плечи этой гориллы по имени капрал Райсевик закрыли собой красное солнце, его бицепсы чуть не разорвали рукава, а потом он врезал алюминиевой задней

частью ствола ей по виску — словно кастетом или дубинкой. Из глаз у нее полетели искры. В голове что-то хрустнуло, звук напомнил раскалывающееся стекло.

— Мама, — из горла вырвался булькающий звук — рот наполнился кровью. Передний зуб теперь шатался, и ее последнее слово прозвучало как свист: — *Мама!*

Райсевик снова поднял «Беретту» в их руках. Словно дубинку, прямо над ее лицом…

— Мама, Кэмбри не в аду…

Он сломал ей нос — послышался жуткий хруст, потекла кровь. Было ощущение, что внутри взорвалась петарда, пазухи носа вылетели, перед глазами возникла красная пелена, лицо горело огнем. Лена слегка ослабила хватку на пистолете, и Райсевик чуть не вырвал его из ее сжатых пальцев.

Но она его удержала.

— Отпусти, — он тяжело дышал ей в лицо. — Просто отпусти…

— Отпусти, Кэмбри.

Она держится руками за ограждение, большие пальцы ног стоят на самом краю. Кэмбри моргает, пытаясь избавиться от холодных слез. Голос Райсевика у нее за спиной становится мягче, почти

сочувствующий, успокаивающий.

— Пожалуйста. Отпусти, — он подошел ближе, опустив черную винтовку. — Я не хочу в эти выходные ехать убивать твоих родственников. Я не хочу стрелять в твоих родителей, когда они лежат в кровати. Я не хочу проскальзывать в квартиру Лены как тень и перерезать ей горло. Я не такой. Я не подлец.

Кэмбри закрыла глаза. Его голос приближается.

— Пожалуйста, Кэмбри. Пожалуйста, не заставляй меня делать все эти ужасные вещи. Я не плохой человек.

Нет. Она сильнее сжимает ограждение. Нет, он врет, и больше всего себе. Райсевик тот еще мерзавец. Он жуткий человек. Он хуже, чем само зло. Это вирус с номером социального страхования. Это ходячее, говорящее насекомое высотой шесть футов.

— Шесть, — считает он. — Кэмбри, ты можешь их спасти…

Она зацепилась за ограждение локтями, словно крюком, и смотрит вниз. Вероятно, к этому времени ее глаза уже привыкли к темноте. Она довольно четко видит то, что находится высоко над обрывом. Она видит ботинки, которыми она

впивается в край моста и от которых до дна пересохшего русла двести футов — русла, покрытого гравием, валунами, светлыми кусками дерева и корягами, принесенными сюда водой. Немногим дано увидеть то, что вот-вот тебя убьет.

О чем думала моя сестра перед смертью?

Могу только догадываться.

Та девчонка, что вывела из строя туалет, когда мы учились в средней школе, что путешествовала по стране по глухим местам вместе с ублюдком, ночуя в автомобиле, и что поехала назад, тоже ночуя в автомобиле, но уже без ублюдка, не сдается. Она слишком упрямая и несговорчивая. Слишком яростная. Она не сдается даже в такой ситуации, когда ей в спину смотрит винтовка, а под ногами смертельная пропасть. Она думает: *«Нельзя сдаваться. Если я это сделаю, выигрывает Райсевик. Я должна его заставить меня застрелить. Ему не отделаться так просто. Я должна сопротивляться, каждым вздохом и ударом сердца, и даже после того, как я умру, я должна продолжать борьбу с ним…»*

— Отпусти. Пожалуйста, — убеждает он.

«Нет. Я никогда и ни за что не выпущу из рук это ограждение, и я заставлю его выстрелить мне в голову. А после этого, если он не блефует,

он отправится убивать моих родственников. Вероятно, он вначале придет за тобой, Лена. Твоя квартира в Сиэтле будет на пути в Олимпию.

Прости. Это моя вина.

Он придет за тобой, сестра, со своим оружием, в прекрасной физической форме. Тебе придется с ним сражаться. С Райсевиком нужно сражаться решительно и смело. Не бойся его. Сражайся мудро. Никакой честной борьбы. А главное — независимо от того, как все будет плохо, не сдавайся, Лена.

Не сдавайся».

Он вырвал пистолет из ее пальцев.

«Прости, Кэмбри. Он слишком силен».

Лена знала, что все закончилось, когда летела через капот «Доджа». Она врезалась копчиком в лобовое стекло, снесла дворник, а потом влетела в ограждение, и первым с ограждением встретился ее рот. Она со всей силы шлепнулась на бетонное покрытие, растянулась на нем так, что половина тела свесилась с моста. Она ухватилась локтем за ограждение, но обе ноги свисали над наводящей ужас пустотой. Двести футов до земли.

— Наконец-то, — тяжело дыша, произнес по-

лицейский.

Пистолет был у него в руках.

Мысли возвращались медленно, принимая в раненой голове странные формы. Она моргала, чтобы избавиться от вспышек мерзкого света перед глазами. Из сломанного носа текла кровь, заполняя горло.

«*Вставай, Лена*».

— Этот мост… — хрипло произнес Райсевик, все так же тяжело дыша. — Кстати, никаких призраков на мосту Самоубийц нет. И никогда не было. Мой папаша убивал свои первые жертвы здесь. Притворялся, что у него сломалась машина, махал рукой, останавливал проезжавших мимо людей, а потом сталкивал беднягу с моста. Даже не знал, что прославил этот мост. Похоже, что четырех жертв для такой славы достаточно.

Лена услышала, как открылась дверца машины, потом щелчок. Он расстегивал наручники.

Она подтянулась на руках и затянула ноги на мост. Каждая из них казалась тяжелым бревном. Она попыталась встать, но могла только ползти. У нее кружилась голова, все качалось или скакало: коричневое небо, дым, скалы, бетонное покрытие. К горлу подступила тошнота. Она попыталась сфокусировать взгляд, но перед глазами

все плыло. Она поняла, что из глаз выпали контактные линзы, поэтому не видела Райсевика.

— Хочешь услышать забавную вещь? — послышался с другой стороны машины приближающийся мерзкий голос Райсевика. — Много лет я мечтал убить своего отца. Представляешь? И только что ты от этого меня избавила.

«Встань. Борись. Прямо сейчас», — кричал внутренний голос.

Но сил больше не осталось. Мышцы горели огнем. Болела каждая косточка. Без контактных линз Лена практически была слепой, один глаз уже распух так, что она бы и в линзах ничего не видела, разбитые зубы царапали десны и свободно болтались во рту. Она не могла даже встать, не то что оказывать сопротивление капралу Райсевику, который весил двести пятьдесят фунтов. Не было никаких сил.

«Прости, Кэмбри. Я тебя подвела».

— Я хотел, но я не такой, как он. Я — прирожденный полицейский, — заорал он хриплым голосом. Охрип он явно от дыма, который их окутал. — Я — не подлец…

Лена оглянулась. Кровь и слезы застилали глаза — она часто моргала, увидела приближающийся туманный образ капрала Райсевика, больше

похожий на тень. Он обошел свою машину, и его силуэт высветился на фоне огня — в фильмах на таком фоне приближаются убийцы. Наручников на запястьях не было, в руке — пистолет, ее «Беретта».

Она заставила себя приподняться и отползти, но слишком медленно.

— Два дня назад я сбросил маленького мальчика в колодец — больше никогда никого не буду убивать, — она слышала его шаги — как он идет к ней. Райсевик рассмеялся — лающим смехом. — Я люблю отца. Но, Боже, у меня впереди еще сорок лет жизни. Я смогу исправиться. А он уже нет.

Закрыв глаза, Лена ползла дальше. Она готовилась к выстрелу.

«Прости, Кэмбри, мне очень жаль».

— А теперь все закончилось, — его голос звучал совсем близко. Лена чувствовала его дыхание у себя на шее. — Мой отец никогда больше не подберет на дороге ни одну бродяжку. А это означает, что мне больше не придется сжигать ни один…

Лене потребовалось несколько секунд, чтобы понять: Райсевик внезапно замер на месте. Даже ногу не опустил на бетонное покрытие.

Он что-то заметил.

Глава 25

Он забыл про магнитофон. Лена повернулась и увидела, как поднял его с дороги.

— Подожди… — произнесла она.

Райсевик взвесил его в руках — большой, но поразительно легкий. Магнитофон тщательно записывал каждое слово, каждое обвинение, каждый вдох и выстрел. Это было главное доказательств в обвинении — запись признания капрала Раймонда Райсевика, который помог совершить и скрыть четырнадцать убийств, и признание в убийстве маленького мальчика. Но в конце этого дня магнитофону придет конец.

Как и его отцу. Как и Лене. Как и их машинам со следами пуль.

Райсевик смотрел, как Лена поднимается на локтях, как с нее на бетонное покрытие падают капли крови. Боже, ее лицо напоминало жуткую маску, которые надевают в Хэллоуин. Кожа приобрела пурпурный цвет, лицо опухло. Нос был вдавлен внутрь, губа разбита, и изо рта вытекали слюни вперемешку с кровью.

— Я всю жизнь уничтожаю какие-то вещи — помогаю им исчезнуть, — Райсевик ухмыльнулся,

чувствуя, что все снова пошло на лад. — Считаешь себя особенной? Ты — просто еще один скелет с мясом на костях. Ты решила самую большую проблему в моей жизни, и в понедельник я спокойно выйду на работу.

— Пожалуйста, подожди… — у нее булькало в горле, когда она это произносила.

Он высоко поднял магнитофон.

— Нет, нет, нет…

Он с силой бросил его на дорожное покрытие. Магнитофон рассыпался на множество кусочков на глазах у беспомощной Лены. На этом Райсевик не успокоился. Среди обломков он нашел кассету и раздавил ее каблуком. Все разговоры, которые звучали на протяжении дня, все детали и признания — все мгновенно и безвозвратно исчезло.

— Ты меня не остановила, Лена. Ты меня освободила.

Завтра произойдет одно из двух.

1. ***Меня убьет Райсевик.*** Это возможно и даже вероятно. Я буду в одиночку противостоять вооруженному убийце. У меня будет только пистолет, который я спрячу, и моя интуиция. Если

что-то из этого меня подведет, мне не спастись. Там не работает сотовая связь, поэтому мне некому помочь.

Второй вариант?

2. ***Я выигрываю***. Я записываю признание капрала Райсевика в убийстве Кэмбри Нгуен. В результате он отправляется в тюрьму или умирает, а я становлюсь героиней.

Что потом?

Наверное, я поеду домой.

Может, остановлюсь в кафе и съем банановый сплит[24], который мы так любили с Кэмбри в детстве и делили один на двоих. Я снова вернусь к прежней жизни. Продам пистолет. Вернусь на работу, буду оплачивать счета и попытаюсь быть таким человеком, каким была до смерти Кэмбри. Той Леной Нгуен, которая накручивает пряди волос на палец и дергает их, у которой никогда не было парня, которая прячется за созданными в Интернете образами и редко выходит из своей квартиры.

Это меня ужасает.

---

[24] Примечания: 24

Банановый сплит — разрезанный вдоль банан с мороженым, взбитыми сливками, орехами.

Наверное, мне не особо будет интересно оставаться в живых после завтрашней встречи с Райсевиком. Если я выживу, то это не будет победой, потому что мои проблемы останутся, а его закончатся.

Это расследование впиталось в меня, я его переварила, приняла близко к сердцу, облекла в конкретную форму, оно стало моей навязчивой идеей и поселилось в каждой клеточке моего тела — об этом говорят мои бесконечные тренировки на стрельбище, изматывающая стрельба по картам, по пять в каждую из пятидесяти двух в колоде. После того как я разберусь с этим делом и одержу победу над Райсевиком, я не знаю, кем стану. Останусь ли я самой собой? Думаю, что в некотором роде Лена Нгуен умерла в ту минуту, когда умерла и ты, Кэмбри. Райсевик убил нас обеих.

Говорят, что ты совершила самоубийство?

Наверное, я тоже это сделаю.

Думаю, что мой план — это умереть завтра на мосту Хэйрпин. Я не стала брать выходные на работе. Я не перечислила арендную плату за квартиру за этот месяц (патроны для тренировки на стрельбище обходятся дорого). Я никому не сказала, куда отправляюсь и что собираюсь де-

лать, потому что люди определенно попытались бы меня остановить.

Вероятно, мой пост в блоге «Огни и звуки» своего рода предсмертная записка. Я вообще люблю экивоки. Не люблю говорить и действовать прямо. Это последние слова, написанные Леной Нгуен.

Специализация: английский язык.

Любимое занятие: есть бутерброды с сестрой, которой уже нет в живых.

11 апреля 1995 года — 21 сентября 2019 года.

Простите, дорогие читатели.

Видимо, на следующей неделе обзора книг не будет.

Будьте честны с собой. Вероятно, вы уже догадались, что все идет в этом направлении. Я кажусь вам нормальной? Думаете, предыдущие пять тысяч слов — это мысли и наблюдения психически здорового человека? Если (или когда) я умру завтра, просто знайте, дорогие читатели, что у меня есть запасной план. И это хороший план.

Да, я склонна к самоубийству.

Но я не дура.

— Еще раз посмотри на него, — прошептала девчонка.

— Что?

— На то, что ты разбил. На магнитофон глянь.

«Ты серьезно?»

Поддетый ботинком пластиковый кусок отлетел в сторону.

— Нет, Рик, — ее голос звучал резко и снисходительно. А от обращения «Рик» у него внутри все закипело от ярости. — Рассмотри его хорошенько.

— Ты головой ударилась.

— Я подожду.

Она выплюнула красный сгусток крови на дорогу, все еще продолжая смотреть на него снизу вверх с небывалым спокойствием. Может, у нее травма головы? Сотрясение мозга? Скула сильно опухла, глаз заплыл, и часть лица приобрела цвет гнилой тыквы.

Райсевик знал, что на такие глупости времени у него нет. Надо было действовать быстро: убить Лену, упаковать тела в багажник и убрать машины с моста, прежде чем сюда дойдет пламя и появятся пожарные. У него было два тела, грузо-

вая фура и «Тойота», которые должны исчезнуть во время *лесного пожара*, черт побери. Его ждут чертовски сложные выходные — столько работы. Но почему-то ему было важно отстоять чувство собственного достоинства. Поэтому он решил потакать Лене, чтобы показать, как она неправа.

Первой он поднял плату зеленого цвета. Ничего. Потом он поднял еще один кусок — белый пластиковый шток. Тоже ничего особенного. Следующей оказалась стандартная устаревшая кассета, подобная тем, которые все еще использовались при допросах в округе Хауард.

— Довольна? — спросил он, переводя взгляд на нее.

Она продолжала смотреть совершенно спокойно и с каким-то мечтательным видом. Но не на него, а на дорогу, на разбросанные обломки магнитофона. На один единственный кусок.

Райсевик проследил за ее взглядом. Черный кожух из какого-то полимера, по форме напоминающий патрон, треснувший посередине. Он был сделан из совсем другого материала, не такого, как кассетный магнитофон. Вероятно, был прикреплен к задней части с помощью изоленты. Сбоку что-то написано белыми буквами.

Он перевернул его ботинком. Предмет завер-

телся на бетонном покрытии, потом остановился. Сверху появилась надпись: «Моторола».

По спине вдоль позвоночника у него пробежал холодок.

Лена посмотрела на него снизу вверх и хитро улыбнулась, демонстрируя окровавленные зубы.

Этот пост в «Огнях и звуках» не будет опубликован сразу же после того, как я его напишу. Я поставлю его на автопубликацию на воскресенье, двадцать второе сентября, в полночь по тихоокеанскому поясному времени. (Поэтому если вы это читаете, то знайте: меня уже не остановить.) Простите, но так надо.

Поскольку на мосту Хэйрпин, этой проклятой Шпильке, связь не ловит, о чем сообщается в различных документах, я буду записывать Райсевика на старый кассетный магнитофон Кэмбри фирмы «Шубокс». Но я подстраховуюсь, задействую две рации: передатчик, приклеенный к магнитофону сзади, и принимающее устройство, подключенное с помощью цифровой связи к моему ноутбуку. Запись пойдет в облако. Все будет загружаться автоматически. Это кэш-память. И сегодня в полночь эта запись окажется в Интернете, внутри этого поста. Даже если я умру.

Не верите мне?

Ну, вот она.

Вы сможете прослушать, просто кликнув по ссылке ниже. Вау! Вы сами сможете скачать весь мой разговор с капралом Раймондом Р. Райсевиком, состоявшийся двадцать первого сентября:

Капрал
Раймонд Р. Райсевик: SS9.21.19Raycevic.gxf

Наслаждайтесь!

Но подойдите к делу ответственно. Ведь запись может включать и мое убийство.

Райсевик посмотрел на нее широко раскрытыми глазами.

— Где…

Она ухмыльнулась. От этого стало больно мышце в щеке.

— Где принимающее устройство?

Лена покачала головой, еще несколько красных капель упало на бетон. Она отвернулась, глядя на стену огня вдали. Красные широкохвойные сосны вспыхивали как спички, по ним будто стреляли из огнеметов. Дыма становилось все больше. Его облака по форме напоминали цветную капусту. С самого детства Лена любила смотреть, как что-то горит.

— Где он? — заорал Райсевик.

— Ты и вправду не знаешь? — она посмотрела

на него. — Еще не догадался? Ты же был там. В кафе «Магма-Спрингс». Помнишь?

Он прищурился. Он не помнил.

— Тупица, я в кафе ходила не за водой. Приемник подсоединен к моему ноутбуку. Каждое произнесенное здесь слово записано и загружено. Кассетный магнитофон дублировал запись, но он не нужен. Все настроено на автопубликацию, и сегодня в полночь она появится в моем блоге. Ничто, ну может, только атомный взрыв, этому не помешает, — она плюнула на его форму тяжелый сгусток крови. — Можешь прямо сейчас вернуться в Магма-Спрингс, разбить еще и мой ноутбук, если хочешь. Но это тебе никак не поможет. Все уже сделано. Твое признание записано на ноуте и вот-вот появится в сети.

Он все понял.

Лена не могла сдержаться и расхохоталась. Кожу на щеках тянуло, они распухли.

— Думал, я такая наивная? Думал, я рассчитывала из перестрелки выйти победителем?

Он ничего не сказал.

— Я готова рискнуть собственной жизнью. Даже отказаться от нее. Но я не стану рисковать правдой. Правда слишком ценна. Ради правды я подстраховалась, мир должен ее знать. Пусть

ценой моей жизни.

«А ты еще смеялся, что я работаю в магазине электроники», — чуть не добавила она, схватилась за раскалившееся на солнце ограждение и попыталась встать. Лучше умереть стоя.

— Край моста вот тут, — продолжала она, показывая пальцем. — На тот случай, если тебе захочется… ну, ты сам понимаешь. До того, как у тебя в отделе узнают, что ты на этой неделе сбросил ребенка в колодец.

Казалось, Райсевик уменьшился в размерах. Этот самозванец в форме полицейского ссутулился и как-то сжался. В его руке дрожал пистолет, и сам он тоже дрожал, словно в лихорадке. Он понял, что завтра его объявят в розыск по всей стране, и на него начнется охота. Это понимание ударило по нему, словно на него высыпалась тачка, заполненная шлакобетонным камнем.

— Но… — Лена запнулась. — Но в одном я точно уверена.

Он снова на нее посмотрел. Она улыбнулась.

— В понедельник ты не вернешься на работу.

Полицейский тоже улыбнулся. Но это была очень странная улыбка — уголки его рта будто зацепились за сучок. Мышцы на лице, казалось, не могли договориться друг с другом. Мгновение

— и его лицо опять ничего не выражало. Он принял решение. Лена легко поняла его.

— Можешь меня убить, — добавила она. — Для тебя это ничего не изменит.

— Но не для тебя.

Он прижал «Беретту» к ее лбу и нажал на спусковой крючок.

Раздался оглушительный выстрел.

Кэмбри ударило волной сжатого воздуха, она закричала, стоя над пропастью. Ее ботинки теряют сцепление с бетонной поверхностью, но она успевает зацепиться кончиками пальцев за ограждение. Долго ей так не выстоять.

— Пять. Это был предупредительный выстрел. Пуля пролетела у тебя над головой, — Райсевик прицеливается, опуская винтовку пониже. — А следующий выстрел будет прямо в голову, и ее разорвет на части. Твои проблемы закончатся, а как насчет мамы, папы и сестры? Для них они только начинаются.

Кэмбри теряет силы, слабеет. Она сильная, агрессивная и задиристая, но мышцы стали как у покойника. Пальцы покрыты холодным потом. Она соскальзывает, сдается силе тяжести, с каждым дюймом приближаясь к бездонной пропасти.

— Четыре. Отпускай ограждение, Кэмбри, — его голос снова стал мягче. — Не беспокойся. Я напишу очень милую предсмертную записку твоей семье. Отправлю СМС-сообщение твоей сестре. Договорились?

Пластикмен смеется и пародирует молодой женский голос:

— Пожалуйста, прости меня. Я не могу с этим жить…

У них за спинами слышится какой-то шум, напоминающий хриплое бормотание. Двигатель «Тойоты» наконец заглох. Сожжена последняя капля топлива. Сколько еще она бы проехала, если бы попыталась сбежать? Одну милю? Тут не угадаешь. Никто не знает, сколько в баке было топлива в самом начале, когда она сорвалась с места.

Сухое русло внизу — черная пустота, которая зовет ее. А голос Райсевика — ядовитый шепот у нее в ухе:

— Никто не будет по тебе скучать, Кэмбри. Ты же знаешь это, так ведь?

Боже, надеюсь, она ему не поверила.

— Ты — психически больная одинокая девушка, что бежит от своих проблем. Каждый год таких, как ты, умирают тысячи. Согласно статистике…

О чем думала моя сестра, глядя вниз с моста Хэйрпин? Никому это не известно. Непросто дается мне эта часть.

— Три.

Боже, как бы мне хотелось знать.

— Два.

Но в глубине души я верю: она решила спасти нас. Кэмбри Линн Нгуен взвесила все за и против, поняла, что выхода у нее нет, и сделала продуманный выбор, чтобы защитить мать, отца, и меня от мести этого полицейского-психопата. Она должна была понимать, что мы никогда не узнаем правду. Мы поверим в ложь Райсевика, в то, что на заброшенном шоссе в Монтане она стала жертвой своих собственных фурий. А мама еще и будет считать, что ее дочери суждено отправиться в ад.

Она сделала это ради нас. Шестого июня она стала нашим ангелом-хранителем.

— Рай-Рай, убивай суку.

Райсевик прицелился и повысил голос:

— Один…

Моя сестра разжимает руки.

«Я умерла».

Лена не сразу поняла, что она все еще жива.

Вдали бушевал пожар, секунды продолжали свой бег, бешено стучало сердце в груди, а «Беретта» в руке Райсевика — *ее* оружие в его руке, нацеленное ей в лоб — не сработало. «Беретта» не выстрелила! Он снова нажал на спусковой крючок, сильнее, а потом уставился широко раскрытыми глазами на пистолет, который его подвел.

Внутри Лена ликовала. Ее переполнял восторг. Ей снова хотелось смеяться, прямо в его раскрасневшееся лицо, потому что капрал Раймонд (Рик) Райсевик, который уже признался в сокрытии четырнадцати убийств и убийстве ребенка (и все это записано), тот, кому завтра предстояло стать главной новостью по всей стране, не мог даже пристрелить ту, благодаря кому о нем узнает каждый встречный.

«Кэмбри», — подумала Лена, и холодок пробежал у нее по спине.

Она все поняла. Она знала, что произошло на самом деле. Но все равно она продолжала мысленно повторять:

«Спасибо, Кэмбри, спасибо…»

Она откатилась от Райсевика и поднялась на ноги, пропитанные кровью волосы развивались на ветру. Ключи от «Тойоты» были зажаты у нее в кулаке. И она бросилась к машине — тяжело дыша и стараясь не обращать внимания на боль.

«Спасибо, сестра, за твою помощь. В последний раз. Теперь я все сделаю сама».

Райсевик дергал затвор «Беретты». Из пистолета вылетела гильза.

Никаких чудес. Ничего сверхъестественного. Во время схватки за пистолет, когда их руки переплелись, он выстрелил, но ударно-спусковой механизм должным образом не сработал — не прошел весь положенный путь. Это легко решаемая проблема, инструкторы по стрельбе учат справляться с таким сбоем, причем на одном из первых занятий.

Райсевик отпустил затвор, тот пошел вперед и щелкнул. Райсевик обрадовался. Он снова плавно поднял пистолет и прицелился в спину бегущей девушке. Она как раз добралась до машины, стоявшей в двадцати футах, развернулась, дернула дверцу…

Он выстрелил, но она уже нырнула внутрь. Разбилось зеркало заднего вида.

Он сделал шаг вправо, чтобы стрелять под более удобным углом, и прицелился сквозь растрескавшееся заднее стекло «Тойоты». Девчонка все еще оставалась на виду. Тонкая спинка сиденья ее не защитит. Он видел Лену сквозь стекло, ее судорожные движения — она сидела на водительском месте и пыталась вставить ключ.

Двигатель ожил. Зажглись красные габаритные огни. Но этот побег ее не спасет. Райсевик снова прицелился, на этот раз в подголовник кресла. Он не мог не чувствовать легкое разочарование в девушке, которую собирался убить.

«Лена, это правда? Ты приехала. Нашла меня, — думал он, нажимая на спусковой крючок. — *И теперь сбегаешь?»*

Она включила заднюю передачу.

«Я не сбегаю, ублюдок».

Она нажала на газ, и «Тойота» мгновенно рванула назад с визгом покрышек. На Райсевика.

Он открыл огонь.

Лена пригнула голову. Пули пробили заднее стекло и врезались в ее сиденье, из него вылетели

куски желтого поролона. Потом куски вылетели из приборной доски. Лобовое стекло пошло паутиной трещин. Лена опускалась все ниже, ниже, она залезла под руль. Педаль она давила коленом. Машина все так же давала задний ход, и Лена поняла, что стрельба играет ей на руку — Райсевик потратил драгоценные секунды вместо того, чтобы убраться с дороги, а отскочить он теперь не успеет.

Она почувствовала, как сильно в него врезалась задом машины.

Как же ей стало хорошо. Такой удар пришелся ей по вкусу. Лена повернулась и увидела огромные плечи Райсевика, распластанные по заднему стеклу. Удар выбил из его легких воздух. Теперь он ехал, лежа на багажнике движущейся машины, левой рукой пытаясь ухватиться за спойлер…

Он поднял правую руку. В ней был пистолет, который он направил прямо на нее. Теперь Райсевик находился слишком близко и промазать уже не мог. Он злобно ухмыльнулся, глядя на Лену сквозь потрескавшееся стекло. Он не стал бы ухмыляться, если бы знал, что находится у него за спиной и быстро приближается.

А Лена знала и приготовилась.

Задом «Тойота» врезалась в патрульную маши-

ну капрала Райсевика.

Он почувствовал, как треснули его колени — словно сухие ветки.

Предполагается, что после получения травмы человеческий мозг отключается — это шоковая реакция на телесные повреждения. По крайней мере, так говорили в течение двух десятков лет на всех занятиях по медицине. Но почему-то человек, называвший себя Раймондом Райсевиком, ощущал и видел все детали с четкостью, достойной IMAX. Он слышал грохот при столкновении металла. Скрежет, за которым последовала дикая боль. Его ноги ниже колен исчезают — жуткое зрелище. Да, они где-то там, сжаты металлическими челюстями. Надо надеяться, что все еще от тела не оторваны.

Затем новая боль: он оказался распластанным на капоте собственного «Додж Чарджера». Словно стеклянный шар, раскололся череп.

Время растянулось. Он помнил, как смотрел на солнце, похожее на планету Марс. Оно висело низко и казалось чужим. Он видел пепел, летящий в восходящем потоке теплого воздуха, он напоминал светлячков. Во время столкновения

он потерял пистолет, но что-то оставалось у него в правой руке. Это казалось невозможным, но что-то там было. Что-то другое. Он повернул шею и посмотрел.

Детский ботиночек с застежкой-липучкой.

Внутри у него все сжалось.

«Нет!»

Да. Ботиночек лежал у него на ладони. Под ярким солнечным светом Райсевик видел все трещины на резиновой подошве. Ботиночек случайно соскользнул с маленькой ножки своего владельца…

«Нет, нет, нет».

Он стоял над высохшим колодцем, который раньше подпитывали грунтовые воды, и слышал затихающий крик маленького мальчика, что летел вниз по темному каменному туннелю. Затем из глубины раздался звук. Удар был громким, он вызвал у него тошноту. Так падает мешок с мукой. Крики мгновенно прекратились. Все. Ничего изменить нельзя. Живот скрутило, он почувствовал кислый привкус во рту. Больше он ничего не мог сделать, но маленький ботиночек оставлял ощущение не до конца выполненной задачи, поэтому Райсевик сбросил вслед за владельцем и его — пусть присоединится к нему в

сорока футах внизу.

Колодец был его единственным выходом. Он не мог сжечь такое маленькое тело. Даже жутко представить, как бы он разделывал ребенка. Прошлой ночью, когда совсем рядом с ним лежала жена, мысли его одинокой души не давали ему заснуть. Он решил в воскресенье заполнить колодец жидким бетоном, верхнюю часть снести бульдозером и навсегда похоронить этого малыша.

Маленький мальчик с каштановыми волосами, который приехал к нему на заднем сиденье машины, заваленный альбомами со стикерами с изображением супергероев, стал первым, которого он убил сам. Это произошло два дня назад.

«Мне следовало просто оставить его у пожарной части, — думал Райсевик прошлой ночью, а под храп Лизы у него на глаза наворачивались слезы. *— Если бы он вырос и когда-нибудь опознал нас… Ну, значит, опознал бы».*

«Я сделал ужасный выбор».

«Мне никогда, никогда не удастся это искупить».

Теперь его ноги горели огнем. Накатила невероятная, все сметающая на своем пути волна боли, нервные окончания превратились в искры,

зашипели, ожили — и это было ужасно. Он метался и кричал сквозь стиснутые зубы, но был зажат между машиной Кэмбри и собственной. Он попытался подняться и почувствовал, как коленная чашечка с мерзким звуком вылетела из сломанного сустава. Сквозь слезы он видел оголившуюся кость.

Мужчина услышал, как впереди открылась дверца «Тойоты». На дорогу полетели кусочки стекла. Резко накатила еще одна волна боли — кто-то вылез из машины и давление подвески ослабло.

К нему приближалась кара за все его грехи.

И имя этой кары — Кэмбри.

Вот и все, друзья.

Думаю, это конец блога.

Уже перевалило за полночь. Я пишу из своей квартиры. Наверное, можно сказать, что пишу сегодня — двадцать первого сентября. В тот день, когда мне предстоит встреча с ним.

Все приготовлено. Письма родителям, коллегам по работе, друзьям написаны и запечатаны. Некоторые я уже отправила по почте сегодня. Некоторые электронные. Остальные аккуратно

разложены на моем кофейном столике. А теперь мне нужно забраться в кровать и поспать, по крайней мере, часов пять. Надо немного отдохнуть перед самым важным днем в моей жизни, который я проведу на мосту Хэйрпин.

Но перед тем, как закончить…

Одно, последнее письмо. Для тебя, Кэмбри. Потому что я поняла, что ничего тебе не написала. По крайней мере, официально.

Итак, моя близняшка…

Несмотря на то какие мы разные, несмотря на расстояние между нами, я горжусь тем, что у меня твое лицо. Когда-то мы находились в одной утробе, мы даже были одним человеком. У нас были общие атомы. И когда-нибудь, когда наши тела превратятся в пыль, у нас снова будут общие атомы. Прости, что соврала маме и папе про того оленя. Прости, что на протяжении всех этих лет так никогда и не сказала правду. Мне очень жаль, что мы с тобой почти не разговаривали. Я могла бы тебя поддержать, но не сделала этого. Я виновата в том, что твоя жизнь закончилась на том мосту.

Завтра я искуплю вину.

Сейчас я отправляюсь в кровать, а когда

проснусь, поеду в Монтану и, черт побери, уничтожу того, кто убил тебя, сестра.

Крысиная Морда. Отключаюсь.
21.09.2019; 00:11.

Глава 26

Она смотрела, как Райсевик извивается, зажатый между «Тойотой» и передним бампером патрульной машины, напоминая раздавленное насекомое. Лена не видела его ноги ниже колена, да ей и не хотелось. Было достаточно растекавшейся по дороге лужи крови.

Лена подобрала свою «Беретту».

— Я… — произнес он с трудом. — Тебе нужно знать… перед тем, как ты меня убьешь.

Она проверила магазин и прицелилась.

— Говори быстрее.

— Это не твоя вина, — выдохнул он. — Случившееся с Кэмбри.

Она замерла на месте. Палец на спусковом крючке.

Она ожидала от капрала Райсевика очередную порцию яда, еще больше лжи, насмешек и ненависти. Больше жутких деталей. Может, фразочку типа «Я трахал твою сестру» или «Ей нравился мой член», сказанную сквозь разбитые зубы. Что угодно, но только не это. Изуродованный капрал сделал еще один долгий вдох, попытался пошевелить сломанными ногами, зажатыми между

машинами. Он с трудом выдавливал из себя слова, воздуха не хватало. Штаны все были в крови.

Она ждала.

— Кэмбри была самодостаточной личностью, — говорил он грудным шепотом. — Когда Рай застрелился… я понял: часть вины можно переложить на него. Если будешь себя ненавидеть, Кэмбри это не вернет.

У Лены на глаза навернулись слезы. Оружие в руках неожиданно стало тяжелым.

— Лена, смерть Кэмбри — *не твоя вина*. Это был ее выбор, и он привел ее на этот мост.

Лена отвернулась.

Она не хотела, чтобы он видел ее слезы, поэтому посмотрела на горизонт, моргала, пытаясь разглядеть языки пламени. По небу растекался дым, словно коричневая краска. Во всем этом была своеобразная смертельная красота — все погибает, обугливается и разлетается пеплом. Она вспомнила, как девочкой часами смотрела на костер, пока Кэмбри искала в темноте насекомых и собирала их в банку.

Неугомонная Кэмбри. Всегда в движении. Всегда в поиске.

«Это не твоя вина».

Наконец она снова повернулась к нему.

— Спасибо, Рай.

— Зови меня Рик, — он мягко улыбнулся, и на мгновение Лена увидела человека, которым он хотел бы быть, но вырос убийцей детей.

— Боже, ты выглядишь… *совсем как она.*

— Я знаю.

— Я словно вижу призрак.

— Я знаю.

— Она о тебе никогда не говорила, — прошептал он. — Ни разу.

«Погоди».

Она задумалась о его последних словах. Что-то в них было не так.

«О чем это он?»

В эту минуту Райсевик расстегивал ремень, чтобы наложить над коленом тугой жгут. Затягивая узел, он морщился от боли. Его слова крутились в голове у Лены, она ждала, когда он заговорит снова. Нет, верить ему нельзя. Он снова врал. Снова пытается сбить ее с толку.

Она вспомнила про его бумажник.

Он лежал на дороге. Как хоккейная шайба. В том месте, где она его бросила час или два назад, как только разгадала хитрость Райсевика. А его папаша в это время целился ей в спину и нажимал на спусковой крючок винтовки. Он

врал, чтобы ее отвлечь. Лена в этом точно не сомневалась.

А теперь у нее по спине пробежал холодок, от одного позвонка к другому.

Лена вернулась к центру моста, с трудом передвигая ноги. Она наклонилась и дрожащими пальцами подняла бумажник, открыла боковое отделение. Карточки высыпались и разлетелись по дороге…

«В последнем отделении. Последняя фотография…»

На этот раз она сунула «Беретту» под мышку, обе руки были свободны. Нашла скрытое отделение. Толстая бумага, похожа на картон. Ногтем большого пальца она достала карточку и перевернула ее.

В гражданской одежде она не узнала Райсевика — он был в рваных джинсах и светло-розовой рубашке. Выглядел он достаточно глупо. Сидел с удочкой в руках в двухместном каноэ, за спиной плескалась вода. Рядом с ним сидела девушка. Чтобы сделать селфи, она склонилась поближе к Райсевику, вытянула шею и положила ему на бедро ладонь. Это была…

Лена резко отвернулась. Ей хотелось бросить эту фотографию. Сбросить вниз с моста в огонь.

Райсевик внимательно наблюдал за ней.

— Лена, я же говорил тебе.

Она уставилась в грязное небо, часто моргая — слезы заливали глаза. Она закричала. Из горла вырвался долгий и странный стон. Лена все поняла. На этот раз не было речи об отвлекающем факторе, ее мысли были только об одном. Лена снова опустила взгляд на фотографию, сердце судорожно колотилось в груди.

Она смотрела на собственное лицо.

— Мне она нравилась, — мечтательно улыбнулся Райсевик. — Впервые я увидел ее на стоянке перед магазином «Супер Уан». Она воровала бензин, а я убедил ее немного задержаться в городе. Кажется, это было в марте…

«Нет, нет, нет».

Вздор! Он морочит ей голову. Этого не может быть!

Лена принялась искать на фотографии следы обработки в «Фотошопе»: несоответствующие тени или обрезанные углы. Признаков принуждения, например, приставленного к ребрам пистолета. Ну не могла же Кэмбри выглядеть такой беззаботной и счастливой с этим уродом, отправиться с ним на рыбалку, целоваться с ним, вести разговоры у костра и пить из одной

бутылки. Она загорела, на губах играла знакомая озорная улыбка. Она просто сияла.

— Ты ее не знала, Лена.

— Но ты же бросился за ней в погоню, — выдавила она из себя.

— Бросился.

— После того как она увидела твои костры…

— Все так. Ты все знаешь про погоню и про то, почему мы ее преследовали, — его глаза горели, он явно что-то скрывал. — Но ты не знаешь, почему она пыталась сбежать.

Повисла мучительная пауза.

Тишина перед тем, как опустится нож гильотины.

— В тот вечер мы с Кэмбри были на озере. Хорошо провели время. То был наш последний день. Она поймала красногорлого лосося размером с мою руку. В итоге она заметила, что меня что-то тяготит. Мои мысли были о мальчике, что сидел в сарае. Меня разрывало на части, словно внутри поселился монстр. Кэмбри поняла, что я что-то от нее скрываю. Я начал врать, все стало только хуже. Мы поругались. Она разозлилась и уехала. Со дна лодки я собрал всю рыбу, что уже начала портиться, засунул ее в автомобильный холодильник и поехал на участок отца. Я был дико

зол на него, черт побери, я был *в ярости:* во что он превратил мою жизнь! Думаю, что в тот день я мог бы его убить. Но, как обычно, его не оказалось дома. А затем… затем я услышал какой-то тихий звон, доносившийся из прицепа моего отца. Словно металлическая цепь покачивалась из стороны в сторону. И только я понял, что это наручники, как к моей шее прикоснулось дуло винтовки.

«Наручники».

Он сглотнул.

— Это была последняя бродяжка моего отца. Мать мальчика тридцати с чем-то лет, отец подхватил ее на федеральной автостраде. Она только что освободилась. Каким-то образом вытащила руки из наручников. А может, в предыдущий вечер отец так напился, что толком их не застегнул. Она украла винтовку у него из кабины, выползла на улицу и ждала меня в засаде. Не повезло. Она была вся в крови, ее колотило, и орала на меня, держа палец на спусковом крючке: «Куда ты дел моего сына? Говори или я тебе голову снесу!» И прижимает дуло этого «Винчестера» к шее, а я ей отвечаю: «Я не Пластикмен, я просто за ним подчищаю». Я говорю, что с ее сыном все в порядке, что я его спас, что меня не надо убивать, что мы что-нибудь придумаем…

Он выдохнул.

— И тогда ее застрелила Кэмбри.

«НЕТ».

Мысли Лены пролетали в голове, словно в свободном падении. Это было ужасно.

«Нет, нет, нет…»

— Кэмбри поехала за мной. И увидела эту незнакомую бабу, которая приставила винтовку к моей голове. Понимаешь? Она решила не сидеть сложа руки. Твоя сестра спасла мне жизнь.

Его слова звучали словно издалека, причем Лене казалось, что звук был каким-то резким и металлическим.

— Затем Кэмбри заглянула в прицеп. Увидела наручники. Портативную видеокамеру. Она заметила, что с женщины, которую она только что застрелила, до сих пор свисает клейкая лента. И до нее все дошло. А мне пришлось, глядя ей в глаза, все объяснять. Чем занимается мой отец. Что потом ради него делаю я. Что только что сделала она сама.

Он рассказывал все это спокойно и хладнокровно.

— А она… она была в таком подавленном со-

стоянии…

Лене показалось, что мост шатается у нее под ногами, закружилась голова. Она чуть не упала.

— …Я поцеловал ее в голову и сказал, что ей ничего не угрожает, она теперь член семьи Райсевиков, никто никогда не узнает, что она сделала…

У Лены все перевернулось внутри.

— Я показал ей, как разрезаю тела и спускаю кровь…

Лена рухнула на дорожное покрытие, ладонями вперед, и закашлялась. Горло жгло, словно в него залили кислоту.

— Я любил ее, Лена. Я *любил* ее. Я сказал, что на следующее утро угощу ее мороженым. Я хотел ее развеселить. Это грустная часть. У меня возникло ощущение, что я что-то отмечаю. *Праздную!* Я всю жизнь нес этот груз в одиночестве, все, что связано с отцом. *«А теперь,* — подумал я, — *буду не один…»*

Он вымученно улыбнулся. Никакой злобы. Чувствовалось, что у него разбито сердце.

— Я показал Кэмбри маленького мальчика в сарае. У меня появилась гениальная идея — мы с ней сами вырастим этого ребенка. Хорошая же идея? Я решил, что брошу свою жену-корову ради

Кэмбри, и у нас будет своя маленькая семья. Это, черт побери, казалось идеальным. Мы сделаем что-то хорошее из плохого. Спасем ребенка. Она искупит свой грех. Уравновесит весы. Но Кэмбри меня не слушала. Она просто сидела на пригорке и смотрела, как я сжигаю тело женщины. Тогда я этого не понял, но думаю, что понимаю теперь. Она увидела маленького мальчика, и в ее душе что-то сломалось, то, что там еще оставалось и могло сломаться. Она не просто случайно убила невинную женщину. Она убила мать.

«Пистолетом Блейка, — поняла Лена. — *Она его все-таки украла».*

Райсевик сплюнул кровью.

— Она меня обманула, ясно тебе? Она спросила, может ли сходить к своей машине, покурить и обо всем подумать. Я ответил: «Конечно, иди». К тому времени я уже забрал у нее пистолет и слил бензин. Что она могла сделать? Но я забыл про ее запас в баке. Примерно с галлон.

«Именно поэтому она и сбежала».

— Она завела двигатель и помчалась на огромной скорости.

На глаза навернулись слезы.

— Я только хотел с ней поговорить, успокоить ее до того, как она доберется до Магма-Спрингс. Я

не желал ей зла. Но из-за нее мы могли пропасть. Рыдая, она неслась как угорелая, хотела сдать нас, поэтому пыталась дозвониться в службу 911…

Лена снова вспомнила погоню. Райсевик остановил Кэмбри, но она его обхитрила. На перекрестке она вырвалась вперед, а затем ей не повезло: вспышка молнии. Потом он хотел протаранить ее машину, их разделяли какие-то дюймы, но она вовремя увернулась. Его автомобиль закрутило и выбросило с дороги. Она погналась за фурой, потом сражалась с Пластикменом…

— Мы нагнали ее здесь, на мосту, бежать ей было некуда. Отец пришел в ярость из-за глаза, орал, чтобы я ее пристрелил. Кэмбри деться было некуда. Она знала, что теперь я не смогу ее защитить. Она попыталась отправить последнее СМС-сообщение, вышла из машины, перелезла за ограждение, прямо здесь, и прежде, чем я ее остановил, она…

Ослабевшая и избитая Лена продолжала качать головой в бессилии и ужасе. Ей хотелось, чтобы он просто заткнулся!

«Прошу, замолчи…»

— Она прыгнула, Лена.

— Замолчи.

— Она совершила самоубийство. Это правда. А

ты сделала из нее мученицу, — он ухмыльнулся, словно вспомнил что-то смешное. — Эй! А это будет в твоей книге? Ничего себе, выходит, героиня…

— Заткнись!

— А это не разобьет сердце вашей матери? Кэмбри не только покончила с собой, она ведь и убила. Она точно в аду.

— Пожалуйста, замолчи…

— Ее предсмертное СМС все осложнило. Когда я вывез ее телефон отсюда, сообщение автоматически отправилось тебе. Можешь в это поверить? Если бы не этот крошечный текст, я бы просто сжег ее тело, как и все остальные. Но послание отправилось прямо ее семье, с упоминанием *моей фамилии.* Так что мне пришлось придумывать историю…

В израненном сердце Лены появилась надежда. Она вспомнила это сообщение: «Пожалуйста, прости меня. Я не могу с этим жить. Но ты, капрал Райсевик, надеюсь, сможешь».

— Месть, — прошептала Лена.

— Это не…

— Кэмбри сообщила мне твою фамилию, чтобы я тебя нашла и…

— Нет, — судя по виду, ему больше не хоте-

лось ничего рассказывать. Словно, если он все объяснит, это будет слишком жестоко, даже для него. — Это сообщение не предназначалось тебе, Лена. Кэмбри извинялась передо мной. Она не могла жить после убийства той женщины. Может, ей было противно, что я замешан в таких делах. Но ведь она пыталась отправить СМС с неудобной раскладушки. Думаю, она просто ошиблась и выбрала не того адресата. «Сестра» идет сразу за «Рай».

Внутри Лены образовалась пустота.

— Я не… — он легко пожал плечами. — Я не думаю, что ей было что тебе сказать.

Фотография дрожала у нее в руке, на ней сестра улыбалась. Ухмылка незнакомки с таким же, как у нее лицом, непроницаемым и ей неизвестным.

— Думала, ее призрак пришел к тебе во сне и отправил на этот мост? Лена, пора взрослеть!

Она отвернулась.

— Погоди. Это еще не все…

Она оставит его там, не застрелит этого гнусного человека, пускай он истечет кровью, а, может, зажарится заживо на жаре или задохнется в дыму…

— Эй! — крикнул он ей вслед. — Хочешь узнать ее последние слова?

Она не хотела.

— Вон у того ограждения, перед тем как прыгнуть…

Лена не обращала на него внимания, пытаясь открыть дверцу «Тойоты».

— Твоя сестра умоляла меня с полными слез глазами: «Рай, пожалуйста, не говори моей семье…»

Она плюхнулась на сиденье, с грохотом захлопнула дверцу.

— «Пожалуйста!» — его голос доносился сквозь разбитые окна. — «Не рассказывай маме и папе, что я сделала…»

Лена положила пистолет в держатель для чашек и взялась за рычаг переключения передач. Она не могла убить Райсевика как животное, но получила извращенное удовольствие от его криков, когда их машины отделились друг от друга, а детоубийца рухнул на дорожное покрытие у нее за спиной прямо на сломанные колени.

Глава 27

Мучительная боль.

Тео заставил себя еще приподняться, последние несколько дюймов были самыми ужасными — сплошная агония. Он добрался до дверцы и как раз в этот момент услышал крики сына, разносимые эхом. Он наблюдал в кусочек разбитого бокового зеркала, как машины разъехались. Рай-Рай растянулся на дорожном покрытии. «Тойота» отъехала и направилась к выезду с моста.

И следовала в направлении Тео.

У него почти закончилось время. Из разбитой челюсти ритмично вылетали тонкие струйки крови и стекали между пальцев. Он истекал кровью, смертельная рана убивала его капля за каплей, а эта голубая машина, которую он видел в остатках зеркала, приближалась к нему. Внутри нее маленькая Лена Нгуен думала, что все закончилось, что она покидает мост Хэйрпин, одержав победу. Но через несколько секунд она проедет мимо его грузовика, и у Тео Райсевика будут чудесные полсекунды, она окажется под идеальным для него углом.

Он сделал свой выбор. Единственный возмож-

ный выбор.

«За Китти».

Он оторвал липкую руку от горла и поднял «Винчестер.30–30», пристроив ствол на дверце. В последний раз. Для того чтобы поднять оружие, пришлось приложить неимоверные усилия. Почти подвиг Геракла! Но, постанывая, Тео двигался к поставленной цели. Он вытолкнул ствол в окно, прижался к нему щекой и прицелился. Надо было попасть по приближающейся машине.

Последняя бродяжка. Последняя засада.

Он выровнял винтовку.

«Китти, тебе бы это понравилось».

Он больше не зажимал рану пальцами, теперь горячая кровь из горла лилась ему на рубашку. Он умрет, убивая Лену Нгуен, и это будет честной и справедливой сделкой. Зачем бояться смерти? Забытье безболезненно, ты забываешь все, просто отключаешься. И, черт побери, решается вопрос с простатой. Все плыло вокруг Тео, весь мир стал оранжевым и белым, ему было дурно. Он понимал, что у него осталось примерно тридцать секунд. Потом он потеряет сознание.

И это было прекрасно. Времени у Лены осталось меньше. Может, секунды три?

«Тойота» приблизилась. Тео разглядел лицо

Лены сквозь потрескавшееся лобовое стекло. Бледная, измученная, вся в крови. Она понятия не имела, что ей предстоит стать последней жертвой Пластикмена. Напряжение казалось восхитительным. Это был самый важный момент в жизни Тео, самая прекрасная нота для ухода из этого мира. Лена напоминала бродяжку, беззаботно приближающуюся к дверце шкафа, в котором он прятался, чтобы взять халат. Она подъезжала все ближе и ближе, появится на мушке, и тогда он выстрелит в нее сквозь стекло.

Осталось две секунды.

Тео даже не требовалось двигать винтовку. Он позволит лицу Лены самому оказаться точно в перекрестье прицела. И когда оно будет там, он аккуратно нажмет на спусковой крючок.

Одна секунда…

Смерть безболезненна.

Мозг Кэмбри отключился мгновенно.

Примерно три секунды Кэмбри падала с моста Хэйрпин, ударилась о заваленное камнями сухое русло, врезалась в него головой на скорости почти сто миль в час. Все заканчивается за тысячную долю секунды. Ее мозг превращается в жидкость,

синапсы взрываются, словно миллион проводочков в разбитой рождественской гирлянде, и все, что когда-то было частью Кэмбри Нгуен, исчезает мгновенно. Навсегда. Все ее тайны, шутки, эмоции. Динозавр Боб, любимая песня («Не бойся Смерти»), неизвестная причина, по которой она звала меня Крысиной Мордой. Данные потеряны навсегда.

Как думаете, так все и было?

По моему мнению, она умерла именно так.

Медицинское сообщество согласно с показаниями Райсевика: упав с такой высоты, при ударе человек боли не чувствует. Я так и написала. Но по правде говоря… Я понятия не имею, как там на самом деле! Даже думать не хочу. Но кто знает, каково это — умирать? Что человек чувствует? Я уверена лишь в том, дорогие читатели, что история моей сестры заканчивается, и мне очень хотелось бы, чтобы она закончилась по-другому.

И вы даже представить не можете насколько.

Я написала эту историю как можно точнее, основываясь на показаниях, которые записала двадцать первого сентября во время встречи с капралом Райсевиком и его отцом Тео — серийным убийцей, теперь прославившемся и известным как Пластикмен. После того как я сломала ноги

Райсевика, зажав их между нашими машинами, его последними словами были: ему жаль, что он убил мою сестру. Передатчик к тому времени был уничтожен (им самим), поэтому записи этих слов нет. Но хочу заметить, что после нескольких часов запугивания, издевательств и вранья, он наконец признался в убийстве моей сестры.

«Мне жаль, что мы убили Кэмбри».

Вот так он выразился, и это были его последние слова.

Я не могла его простить. Я не могла его убить. Я не знала, что делать. Я оставила его лежать на дороге, села в машину и поехала прочь.

Нет. «Поехала» — не то слово.

Я оттуда *сбегала*.

И я совершила ошибку. Я оставила убийцу рядом с машиной, которая все еще была на ходу, и полуавтоматической винтовкой в багажнике. Он мог сбежать даже раненый, взять заложников или устроить засаду на тех, кто по моему донесению приедет за ним первым. Приближающийся лесной пожар не убил бы его — мост Хэйрпин стоит до сих пор, хотя и измазанный сажей. Эта проклятая Шпилька не пострадала!

Отъехав, я посмотрела в зеркало заднего вида. Помню, как увидела окровавленное лицо Кэмбри,

все в синяках. В голове появилась четкая мысль.

В тот день я повторяла слова, которые прозвучали во время поминальной службы на похоронах Кэмбри: «Когда умираешь, ты превращаешься из человека в мысль, образ». В июне я думала, что поняла смысл этих слов. Но осознание пришло только сейчас — смерть жестока. Моя сестра больше физически не присутствует в этом мире. У Кэмбри больше нет голоса, тела, своего «я». Она существует только в нашей памяти — какой мы ее помним. Теперь мы несем ее сущность в себе, точно так же, как племена кочевников раньше носили огонь в роге, чтобы угли не гасли никогда.

Проезжая мимо разбитой грузовой фуры, в которой лежало тело Пластикмена, я решила, что огонь памяти, воспоминания о Кэмбри будет нести один человек. И им не будет ее единственный оставшийся в живых убийца.

Не Райсевику рассказывать о последних часах жизни моей сестры. О них буду рассказывать я.

Именно поэтому…

Думаю, что свернула с дороги я именно поэтому.

«Тойота» резко развернулась и исчезла из прицела Тео.

«Что?»

Удивление сменилось неверием…

«Нет, нет, нет…»

Голубая машина с визгом покрышек резко развернулась на сто восемьдесят градусов. Теперь не попасть точно в Лену Нгуен. За долю секунды исчезло ее лицо, теперь скрытое корпусом ее уезжающей прочь машины.

Тео не мог в это поверить. Он уже держал ее на мушке. Он готовился стрелять… Откуда она знала, что нужно повернуть, причем именно в эту секунду, в этом месте?

Винтовка дрожала в его руках. Все поплыло перед глазами. Он хотел высунуться из окна и в любом случае выстрелить по машине девчонки — которая теперь неслась от него прочь, опять вверх по мосту. Но под таким-то углом стрелял бы он только наугад. В любом случае, он слишком ослаб, чтобы подняться.

Кровь продолжала литься ему на футболку, ее качало сердце, работающее как замедляющий ход метроном. Сознание затуманилось, перед

глазами потемнело. Девчонка исчезла, в разбитом зеркале ее не было видно. В разрушающихся стенках его сознания эхом повторялась одна единственная мысль:

«Я ее заполучил. Я ее заполучил. Я ее заполучил. Я всегда получаю своих бродяжек…»

Поднимаясь на мост Хэйрпин, Лена увеличила скорость.

Снова к патрульной машине Райсевика, сквозь дым, окутывающий мост. Детоубийца лежал на дороге, но не там, где она его оставила. Он медленно полз, волоча сломанные ноги, за ним тянулся кровавый след.

Она резко нажала на тормоз, достала «Беретту» из держателя для чашек, проверила магазин — пустой. Остался только один девятимиллиметровый патрон, досланный в патронник.

Хватит и одного.

Райсевик находился в пятидесяти ярдах впереди и увидел ее приближение. Он все понял и быстрее пополз на переломанных конечностях. Его охватила паника. Он предпринял жалкую попытку встать, ухватившись за заднюю часть патрульной машины.

Лена со щелчком вставила пустой магазин в пистолет. Несколько дополнительных унций

сделают пистолет тяжелее, и ей будет проще прицелиться. Она взяла очки сестры с приборной панели и надела, помассировала глаза большими пальцами, сделала глубокий вдох, потом выдохнула и дала еще одно обещание, которое отдалось болью в сердце: *«Мама с папой никогда, никогда ничего не узнают»*. Она вышла из салона на раскаленный воздух и с грохотом захлопнула за собой дверцу. Она собиралась в последний раз посмотреть капралу Райсевику в глаза.

«Я обещаю, сестра. Мама ничего не узнает».

Райсевик добрался до багажника «Доджа» — он был незаперт — открыл его, оставляя окровавленные следы ладоней на крышке, и запустил руку внутрь…

Он достал свою винтовку.

Она весь день ждала в темноте и теперь наконец — наконец! — оказалась у него в руках. Черная, с поблескивающими на ней капельками масла, остро пахнущая растворителем, причем запах странно напоминал сладкий леденец. Райсевик с трудом сдержал смех, рвущийся из груди.

— Тварь, я приготовил для тебя сюрприз! — сказал он себе под нос и посмотрел на Лену.

Она уже выбралась из машины. Спокойно шагнула на дорожное покрытие и встала в стойку — ноги на ширине плеч. Она приподняла локти и у нее получилась идеальная фронтальная стойка для стрельбы из пистолета, которую она столько тренировала. Она подняла «Беретту», прицелилась. Она даже не пыталась скрыться за машиной.

Еще больше удивляло расстояние. Их все еще разделяли пятьдесят ярдов.

Райсевик защелкнул затвор, дослал патрон в патронник, поднял винтовку и направил на Лену. Ствол лежал на бампере его «Доджа». Прицельная сетка с красной подсветкой легко ее нашла. Прицел словно хищник, что был голоден.

Кэмбри стояла неподвижно. И сама в него целилась.

Нет, это была Лена. В очках Кэмбри. Она стояла как статуя на расстоянии примерно половины футбольного поля. Рик смотрел на нее через оптический прицел винтовки, а она смотрела на него в ответ, но у ее пистолета не было увеличивающего прицела. На какое-то мгновение у него возникло ощущение, что они смотрят друг другу в глаза поверх своего оружия. Что-то в происходящем — в этой дуэли под открытым

небом и нещадно палящим солнцем — пугало его. Никакого укрытия. Никаких слов. Никаких оправданий и извинений.

«Ты на самом деле хочешь этого, девочка? — хотелось закричать ему. — *Это тебе не на стрельбище стрелять*!»

Пятьдесят ярдов — это сто пятьдесят футов. Пуля из его винтовки с увеличивающей оптикой это расстояние преодолеет легко. Но дальнобойность ее пистолета в два раза меньше! Пистолеты — это оружие для ближнего боя, и на большие расстояния из них стрелять точно чрезвычайно сложно. При низкоскоростном полете пули усиливается влияние ветра и силы тяжести. Конечно, расстояние между ними было гораздо больше, чем на стрельбище с кондиционером, где Лена тренировалась в Сиэтле. К тому же на нем все еще был надет бронежилет, защищавший его от любого выстрела, за исключением точного попадания в голову. Лена хорошо стреляла, точно. Но не может же она настолько хорошо стрелять? Ведь не может же?

«Правильно, не может». Большим пальцем он снял винтовку с предохранителя.

Может, Лена уже поняла свою фатальную ошибку. Не следовало ей возвращаться, чтобы его

прикончить. Ведь теперь она оказалась участницей перестрелки, выиграть которую не сможет. Глядя в прицел, Рик Райсевик прицелился ей в грудь и приготовился стрелять. А Лена в это время нацеливала на него свою «Беретту», держа ее двумя руками и сурово глядя немигающими глазами. Она делала то же самое, что и он. Райсевик глубоко вдохнул.

«Она стреляет не настолько хорошо», — подумал он, нажимая на спусковой крючок.

«Она просто не может быть настолько хо…»

Он увидел вспышку, словно вылетевшую у нее из рук. Она выстрелила первой. Стреляла она с пятидесяти ярдов, и свет долетел до него практически мгновенно, а потом, десятую долю секунды спустя, прилетела и пуля, и еще через шестую долю секунды звук.

Но звук он уже не услышал.

Четыре минуты спустя «Тойота» сестер Нгуен в последний раз съехала с моста Хэйрпин, с этой проклятой Шпильки. Покидая его, машина снова приблизилась к стоявшей неподвижно на южном наклонном съезде грузовой фуре Тео Райсевика.

Там в ожидании на дверце пристроился его

заряженный «Винчестер» с рычажным взводом. Палец с грязным ногтем лежал на спусковом крючке. Вначале «Тойота» появилась в осколках разбитого бокового зеркала, а потом в железном прицеле винтовки. Но винтовка не выстрелила: державший ее мужчина несколько минут назад сделал свой последний вдох из-за того, что потерял слишком много крови.

«Тойота» миновала фуру и покинула перекрестье прицела.

Она ехала дальше.

А грузовик Тео продолжал висеть, цепляясь за скрученные ограждения, еще сорок восемь минут. Под весом фуры последняя заклепка наконец вылетела, и машина со всем, что находилось внутри и телом серийного убийцы, который посмертно станет известен как Пластикмен, рухнула в сухое русло. Звук был такой, словно рухнул метеорит, гремел и сжимался металл, загорелось дизельное топливо, но все это никто не слышал и не видел.

Глава 28

Уезжая с моста, я могла бы поклясться, что ты, Кэмбри, находилась в машине вместе со мной.

Ты сидела рядом. На соседнем сиденье. Я четко видела тебя своим внутренним зрением. Ты сидела на переднем пассажирском сидении, закинув ноги на приборную панель, жевала жвачку, что-то рисовала в своем блокноте, то и дело поднимала глаза и мне улыбалась. Ты всегда любила рисовать.

Я тоже улыбалась.

Не могу описать, что чувствовала в тот момент. Боже, я пытаюсь сделать это сейчас, но у меня ничего не получается. Могу только сказать, что никогда раньше не чувствовала такого удовлетворения и никогда у меня на душе не было так тепло. С трудом заслуженное умиротворение.

Теперь твоя душа может упокоиться, сестра, потому что твои убийцы больше не убьют ни одного невиновного человека. Мама знает, что ты не в аду. Когда я ехала на пробитой пулями машине назад в Магма-Спрингс, я не могла не улыбаться — и эта глупая радостная улыбка висела у меня на лице все время. Я поставила твои старые диски с

музыкой и включила звук на полную.

Лена ехала молча.

Она больше не могла кричать. Не могла рыдать. Ее даже больше не тошнило. Она через все это уже прошла. У нее покраснели глаза, болело горло, сейчас она не чувствовала ничего. У нее в груди образовалась пустота. Она опустила зеркало заднего вида, потому что больше не могла видеть лицо сестры.

Мост Хэйрпин исчез у нее за спиной. Металлический каркас моста скрылся за стеной дыма, поднимавшегося на милю вверх, и она пообещала сама себе, что больше никогда, вообще никогда не ступит на него ногой. Как бы ей хотелось, чтобы металл мог гореть. Как бы ей хотелось, чтобы она вообще никогда не приезжала в Монтану.

Небо осветила кривая молния. Никакого грома, никакого дождя. Просто вспышка среди пепла.

У нее на колене лежала фотография из бумажника Райсевика — они с Кэмбри улыбались на озере. Сама эта фотография поставила перед Леной новые вопросы. На ней в последний раз была запечатлена кривая улыбка сестры. Лене было тошно на нее смотреть.

Она выбросила фотографию в окно — пусть ее заберет себе ветер.

Глава 29

Мне нужно еще-кое-что рассказать.

После этого я закончу.

Я это печатаю, а на улице уже рассветает. Сегодня 21 сентября, 5:31 утра, и я собираюсь ехать в округ Хауард, похоже, на верную погибель. Я собираюсь встретиться лицом к лицу с Райсевиком и узнать правду о смерти Кэмбри. У меня приготовлен термос с черным кофе и заряженная «Беретта».

Прошлой ночью мне снился сон.

И перед отъездом, пока я не забыла, мне нужно его записать.

В моем сне нам снова было по восемнадцать. Тебе и мне, Кэмбри. Мы опять оказались на том железнодорожном мосту над рекой Якимой вместе с твоими друзьями. Прежде чем прыгнуть, ты сказала мне, что не веришь в загробную жизнь. Потом я услышала этот жуткий удар, когда ты стукнулась головой о балку моста. Я прыгнула вниз и каким-то образом нашла тебя в этой холодной и темной воде. А потом мы обе просто рухнули на берег, на холодный песок. Мы тяжело дышим, у нас обеих вздымается грудь. Зеленые

речные водоросли запутались у тебя в волосах.

Ты поворачиваешь голову и смотришь на меня — и я знаю, что это сон, а не воспоминания, потому что в реальной жизни к тому времени твои друзья уже нас окружили. Но во сне лишь мы вдвоем и плещущаяся о берег вода. Ты смотришь на меня пронзительным взглядом, и в твоих юношеских глазах стоит печаль. Я никогда не видела такой сердечной боли.

Жду, когда ты заговоришь.

Я знаю, что это не обычный сон. И это не еще один кошмар с перерезанными горлами и блестящими внутренностями. Каким-то образом я знаю: это мой шанс, может, мой единственный шанс, реальный или воображаемый, снова поговорить с тобой. После того как сон пройдет, ты исчезнешь навсегда.

Я жду, когда ты заговоришь. Вот и все.

Пожалуйста. Скажи хоть что-нибудь, сестра.

Лена добралась до Магма-Спрингс под ядовито-оранжевым небом. Автострада была забита беженцами, двигавшимися на восток, и пожарными, направлявшимися на запад. Она доехала до знакомой, посыпанной гравием парковки,

которой пользовались посетители небольшого кафе «Магма-Спрингс» в одноименном городишке и автозаправочной станции «Шелл». Серым пеплом уже усыпало окна, словно начался апокалипсический мороз.

Она захлопнула дверцу «Тойоты», заперла ее. Это была привычка, она действовала на автомате — зачем запирать, если окна выбиты?

Лена вошла в кафе и увидела, что на ее столике все осталось так, как было. Запись шла, и все уже было загружено в облако, как она и планировала. Связь не прерывалась. Файл MP4 записывался три часа и девятнадцать минут, а потом Райсевик уничтожил передатчик. К завтрашнему дню о двух убийцах, которых она убила, будут говорить во всех новостях по всей стране.

Женщина за стойкой смотрела по телевизору новости о лесном пожаре и даже не подняла голову, когда вошла Лена. Она только с отсутствующим видом спросила, как идет работа над проектом.

— Отлично, — ответила Лена.

— Хотите что-нибудь?

— Нет, — но потом Лена передумала. — Мороженое с сиропом, орехами и фруктами.

Женщина нырнула в кухню, а Лена заметила

на стене газетную вырезку в рамочке. Местному патрульному вручили награду. Она узнала улыбку Райсевика, только на этой фотографии он был моложе. Она внимательно осмотрела его лицо, белые зубы, прищур, какой обычно бывает у героев в кино, и задумалась: к тому времени, как делали эту фотографию, от скольких тел он уже избавился? Что Кэмбри в нем нашла, в этом Отвратительном Парне № 18? Он что, стал еще одним жуком, которых она собирала в банку?

Кэмбри ей никогда не ответит. Если ад существует, то она, вероятно, там.

Или она вообще исчезла. Что хуже?

Со столешницы на Лену смотрел динозавр Боб. Она сама его сегодня нарисовала, когда ждала Райсевика. Теперь из сумки она достала ручку и стала его счищать, сильно царапая поверхность. Мысленно она снова вернулась на мост Хэйрпин, на эту проклятую Шпильку, и к динозавру, нарисованному на сиденье в патрульной машине Райсевика — еще одна нестыковка. Но она знала, что Райсевик был прав, хотя при этой мысли у нее сжималось сердце: динозавра Боба знали все: он был героем старого мультфильма, который показывали по телеканалу. Нарисовать его мог кто угодно.

Ей принесли мороженое.

Лена съела три ложечки, а потом у нее заболел шатающийся зуб и заныли десны. Шоколадный сироп оказался жидким. Все по вкусу напоминало кровь. У нее снова скрутило живот, и она уронила ложку. У нее горели щеки, глаза наполнились слезами.

Официантка наблюдала за ней, застыв на месте. Она не ушла. Лене потребовалась минута, чтобы понять почему — ведь у нее же сломан нос, на одежде и волосах засохла кровь, а левый глаз опух и стал синим.

— Вы можете позвонить в полицию?

Официантка кивнула и побежала к стойке.

Лена ждала. Из кобуры она достала пустую «Беретту», разобрала ее, хотя и не полностью, и положила смазанные маслом черные части на столешницу. Затем она села на кисти рук и задумалась, любила ли она когда-нибудь свою сестру на самом деле или она любила ее образ? Но имеет ли это значение, если человека больше нет?

Она уставилась прямо перед собой, на сиденье напротив, пока ее глаза не перестали что-либо видеть — все поплыло.

Ты тоже смотришь на меня.

В твоих глазах стоят слезы, ты кривишь губу, но вначале я не узнаю это выражение лица — я никогда не видела его у тебя раньше. Стыд. Глубокое, болезненное унижение. От этого разрывается сердце. Я вижу, что почему-то ты боишься меня. Того, что я могу о тебе подумать.

Я спрашиваю у тебя, что случилось.

Ты не отвечаешь. Резко отворачиваешься, моргаешь, слезы брызгают из глаз, а ты смотришь на реку Якиму.

Я все равно не понимаю. Касаюсь твоего плеча. Ты качаешь головой, твои мокрые волосы мотаются из стороны в сторону. Ты продолжаешь смотреть прямо перед собой, на воду, которая чуть не поглотила тебя навсегда, на противоположный берег и дальше. Ты раскрываешь губы и наконец говоришь, слова вылетают между дрожащими зубами вместе с легким дыханием:

— Действуй, Лена.

Лена моргнула.

Она сидела одна в кафе. На телевизоре выключили звук. В кухне не гремела посуда, не работала посудомоечная машина. После того как официантка увидела на столе разобранный пистолет, она вывела из кафе весь персонал. Лене теперь осталось только ждать полицию — настоящую полицию. Они приедут и заберут ее для допроса. Но что-то было не так.

Один вопрос оставался нерешен.

Динозавр Боб все еще просматривался на деревянной столешнице. Она не стерла его мультяшные глаза.

Ручка лежала на столе. Лена неподвижно сидела на кистях рук, освещаемая красным солнцем, и вспоминала вчерашний сон. Он резко всплыл в памяти.

«Как я должна действовать? Куда идти?»

Ты не отвечаешь. Просто смотришь на рябь на реке и рассеянный свет и качаешь головой.

«Пожалуйста, действуй».

Я не понимаю.

Ты поворачиваешься ко мне лицом, и по твоей щеке скатывается слезинка. В твоих стеклянных глазах появляется что-то новое — срочность. Есть

какое-то срочное дело. Растет тревога.

«Действуй, Лена. Иди и действуй прямо сейчас».

Я все равно продолжаю тупо на тебя смотреть.

Я вижу, что мое непонимание тебя раздражает. Ну не доходит до меня! По правде говоря, Кэмбри, ты меня тоже раздражаешь. Я прыгнула за тобой в темную воду, я рисковала собственной жизнью, и все для того, чтобы ты вот так меня куда-то гнала? Какой тогда был смысл? Зачем я вообще утруждала себя?

Я качаю головой, все еще не понимая. В любом случае я не хочу никуда идти. Я хочу остаться с тобой. Мне тебя не хватает. Пожалуйста, Господи, позволь мне остаться здесь еще немного, на этом полузабытом берегу реки Якимы, поговорить с моей умершей сестрой. Но ты меня гонишь.

Почему?

Я падаю спиной на мокрый песок. Я в ужасе, мне обидно. Я смотрю на тебя снизу вверх. У меня в глазах стоят слезы, и я ничего не могу с этим поделать.

«Давай уже, — шипишь ты сквозь зубы. — *Прямо сейчас. Время на исходе».*

Лена вышла из кафе «Магма-Спрингс».

На столе она оставила свой ноутбук, почти нетронутое мороженое и пистолет, разобранный на пять частей. Дверь кафе за ней захлопнулась, и она вернулась к своей «Тойоте» под темнеющим небом. Официантка стояла у насосов на автозаправке «Шелл» и смотрела, как отъезжает машина. Она прижимала к уху мобильный телефон и диктовала службе 911 цифры и буквы с номерного знака «Тойоты».

Лена снова выехала на автостраду. Мчалась быстро. Двигатель покашливал и гремел.

«Лена, действуй».

Она петляла между грузовиков пожарной охраны и двадцатитонными цистернами. Ей было больно, когда воздух обдувал ее свежие раны. Автострада МТ-200, затем дорога Пикл-Фарм-роад. Через несколько миль у себя за спиной она услышала завывания полицейской сирены. Она не стала оглядываться. Она знала, что ее преследует такой же, как у Райсевика, «Додж Чарджер». Это не имело значения, потому что она почти доехала до места.

«Давай. Прямо сейчас».

Она чуть не пропустила подъездную дорогу. Но она была там — правый поворот, мимо сгоревшего сарая, все точно так, как описывал Райсевик. Еще полмили по посыпанной частично размытой гравием дороге, и она добралась до широкого жилого вагона, в два раза шире стандартного, и мастерской на большом цементном фундаменте. Она остановила машину и выскочила из нее, оставив дверцу открытой. Ее фары пронзали сгущающуюся тьму. Лена вошла на этот странный участок, где ничего не росло. Она прошла мимо заржавевшей грузовой фуры, куч выкопанных камней, ровных рядов бревен, которые уже начали гнить, и справа заметила то жуткое место, с которого все началось: четыре костровые ямы, окруженные пирамидами из тяжелых камней. Теперь они пустовали. От сухих углей в воздух поднималась пыль, разносимая ветром.

Она шла дальше. Слева — канавы и вывороченная земля. Красный трактор, покрытый сухой грязью. Земля под ногами шевелилась и проваливалась. Лена задумалась, над сколькими закопанными здесь машинами она шла. И какую часть земли здесь составляет пепел от кремированных человеческих тел?

Участок осветили мигающие красно-синие

огни. Патрульная машина припарковалась за ее «Тойотой», отбрасывая дикие тени на участок Райсевиков.

Она шла дальше, дальше. Полицейский посигналил, пытаясь привлечь ее внимание. Она все равно не повернулась. Она не могла остановиться. Ее сердце все сильнее и сильнее колотилось в груди.

«Время на исходе...»

Затем я проснулась.

Это был мой сон, дорогие читатели.

Боже, я надеюсь, что на самом деле это была ты, Кэмбри, а не мое воображение, я не принимала желаемое за действительность. Надеюсь, что твоя душа и вправду посетила меня во сне, погнала меня сегодня утром за дверь, это в твоем грубоватом стиле. Ты хотела, чтобы я не утратила мужества, поехала на встречу с Райсевиком и бросила ему вызов, глядя прямо в глаза, на том мосту, где ты умерла. Ты хотела, чтобы случившееся с тобой больше не повторилось ни с кем. Все зависело от меня.

Но что-то не сходится — отчаяние в твоих глазах. То, как ты меня гнала. Почему ты была так

расстроена? Как бы я хотела, чтобы ты сказала что-то приятное, типа *«Я тебя люблю»*.

Наверное, я просто чего-то не понимаю.

И это не имеет значения. Независимо от того, что ты сделала при жизни, меня это не волнует. Мне плевать! Я заранее прощаю тебя, сестра.

За что угодно. За все.

Что бы это ни было.

Я проснулась, не успев ничего ответить. Но тебе важен мой ответ, да? Ты же меня знаешь. Он будет занудный. Думай обо мне, как о перевернутом с ног на голову злобном искусственном интеллекте из «У меня нет рта, но я должен кричать»[25]. Все просто: «Любовь. Любовь. Любовь. Любовь». Только из любви к тебе. В том кратере, что ты оставила после себя, нет ничего, кроме любви. Любовь немыслимой глубины, неизвестной ширины, которая тянется с севера на юг и с запада на восток к бескрайним горизонтам. Непрекращающаяся, неустанная, безусловная любовь. Кэмбри, близняшка моя, я так тебя люблю!

Мне плевать на то, что ты натворила в жизни, на те грехи, которые ты хотела бы искупить.

---

[25] Примечания: 25

«*У меня нет рта, но я должен кричать*» — рассказ американского писателя-фантаста Харлана Эллисона о богоподобном искусственном интеллекте в постапокалиптическом мире.

Ты боишься, что я буду тебя осуждать — но мне плевать. Успокойся, сестра, потому что я всегда буду тебя любить.

И…

Вот и все. Отключаюсь. Отправляюсь в Монтану. Закрываю ноутбук, иду к твоей машине, завожу двигатель и еду. Как ты и просила меня. Но я тоже у тебя кое-что попрошу.

Пожалуйста, прикрывай меня сегодня на мосту Хэйрпин. Стой у меня за спиной. Будь моим шестым чувством. Будь шепотом у меня в сознании, волосами, будь мурашками у меня на спине, будь той тонкой гранью, которая поможет мне выжить в сегодняшней схватке. Позволь мне позаимствовать одну из твоих фурий на сегодняшний день. Но больше всего я прошу тебя, Кэмбри: если во сне была и вправду ты, а не мое болезненное воображение…

Пожалуйста, Кэмбри…

Дай мне знак.

Она услышала, как полицейский опустил стекло своей машины и закричал:

— Стоять!

Она не остановилась, не могла.

Он выключил двигатель, и в наступившей тишине, от которой только чаще билось сердце, внимание Лены привлек звук. Он был очень слабым, с каким-то отзвуком, потому что шел из закрытого пространства. Она остановилась. Звук казался иллюзией, игрой ее воображения, словно звон в ушах.

У нее за спиной открылась дверца машины.

— Остановитесь! Немедленно!

Лена все равно сосредотачивала внимание только на этом звуке, на этом нереальном эхе. Она едва ли слышала его, маячившего на грани ее восприятия. Она заставляла себя в него поверить, убеждала себя, что глюк из-за ее поврежденных барабанных перепонок. Она хотела верить в реальность этого звука и в то, что он что-то значит. Он шел снизу. Слева от нее. И она увидела круг из старых камней. Колодец, подпитываемый грунтовыми водами.

Внутри нее все похолодело.

И только теперь она развернулась. Она шагнула навстречу патрульному, но у нее подгибались колени, ее шатало. Одну руку полицейский уже держал на пистолете. Он замер на месте, хотел сделать шаг, но остановился с уже поднятой ногой. Полицейский услышал тот же звук, что и она.

«О, слава Богу!» Он тоже услышал. Этот звук не из ее головы! Лена моргнула, пытаясь избавиться от слез, и их взгляды встретились. Он уже знал, что это, а в следующую секунду с благоговейным трепетом поняла и Лена.

Звук, доносившийся из темных глубин колодца Райсевиков, усилился. В нем слышалась боль, звучал он хрипло — ведь его обладатель не пил два дня и умолял, чтобы его нашли.

Это был плач маленького мальчика.

Эпилог

Она спустилась в узкую шахту, упираясь в сухие камни пятками и плечами. Колени приходилось прижимать к груди. Это напоминало спуск в дымоход. Для полицейского, что держал веревку сверху, места тут было слишком мало. Температура опускалась по мере того, как Лена все ниже и ниже погружалась в удушающую тьму — пятнадцать футов вниз, потом двадцать, тридцать. Она могла поклясться, что снова находится на глубине реки Якимы. У нее опять распирает легкие, она боится, что вытянутой рукой ничего не нащупает, что Кэмбри исчезла навсегда.

В этот раз Лена Нгуен не боялась.

Она нащупала их в самом низу — маленькие пальчики, которые ухватились за ее руку.

Она отвязала веревку от пояса и сидела с мальчиком, пока не прибыла помощь. Она разрешила ему пить воду маленькими глоточками, чтобы его не вырвало. Позже она не вспомнит большую часть того, что говорила мальчику, пока они оба ждали спасателей. Она объясняла ему, что теперь он в безопасности, скоро сюда приедут хорошие

люди и помогут. Говорила, что близкие, которых мы теряем, всегда, *всегда* остаются с нами. Все это, вероятно, не имело значения для обезвоженного маленького мальчика со сломанными ногами. Возможно, он не понимал того, что говорила Лена. Но иногда имеет значение только твой голос во тьме.

Но одно она помнила.

— Хочешь, открою секрет?

Конечно, он хотел.

Приехали пожарные и врачи, до них внизу донеслось эхо голосов, и сверху их осветили лучи фонариков. Тогда Лена склонилась к нему поближе и прошептала:

— Я тебя нашла благодаря сестре.

Благодарности

Как и в случае других книг, эту я бы не написал без постоянной поддержки семьи. Спасибо родителям за то, что всегда в меня верили. Они самые большие поклонники моего творчества.

Спасибо Жаклин за то, что терпела все мои причуды, заставляла по-новому взглянуть на героев и сюжет, время от времени меня тормозила. И еще, что подкинула идею, которая, возможно, спасла этот роман.

Спасибо моему потрясающему литературному агенту Дэвиду Хейлу Смиту, который в трудные минуты помогал не сбиться с пути. Также хочу поблагодарить Эмму Линч и Мартина Соамса за их компетентность и экспертное мнение, а еще менеджера Чада Снопека за его мудрые советы.

Спасибо моему невероятному редактору Дженнифер Брел из «William Morrow» за то, что направляла мои устремления в нужное русло. Вместе мы создали чудесную книгу. Каждый наш выбор был правильный, включая ее оформление. И, конечно, я бы хотел поблагодарить Питера Шнайдера за рекомендации по поводу книги и экранизации,

которые, как всегда, были по существу! Огромное спасибо всему коллективу «William Morrow» за великолепную работу, благодаря вам книга доведена до ума и читатели могут ее прочесть.

Всем спасибо.